

Академия наук Республики Татарстан  
Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова

*На правах рукописи*

Хисамиева Гульназ Назымовна

**ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КИТАЕ:  
СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ  
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО 60-х гг. XX в.)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Научный руководитель:  
доктор исторических наук,  
профессор, академик АН РТ  
И.А. Гилязов

Казань – 2025

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ В XIX – СЕРЕДИНЕ XX в. И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ .....	22
1.1. Участие татар в российской торговле со странами Центральной Азии.....	22
1.2. Зарождение татарской общины в Синьцзяне во второй половине XIX – начале XX в. .....	62
1.3. Особенности репатриации татар из Синьцзян-Уйгурского автономного района в СССР в 1950–1960-е гг. .....	84
ГЛАВА 2. ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX в. .....	99
2.1. Вклад татарских предпринимателей в экономику Синьцзяна.....	99
2.2. Особенности и формы участия татарских общин в культурно-просветительской и духовной жизни коренного населения.....	106
2.3. Татары Синьцзяна в общественно-политической жизни Китая в 1940–1950-е гг. .....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	174
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	179
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	204
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	205

## ВВЕДЕНИЕ

Китайская Народная Республика (КНР) – многонациональное государство, на территории которого проживают 56 национальностей. Основное население – это ханьцы, которые составляют около 92% жителей страны, остальные 8% – это малочисленные народы, которых называют национальными меньшинствами<sup>1</sup>. Тем не менее, эти так называемые меньшинства расселены на территории, занимающей около 60% площади страны<sup>2</sup>.

Представители малочисленных национальностей проживают в крупных городах КНР. Причины такого расселения, история их появления в этом государстве различны.

Одним из самых малочисленных народов Китая являются татары, численность которых по данным переписи населения 2020 г. составляет 3544 человек<sup>3</sup>. Проживают они в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики (СУАР КНР). Из этих 3,5 тысяч около 1,5 тысячи татар проживают в Дацюань-Татарской национальной волости в уезде Цитай Чанцзи-Хуэйского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР<sup>4</sup>. Богатая 150-летняя история проживания татар в Китайском государстве заслуживает серьезного исследовательского внимания.

Под татарами мы понимаем коренной народ Российской Федерации, который можно разделить на три основные этнотерриториальные группы: поволжско-приуральских (казанских, волжских, поволжских, волжско-уральских) татар, астраханских и сибирских татар, имеется также субэтническая группа польско-литовских татар<sup>5</sup>. Обратим внимание на то, что ядро диаспоры

<sup>1</sup> Вань Цань Национальности Китая. Пекин: Межконтинент. изд-во Китая, 2004. С. 8.

<sup>2</sup> Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: 1986. С. 372.

<sup>3</sup> Перепись населения КНР 2022 г. Режим доступа: [<https://tjj.xinjiang.gov.cn/tjj/tjgn/>]. (дата обращения: 11.02.2023).

<sup>4</sup> 大泉塔塔尔族乡 [Татарский поселок Дацюань]. Режим доступа:

[<https://baike.baidu.com/item/大泉塔塔尔族乡/1638441>]. (дата обращения: 05.06.2024).

<sup>5</sup> Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. С. 566; Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5. С. 569.

составляли группы татар, которые сформировались на территории Поволжья и Приуралья.

Постепенная миграция татар, прежде всего поволжско-приуральских, способствовала увеличению числа мест их компактного и дисперсного проживания в России и мире<sup>6</sup>. Сегодня трудно найти регион в России или страну, где бы не жили и не живут татары.

История расселения татар уходит в глубь веков. Причины дисперсности татарского народа очень разнообразны, в первую очередь они заключаются в особенностях экономического, политического и социального развития в различные эпохи. Многие исторические события серьезно повлияли на географическую широту расселения татар.

**Актуальность темы** исследования заключается в необходимости создания целостной картины миграции татар в Северо-Западный Китай в разные эпохи, выявления ее причин, особенностей, хода, последствий, что должно способствовать лучшему пониманию истории татар как дисперсного народа. Кроме этого, изучение татарских диаспор является одной из востребованных задач татароведения и исторической науки в целом. Быстро развивающиеся российско-китайские отношения также требуют более детального исследования миграционных процессов населения двух государств.

Причины переселения, освоения новых территорий, процесс формирования общин в Синьцзяне, сохранение этнокультурной идентичности татарского народа и, наконец, репатриация местного населения Синьцзяна – все эти вопросы до сегодняшнего дня не получили полноценного научного осмысления и не являлись предметом комплексного и системного исследования. Кроме того, эта тема долгое время оставалась вне поля зрения исследователей во многом из-за ограниченности источников базы и его специфики.

---

<sup>6</sup> Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5. С. 569; Татары. Режим доступа: [<https://tatarica.org/ru/razdely/narody/tatary/tatary>]. (дата обращения: 11.02.2023); Татары: [Монография] / [Д.М. Исхаков, Д.Б. Рамазанова, И.Р. Газимзянов и др.]. М.: Наука, 2001. 582 с.

Основное направление данного исследования заключается в изучении дореволюционного и послереволюционного эмиграционного процесса. В работе затрагиваются также и отдельные аспекты международных отношений, которые позволяют яснее представить и понять особенности российско-китайских контактов в разных сферах в период Российской империи и Советского Союза.

**Объектом исследования** диссертационной работы является татарская диаспора Синьцзяна второй половины XIX – начала 60-х гг. XX в.

Татарская диаспора Северо-Западного Китая имеет давнюю 150-летнюю историю. Татары Синьцзяна привлекают внимание ученых-исследователей тем, что на протяжении полутора веков они не только не утратили язык, культурные традиции, но и сохранили самобытность.

Выбор данного объекта исследования обусловлен тем, что татары, проживающие в Синьцзяне, не являлись объектом специального комплексного научного исследования.

**Предмет исследования** – экономическая, общественная, культурная, духовная и политическая деятельность татар Северо-Западного Китая.

**Хронологические рамки исследования** определяются второй половиной XIX – началом 60-х гг. XX в. За исходный хронологический рубеж взята вторая половина XIX в., связанная с подписанием Кульджинского договора. Он открывал новые возможности для татарских купцов, которые в целях расширения своей коммерческой деятельности сначала переезжали в приграничные районы Российской империи, а затем постепенно перебирались в торговые города Северо-Западного Китая. При исследовании причин переезда татар в Северо-Западный Китай нами были проанализированы исторические сведения, относящиеся к более раннему периоду (XVIII–XIX вв.), с целью углубленного изучения причин эмиграции татар.

Верхним рубежом исследования является начало 60-х гг. XX в., и это обусловлено серьезными внутриполитическими изменениями в СУАР КНР, что привело к оттоку татарской диаспоры в Советский Союз, а также к переезду в Турцию, Австралию и США.

**Территориальные рамки исследования** охватывают современную территорию СУАР КНР, границы которого неоднократно менялись.

Особое внимание в исследовании уделено трем городам Синьцзяна: Кульдже, Чугучаку и Урумчи, где сформировались крупные общины татар.

**Степень изученности проблемы.** История изучения данной темы прослеживается с середины XX в. Историографию по тематике татарской эмиграции можно разделить на несколько групп, которые посвящены эмиграции, торговле и репатриации.

В начале XX в. в ряде исследовательских работ были впервые поставлены задачи изучения проблемы эмиграции в целом, собраны некоторые статистические данные с конца 1880-х гг. и до 1914 г. «После революции 1917 г. появился ряд работ по истории политической эмиграции в России в XIX – XX вв., но это были не столько исторические исследования, сколько отклики историков и публицистов на идеологические запросы того времени»<sup>7</sup>.

С 1930-х гг. все темы, в той или иной степени связанные с российской эмиграцией, попали в категорию «запрещенных», а источники, в том числе воспоминания очевидцев событий, были переданы в спецхранилища советских библиотек и архивов. Вследствие этого до «оттепели» 1960-х гг. в Советском Союзе не было опубликовано ни одной сколько-нибудь значительной исследовательской работы по «эмиграционной теме»<sup>8</sup>.

В 1954–1963 гг. в Советский Союз возвратилась часть бывших эмигрантов, в том числе и татар, некоторые из них вскоре опубликовали свои воспоминания<sup>9</sup>.

В 1980–1990 гг. историки начали активнее поднимать отдельные проблемы истории российской эмиграции<sup>10</sup>. В это время появляются новые взгляды на данную проблему, формируются новые подходы и оценки этого феномена.

<sup>7</sup> Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование Российской диаспоры за рубежом// Отечественная история. 1996. № 1. С. 53.

<sup>8</sup> Там же. С. 53.

<sup>9</sup> Госманов М. Голъя татарлары//Азат хатын. 1952. № 2. С. 5.

<sup>10</sup> Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т., 1987. 84 с.; Русское зарубежье: золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997. 748 с.; Шкаренков

Если обратиться к истории татарской эмиграции, следует выделить книгу на уйгурском языке «Татарларның қыскача тарихы»<sup>11</sup>, вышедшую в свет в 1988 г. в Синьцзяне. В этой книге исследователями Северо-Западного Китая делается попытка представить всю историю татарской диаспоры этого региона. Авторы дают свой вариант ее периодизации, акцентируют внимание на социальном положении татар, переехавших в этот регион, а также рассматривают культурную и политическую жизнь татар. К сожалению, в данной публикации не нашли отражение отдельные аспекты истории татарского населения Китая (а именно жизнь после 30-х гг. XX в., революционные движения татар и т.д.), что, вероятно, можно связать с особенностями политической и религиозной ситуации в Китае в этот период, вынуждавшими авторов сознательно избегать освещения некоторых тем. И все же данное издание содержит немало ценного конкретного материала по истории эмиграции татар.

Фактически первым значительным шагом в изучении судеб татарской эмиграции в целом в отечественной историографии стал сборник статей «Йөртэ безне язмышлар», опубликованный в 1992 г. в Казани на татарском языке.<sup>12</sup> Сборник представляет собой небольшие по объему статьи 13 авторов, посвященные татарским диаспорам в Турции, Финляндии, Америке, Китае и некоторых других странах. Полноценным историческим исследованием назвать его довольно трудно, публикация носит больше научно-популярный характер, представления и оценки авторов порой поверхностны. Источниковая база отдельных статей также оставляет желать лучшего. Тем не менее, это первое обращение авторов к сюжетам истории татарской эмиграции, и оно вполне заслуживает внимания.

Отметим, что именно в период перестройки в СССР заметно вырос интерес к соотечественникам, проживавшим и проживающим в разных странах, и он

---

Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 236 с.; Афанасьев А.Л. Полынь в чужих краях. М.: Молодая гвардия, 1987. 285 с.

<sup>11</sup> تاتارلارنىڭ قىسىچە تارىخى. 1988.

[Краткая история татар. 1988.]

<sup>12</sup> Йөртэ безне язмышлар. Фэнни-популяр очерклар. Казан: Татар. кит. нэшр., 1992. 240 б.

выплеснулся на страницы газет, журналов, книг. Многие авторы делали попытку переосмыслить старые представления об эмиграции и раскрыть забытые страницы ее истории.

С начала 1990-х гг. появляются отдельные публикации и о татарских диаспорах в мире. Например, в справочнике «Татары и Татарстан»<sup>13</sup> (1993 г.) имеется отдельная глава о татарских диаспорах. Автор этой статьи Р.И. Гильфанов дает краткую характеристику каждой диаспоре, приводит численность татар, проживающих в других государствах. Однако более детального и широкого представления истории формирования и развития татарских диаспор в этой публикации нет.

В 1996 г. вышла в свет книга казанского ученого-историка, уроженца Синьцзяна, М.А. Усманова «Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар»<sup>14</sup>. Это издание имеет многоплановый характер, и посвящено оно как раз истории татарской диаспоры в Китае. В ней приведены, например, ценные и содержательные воспоминания и семейные истории самого автора, и в то же время осмысливается сам процесс развития диаспоры. М.А.Усмановым представлена также периодизация формирования татарской диаспоры, появившаяся в результате осмысления содержания «Краткой истории татар», упоминавшийся выше. В книге приведена и ценная информация о татарских преподавателях, писателях, государственных деятелях, которые жили в Северо-Западном Китае.

В этот же период, наряду с историей тюрко-татарских диаспор, во многом стараниями татарского ученого-литературоведа Х.Ю. Миннегурова<sup>15</sup> и писателя

---

<sup>13</sup> Гильфанов Р. И. Татарская диаспора // Татары и Татарстан: справочник. Казань: Татар. кн., изд-во, 1993. 173 с.

<sup>14</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 206 б.

<sup>15</sup> Миннегулов Х. Чит илләрдә татар әдәбияты һәм матбуғаты // Казан утлары. 1993. №7. Б. 154–163; Миннегулов Х. Мөһәҗирлектәге татар әдәбияты // Казан Утлары. 2007. № 12. Б. 117–135.

Тауфика Айди<sup>16</sup> проводятся исследования и в области языка, литературы, культуры татар, проживающих в Синьцзяне.

В XXI в. были опубликованы изыскания М. Ерзина «Тропою предков»<sup>17</sup>, «Гасырлар сере»<sup>18</sup>, «Из глубин Евразии»<sup>19</sup>. «Гасырлар сере» посвящена истории татар, переселившихся в XIX–XX вв. в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Автором показана жизнь и культурно-просветительская деятельность татар, их взаимоотношения с местным населением. М. Ерзин широко привлекает материалы на русском, татарском, казахском, уйгурском и китайском языках, тем самым делая исследование более детальным.

Книга «Тропою предков» посвящена истории татар, переселившихся в XIX в. из России в Семипалатинск, а затем в начале XX в. в Алтайский округ Северо-Западного Китая. Автор рассказывает о жизни Синьцзяна в 1940–1950-х гг. и общественно-политических событиях в регионе.

Книга «Из глубин Евразии» состоит из двух частей. В первой части автор рассказывает об истории татарских племен, обитавших в средние века на обширных территориях Центральной Азии. Вторая часть посвящена жизнедеятельности татарских диаспор Китая и Японии. М. Ерзин дает краткую предысторию причин переезда татар в эти страны. Рассказывает о жизни переселившихся татар, об их взаимоотношениях с местным населением, о том, как татары способствовали росту экономики, культуры и просвещения на новом месте жительства.

Не менее важным исследованием является книга М. Чанышева «Кытайда татар мәгарифе тарихы»<sup>20</sup>. В ней автор рассказывает о просветительской деятельности татар среди местных народов. М. Чанышев дает информацию о

---

<sup>16</sup> Эйди Т. Аh, туган каумем газиз! Казан: Аваз, 1999. 333 б; Эйди Т. Читлэрдә йөрөп гыйбрәт ал// Мәйдан Чаллы: Әдәби нәфис, ижтимагый журнал. Набережные Челны, 2006. № 7. Б. 97–137.

<sup>17</sup> Ерзин М. Тропою предков: док. повествование. Алматы: Ymit, 2005. 158 с.

<sup>18</sup> Ерзин М. Гасырлар сере = Тайны веков. Алматы: Мир, 2012. 328 б.

<sup>19</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. 560 с.

<sup>20</sup> Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен: Идел-пресс, 2007. 239 б.

татарских джадидистских школах в крупных городах Северо-Западного Китая, об их преподавателях и многочисленных просветителях Синьцзяна.

Исследования М. Юсимова вызывают особый интерес и внимание не только ученых, но и людей, интересующихся политической историей Синьцзяна<sup>21</sup>. Издание содержит ценный материал об исторических событиях 1930–1940-х гг., периода борьбы народов Синьцзяна против гоминьдановского режима.

Также в эти годы опубликовали свои исследования, посвященные языку, литературе татарской диаспоры Синьцзяна, З.Г. Мухаметшин<sup>22</sup>, А.Ш. Юсупова<sup>23</sup> и другие авторы.

Исследование Р.З. Закирова «Татары в меняющемся мире»<sup>24</sup> рассматривает этнополитическую историю татар, затрагивая, в том числе, и некоторые особенности формирования татарских диаспор в различных странах.

Изыскания в области торгово-экономических отношений России со среднеазиатскими государствами и Китаем, в которых особую роль играли российские татары, занимают важное место в нашем исследовании.

Первые работы отечественных исследователей и путешественников о вкладе татарских купцов во внешнюю торговлю Российской империи с восточными государствами появились еще в XVIII в.<sup>25</sup>, хотя по-настоящему научными исследованиями их можно назвать только с натяжкой. Тем не менее, они содержат ценный фактический материал.

Исследовательский интерес к изучению российской внешней торговли со среднеазиатскими государствами значительно возрос только с середины XX в. Увидели свет работы, которые касались торговых связей России с отдельными государствами Средней Азии или рассматривали другие, более широкие задачи,

<sup>21</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. 224 с.

<sup>22</sup> Ил йолдызы: татар мәһәҗирләре матбуатында Тукай / Төз. З.Г. Мөхәммәтшин. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 189 б.

<sup>23</sup> Кытайда яшәүче татарлар: тел һәм фольклор / Э.Ш. Юсупова [и др.]. Казан: Казан ун-ты нәшрияте, 2014. 343 б.

<sup>24</sup> Закиров Р.З. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX – начале XXI вв. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 207 с.

<sup>25</sup> Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах. Т. 1, кн. 2. 1782. С. 115; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 406 с.

но роль татарского купечества в таких исследованиях представлялась лишь в общих чертах (Н.А. Халфин<sup>26</sup>, Н.Я. Басин<sup>27</sup>, В.З. Галиев<sup>28</sup>, Г.И. Михалева<sup>29</sup> и др.).

Из сравнительно новых публикаций можно отметить монографию В.Н. Шкунова<sup>30</sup>, которая богата документальным и фактическим материалом о российско-восточной торговле, но в целом сохраняет указанную выше тенденцию, и роль татар в этой торговле представлена далеко не детально.

Исследование Г.С. Султангалиевой<sup>31</sup> раскрывает коммуникативные функции татарских переводчиков, толмачей в Казахской степи в XVIII–XIX вв., а также выявляет династии татарских переводчиков и толмачей, служивших в региональных администрациях Оренбурга и Омска. Представленные в монографии документы имеют большую научную ценность и выступают как важный исторический источник.

Вопрос о репатриации населения из СУАР КНР обратно в СССР изучен такими учеными, как Н.Н. Аблажей<sup>32</sup>, Б.Ж. Атантаева<sup>33</sup>, А.К. Камалов<sup>34</sup>, И.В.

<sup>26</sup> Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России: (60 – 90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. 405 с.

<sup>27</sup> Басин В. Я., Несипбаева К.Р. Внешняя торговля России со странами Востока на рубеже XIX – XX вв.// Из истории международных отношений в Центральной Азии: Средние века и новое время. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 176–183.

<sup>28</sup> Галиев В. З. Караванные тропы. Алматы: Атамура, 1994. 122 с.

<sup>29</sup> Михалева Г. А. Торговые и дипломатические связи России с Бухарским ханством через Оренбург в конце XVIII-начале XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1963. 17 с.; Михалева, Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII - первая половина XIX в.). Ташкент: Фан, 1982. 92 с; Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века: Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент: Фан, 1991. 112 с.

<sup>30</sup> Шкунов В. Н. Торгово экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первая половина XIX века. Самара, 2007. 578 с.

<sup>31</sup> Султангалиева Г.С. Татарские переводчики в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.): монография в документах. Казань, 2023. 300 с.

<sup>32</sup> Аблажей Н.Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2008. 341 с.; Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. 254 с.

<sup>33</sup> Атантаева Б.Ж. Казахстанско-китайские межгосударственные миграции в середине XIX – начале XXI вв.: автореф...дис. доктора ист. наук. Алматы, 2008. 32 с.

<sup>34</sup> Камалов А.К. Миграция 1950–1970 гг. из Китая в Казахстан: факторы и основные этапы // Отан тарихы. 2021. № 3 (95). С. 144–152.

Гребенщикова<sup>35</sup> и др. В исследованиях этих авторов приведен богатый фактический и документальный материал, который позволяет более детально представить особенности процесса репатриации и те сложности, с которыми приходилось сталкиваться возвращающимся в Советский Союз многочисленным народам, в том числе и татарам. Например, в одной из своих монографий Н.Н. Аблажей представляет эмиграционную и реэмиграционную динамику в казахстано-синьцзянском приграничье за период 1880–1960-х гг., показывает демографическую картину СУАР КНР и т.д.

Приведенный анализ исторической литературы выявил разносторонность интересов исследователей в вопросах миграции и в то же время поверхностность научного изучения именно татарской миграции в Китай. Всё это делает еще более актуальной разработку и проведение анализа исторического пути татарской диаспоры в Северо-Западном Китае и требует более глубокого изучения разных аспектов жизни и деятельности диаспоры.

**Цель исследования:** исследовать историческую эволюцию татарской диаспоры, проживающей в Северо-Западном Китае, на основе анализа источников, а также трудов современных ученых.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1. рассмотреть участие татар в российской торговле со странами Центральной Азии;
2. изучить историю зарождения татарской общины в Синьцзяне во второй половине XIX– начале XX в.;
3. выявить особенности репатриации татар из СУАР в СССР в 1954–1963 гг.;
4. проанализировать вклад татарской диаспоры в развитие экономики Северо-Западного Китая;
5. рассмотреть особенности и формы участия татарских общин в культурно-просветительской и духовной жизни местного населения;

---

<sup>35</sup> Гребенщикова И.В. Репатриация в СССР (организационные основы и нормативно-правовая база): монография. Екатеринбург, 2008. 189 с.

6. проанализировать общественно-политическую деятельность татар Синьцзяна в 1940–1950-е гг.

**Методологической основой исследования** стали базовые принципы исторического познания – научная объективность, всесторонность и историзм, которые позволили всесторонне рассмотреть исторические события и явления в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, избегая субъективных оценок.

Важным этапом исследовательской работы стали методы эмпирического уровня познания – беседы, анкетирование и интервью. Сбор эмпирического материала осуществлялся в ходе самостоятельных экспедиций автора. Отбор респондентов производился методом «Снежного кома». Данный метод актуален для нашего исследования тем, что он применяется для изучения труднодоступных групп респондентов. Поскольку исследуемая группа расселена дисперсно (охватывает две страны Китайскую Народную Республику и Республику Казахстан) и абсолютно всех респондентов опросить невозможно, автором применялся выборочный метод. Выбор указанного метода характеризуется тем, что выборочное исследование дает точные результаты и возможность глубокого изучения проблемы.

Для сбора информации среди респондентов татарской диаспоры СУАР КНР использовался качественный метод (полустандартизированная беседа). Беседа проводилась по строгому плану, включая ряд обязательных вопросов, а часть свободном ключе. Полученный в ходе беседы материал был записан и проанализирован.

В работе с респондентами из Республики Казахстан использовались количественный (анкетирование) и качественный методы (интервьюирование). Анкетирование проводилось среди бывших репатриантов, ныне живущих в городе Алматы. Объем выборки составил 100 человек. После изучения анкетных данных, было выбрано 20 респондентов для глубинного интервью.

Параметры выбора анкет:

1. возраст;

2. информативность;
3. конкретность, ясность.

В интервью с респондентами вопросы выстраивались в хронологическом порядке, задавались уточняющие вопросы и т.д. В результате всего было взято 15 интервью, которые были использованы при написании диссертационного исследования.

В ходе исследовательской работы мы обращались также и к общенаучным методам: индукции, дедукции и синтезу.

### **Понятийный аппарат**

Одним из ключевых понятий нашего исследования является термин «диаспора». Слово «диаспора» произошло от греческого «diaspeirein», которое образовано сложением двух слов: «dia» – «через» и «speirein», на русский язык дословно переводится как «рассеяние»<sup>36</sup>.

Изначально понятие «диаспора» возникло для обозначения существования еврейского народа, расселенного по всему миру<sup>37</sup>. Со временем термин стал употребляться намного шире и применялся к разным национальным группам, проживающим за пределами своей исторической родины<sup>38</sup>. Данное понятие по значению близко к понятию «эмиграция», его используют для обозначения общности эмигрантов. Термин «диаспора» часто применяется для обозначения совокупности эмигрантов какой-либо страны или местности<sup>39</sup>.

С точки зрения профессора Иерусалимского университета Г. Шеффера, «диаспоры образовались путем добровольной и насильтственной миграции

---

<sup>36</sup> Режим доступа: [<https://en.oxforddictionaries.com/definition/diaspora>]. (дата обращения: 20.05.2019).

<sup>37</sup> Дятлов В. Диаспора: попытка определится в понятиях // Диаспоры. 1999. №1. С. 8-24.

<sup>38</sup> Дятлов В. Диаспора: попытка определится в понятиях // Диаспоры. 1999. С. 8; Попов А. В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М. 1998. Вып. 4. С. 11.

<sup>39</sup> Попов А. В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М. 1998. Вып. 4. С. 11.

этнических групп за пределы своей исторической родины. Живут они в принимающих странах, сохраняя свою этническую и общинную солидарность»<sup>40</sup>.

Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова пишут: «диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»<sup>41</sup>.

В.А. Тишков подчеркивает, что «диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемой на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит нет и диаспоры. Другими словами, диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность, и тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции»<sup>42</sup>.

А.А. Авдакшин дает следующую трактовку термина: «диаспора в современных условиях – организованная институционально совокупность этнофоров, обладающих актуализированной этнокультурной идентичностью, имеющая за пределами страны проживания свое национальное государство (или претензии на его формирование), систему внутренних и внешних связей, направленных на сохранение своей идентичности, поддержание контактов со страной исхода, “исторической родиной”»<sup>43</sup>.

Следует принять во внимание, что практически каждый исследователь трактует понятие «диаспора» по-своему и даёт ему собственное определение. «Феномену диаспоры посвящены многочисленные исследования, но само понятие «диаспора» до сих пор не имеет четкого определения и трактуется учеными по-разному. Объяснение, очевидно, в том, что диаспора является предметом

<sup>40</sup> Цит. по: Осепян А.К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник ОГУ №7 (156)/ июль, 2013. С. 69.

<sup>41</sup> Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования// Социс. 1996. №12. С. 37.

<sup>42</sup> Тишков В.А.Исторический феномен диаспоры//Диаспоры. 2000, №2. С. 48.

<sup>43</sup> Авдакшин А.А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования//Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №2(357). История. Вып.62. С.134.

изучения самых разных наук и дисциплин – истории, социологии, этнологии, политологии, культурологии и так далее, и уже одно это предполагает неизбежность многообразия подходов к пониманию этого сложного и многообразного феномена. Серьезные дискуссии о его смысловой нагрузке десятилетиями ведутся даже в рамках одних и тех же научных дисциплин»<sup>44</sup>.

Необходимо подчеркнуть, что весомый вклад в исследование термина «диаспора» внесли такие западные ученые, как Р. Брубейкер, Г. Шеффер, М. Эсман, Дж. Армстронг и др. Из числа российских ученых можно выделить В.И. Дятлова, А.В. Попова, З. И. Левина, Ж.Т. Тощенко и других<sup>45</sup>.

Ученые выделяют много разных типов диаспор и пытаются классифицировать их. Например, профессор университета Уорвик Р.Коэн выделяет четыре типа диаспор: диаспоры жертв, трудовые, торговые и имперские. К первому типу диаспор относятся палестинская, африканская и армянская, к трудовым ученый относит индийскую диаспору, в третью группу входит китайская диаспора, к имперской же он относит британскую, испанскую и португальскую диаспоры<sup>46</sup>. Принимая во внимание данную классификацию, татарскую диаспору СУАР КНР частично можно отнести к торговому типу, так как первый поток переселенцев был из числа купцов.

Эмиграция татарского народа, особенно в начале XIX в., явление достаточно сложное. «Деление эмигрантов на политических, экономических, покинувших Родину из-за религиозных притеснений и т. д. охватывает далеко не все составляющие эмиграции. Мотивы и причины, побудившие человека стать эмигрантом, часто были очень индивидуальными. У каждого человека своя

---

<sup>44</sup> Кондратьева Т. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. Режим доступа: [http://www.perspektivy.info/book/diaspory\\_v\\_sovremennom\\_mire\\_evolucija\\_javlenija\\_i\\_ponatija\\_2010-02-27.htm](http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm) (дата обращения: 20.05.2019)

<sup>45</sup> Кондратьева Т. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. Режим доступа: [[http://www.perspektivy.info/book/diaspory\\_v\\_sovremennom\\_mire\\_evolucija\\_javlenija\\_i\\_ponatija\\_2010-02-27.htm](http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm)]. (дата обращения: 20.05.2019).

<sup>46</sup> Brubaker R. The “diaspora” diaspora //Ethnic and racial studies. N.Y., 2005. Vol. 28, №1. P.1-19.

история. Единственное, что объединяет эту общность, группу людей, называемую эмигрантами, это то, что все они покинули Родину на длительное время»<sup>47</sup>.

**Источниковая база исследования** включает в себя документы и материалы, которые можно разделить на несколько групп.

Первую группу источников представляют архивные источники. Материалы об открытии торговли в Западном Китае в 1852 г., история формирования татарской диаспоры и их положение в Синьцзяне выявлены в Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ): фонды Казанская городская и шестигласная дума, г. Казань (Ф. 114), Али Акыш (1917 г.р.) – почетный президент Всемирной лиги татар (Ф. Р5086), Маликов Ади Каримович (1897–1973 гг.), участник первой мировой и гражданской войн, начальник штаба 2-ой отдельной приволжской татарской стрелковой бригады Красной армии (1919–1920 гг.), начальник разведывательного отдела штаба отдельной кавказской армии (1924–1927 гг.) (Ф. П 8307). Благодаря данным источникам мы смогли более детально восстановить исследуемые события.

Вторую группу источников составили источники личного происхождения (материалы эпистолярного и мемуарного характера). В исследовании использованы воспоминания Л. Садри<sup>48</sup>, С. Садри<sup>49</sup>, Ф. Каримовой<sup>50</sup>, Н. Усмановой-Юсимовой<sup>51</sup> и других. Значимость мемуаров этих авторов состоит в том, что в них детально описана жизнь татарской диаспоры и показана политическая ситуация в Синьцзяне того времени.

В третью группу источников вошли социологические данные (анкетирования, интервью). Тематические беседы с представителями татарской

<sup>47</sup> Попов А. В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М. 1998. Вып. 4. С. 40.

<sup>48</sup> Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. 151 б.

<sup>49</sup> Садри С. С. Татар башы ниләр күрми...: Очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 48 б.

<sup>50</sup> Каримова Ф «О днях минувших»: воспоминания алмаатинцев. Алматы, 2000.

<sup>51</sup> Усманова-Юсимова Н. Татарларның милли гореф-гадәт йолалары. Алматы, 2007. 104 с.; Усманова – Юсимова Н. «Остазларга ихтирам». Алматы. 2006. 155 с.; Усманова – Юсимова Н. Ана теләге. Алматы, 2006. 104 с.; Усманова – Юсимова Н. Онытылмас шәхесләребез – незабываемые Лица. Алматы, 2009. 238 с.; Усманова – Юсимова Н. Шәркый Төркстан илендә яшәгән Татарларның милли йолалары. Алматы, 2007. 116 б.

диаспоры Синьцзяна показали общую картину процесса переселения и обустройства татар в Кульдже, в Чугучаке и в Урумчи и т.д.

Благодаря беседам с татарской диаспорой Республики Казахстан, уроженцев СУАР КНР, были найдены некоторые исторические документы, а также фото и видео материалы, представляющие особую значимость для данного исследования, а также важные, значимые воспоминания о репатриации татар в СССР в 1954–1962 гг.

Представленные информантами визуальные источники (портреты, коллективные изображения, фотографии, запечатлевшие исторические события) позволяют изучить более полно жизнь татарской диаспоры Северо-Западного Китая.

Отметим, что в ходе работы с интервьюируемыми и мемуарами эмигрантов полученная информация тщательно перепроверялась, сверяясь с историческими источниками. Материал, который мы не смогли проверить в силу недостаточности источников, в работу не вошел.

В четвертую группу входят труды тюркологов, путешественников XIX–XX вв. В процессе исследования мы опирались на публикации таких ученых, как В.В. Радлов<sup>52</sup>, П. Небольсин<sup>53</sup>, В.В. Бартольд<sup>54</sup>, Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло<sup>55</sup>, М.В. Певцов<sup>56</sup>, Г. Генс<sup>57</sup> и др. Труды этих ученых представляют несомненный интерес

---

<sup>52</sup> Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М: Наука, 1989. 749 с.

<sup>53</sup> Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии Хивой, Бухарой, и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). Приложение «Очерки торговли России со Средней Азией». СПб., 1856. 20 с.; Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин)// Географические известия. 1850. Июль, август, сентябрь. С. 371–406.

<sup>54</sup> Бартольд В. В. История Туркестана. Ташкент. 1922. 50 с.

<sup>55</sup> Лялина М.А. Путешествие братьев Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло в Западный Китай. СПб., 1901. 86 с.; Г. Е. Грум-Гржимайло Русская торговля в Китае вообще и в Джунгарии в частности. М., 1910. 15 с.;

<sup>56</sup> Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1892-м годах. СПб., 1895. 424 с.; Певцов М.В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., Государственное изд-во географической литературы, 1949. 880 с.; Певцов М.В. Труды Тибетской экспедиции 1889–1890. СПб., 1905. 423 с.

<sup>57</sup> Генс Г. Дорога из Семипалатинской-крепости в Кашгар, Коканд и Ташкент. Очерки торговли России со Средней Азией. СПб., 1856. 375 с.

и большую источниковую базу в формировании общей торгово-экономической, политической и исторической картины Северо-Западного Китая.

Пятая группа – периодические издания. Статьи, вышедшие в периодической печати в начале XX в., и материалы, опубликованные в региональной периодической печати Синьцзяна в начале XXI в., также принесли большую пользу в исследовании данной темы и могут рассматриваться именно как источники. По исследуемой проблеме нами были изучены материалы журналов и газет на татарском языке: «Сөембикә», «Шура», «Вакыт», «Яңа милли юл»; на уйгурском и татарском языке: «جۇڭكۇ تاتارلارى» [Татары Китая], شېجىڭ تاتار [Культура татар Синьцзяна], также русские эмигрантские газеты: «Возрождение Азии» (г. Тяньцзинь), «Голос Азии» (г. Тяньцзинь).

В период активной революционной деятельности татарская периодика Дальнего Востока уделяла большое внимание вопросу революционной жизни населения Синьцзяна. В журнале «Яңа милли юл» встречаем такие статьи и рубрики, как «Восточный Туркестан сегодня», «В кабинете министров Восточного Туркестана», «Последние новости из Восточного Туркестана» и т.п. Авторы этих материалов Гаяз Исхаки, Хабибрахман аль-Булгари, Р. Мухаммедиш, Б. Газизи и многие другие известные в татарском мире люди освещали ход военных действий, давали краткий обзор событий и политики региона в целом. Эти источники могут быть полезны в исследовании истории Синьцзяна периода 1930-х годов.

**Научная новизна** диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые обобщена историческая эволюция, системно проанализирован процесс формирования и развития татарской диаспоры на территории Северо-Западного Китая.

В исследовании использован целый пласт источников, который впервые вводятся в научный оборот<sup>58</sup> – это журналы, которые выпускает татарская

<sup>58</sup> Каримова Ф. «О днях минувших»: воспоминания алмаатинцев. Алматы, 2000. 104 с.; Мы из Китая: сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. 164 с.; Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. 151 с.; Садри С.С. Татар башы ниләр күрми...: Очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр, 2006. 48 б.; Усманова-Юсимова Н. Татарларның милли гореф-гадәт йолалары. Алматы, 2007.

диаспора Синьцзяна с начала XXI в. « جۇڭكۇ تاتارلارى [Татары Китая], « مەدەنلىقىسىنىڭ تاتارلارى [Культура татар Синьцзяна], а также воспоминания эмигрантов и документы из личных архивов. Кроме того, автором диссертации введены в научный оборот малоизвестные сюжеты истории татарской диаспоры; благодаря дополнительным источникам уточнена периодизация возникновения татарской общины Синьцзяна; реконструирована культурно-просветительская жизнь татар. Впервые предпринята попытка комплексного исследования процесса репатриации татар из Синьцзяна в СССР в 1954–1963 гг.

**Практическая значимость исследования.** Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории татарской эмиграции, а также при чтении лекций и создании учебных пособий по истории татарского народа. Работа может быть востребована государственными органами Республики Татарстан при выстраивании культурных и экономических отношений с Синьцзян-Уйгурским автономным округом Китайской Народной Республики.

#### **Положения, выносимые на защиту.**

- первоначальное переселение татар на территорию Северо-Западного Китая становится результатом активной торговой деятельности;
- стремление сохранить этнические и культурные ценности своего народа позволило создать крупные татарские объединения, прежде всего, в трех городах Синьцзяна (Кульджа, Чугучак, Урумчи);
- процесс репатриации татар из СУАР КНР в СССР в 1954–1963 гг. был напрямую связан с крупномасштабной кампанией освоения целинных и залежных земель, для которой были необходимы человеческие ресурсы;

---

116 б.; Усманова – Юсимова Н. «Остазларга ихтирам». Алматы. 2006. 155 б.; Усманова – Юсимова Н. Ана теләге. Алматы. 2006. 104 б.; Усманова – Юсимова Н. Онытылмас шәхесләребез – незабываемые Лица. Алматы. 2009. 238 б.

- экономика Северо-Западного Китая была ориентирована в большей степени на Россию. В связи с этим роль татарских купцов в становлении и развитии экономики региона была весомой;
- сохранение татарской идентичности и развитие татарской культуры достигалось в первую очередь через создание новометодных медресе, библиотек, кружков, общественных и религиозных организаций и т.д.;
- татарская община сыграла важную роль в общественно-политической жизни Северо-Западного Китая. Участие татар в национально-освободительских движениях, в боевых действиях, в формировании специальных комиссий и т.д. оставила значительный след в политической истории Синьцзяна.

**Апробация работы.** Основные положения и выводы исследования нашли отражение в 13 публикациях, в том числе, в пяти статьях в изданиях, рекомендованных ВАК, представлялись и обсуждались на научных конференциях: международных конференциях «Ex Oriente Lux» (2016, г. С.-Петербург), «Россия – Китай: история и культура» (2017, г. Казань), «Великий шелковый путь: традиции и современность» (2024, г. Новосибирск), «Формирование и развитие научного знания в России и мире: история и современность» (2024 г., Красноярск); на всероссийских конференциях – «Наука вчера, сегодня, завтра» (2016, г. Воронеж), «Новые реалии Евразии: региональные социумы в условиях глобализационных трансформаций и цивилизационных кризисов» (2017, г. Казань); на научных конференциях молодых ученых и аспирантов – «Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории и филологии» (2016, 2018, 2023 гг., г. Казань); на итоговых научных конференциях научных сотрудников Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ – «История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований» (2018, 2020, 2021 гг., г. Казань).

**Структура исследования.** Диссертационная работа состоит из введения, двух глав (в каждой главе по три параграфа), заключения, списка использованных источников и литературы, списка иллюстративного материала и приложений.

# ГЛАВА I. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ В XIX – СЕРЕДИНЕ XX в. И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

## §1.1. Участие татар в российской торговле со странами Центральной Азии

Татары стали одним из первых мусульманских народов в составе Российской империи. На всей европейской территории России с XVI в. они выступали как особое, исключительное религиозное меньшинство и расселялись дисперсно по всему востоку России за пределами Поволжья, где было сосредоточено их ядро. Такое массовое расселение народа было связано с внутренней, а затем и внешней политикой Российского государства.<sup>59</sup> М.Ерзин отмечал, что политические и экономические явления в стране подталкивали татар переселяться не только в Казахстан и Среднюю Азию, но и в Синьцзян (СУАР КНР<sup>60</sup>), а также в северо-восточную область Китая (в китайские города Харбин, Хайлар, Мукден), в Сибирь и на Дальний Восток.

Присоединение к Российскому государству создало для татарского населения уникальную среду, где правовой статус и социальные лифты играли ключевую роль. Эти факторы, в свою очередь, подталкивали татар к развитию активности в сфере торговли. Реформы, проведенные императором Александром II, открыли возможности предпринимательской деятельности и стимулировали крестьян и мещан заниматься ею. Именно реформы 60–70-х гг. XIX в. стали временем притока в купеческое сословие мещан и крестьян, а это в свою очередь способствовало большой миграции татар в торговые центры Средней и Центральной Азии.

<sup>59</sup> Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5. С. 569; Татары. М.: Наука, 2001. С. 203.

<sup>60</sup> Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.

Татарские купцы из Казани и Оренбурга во второй половине XVIII и в начале XIX в. играли все более возрастающую роль во внутренней региональной, а также во внешней торговле с казахами и ханствами-эмиратами Средней Азии<sup>61</sup>. В первой четверти XIX в. татары составляли около трети купцов, объединенных в гильдии в Казанской губернии, во главе их стояли богатые семейства, такие как Юнусовы, Апанаевы, Юсуповы. Не последнее место занимали татарские купцы, которые занимались производством изделий из кожи и шелка, а также подобно армянам стояли у истоков хлопкоперерабатывающей промышленности в России. В этой сфере они распространяли в России опыт Средней Азии. Вообще универсальные навыки татарских предпринимателей в значительной мере определялись их хозяйственной, политической и культурной посреднической деятельностью между Россией и Средней Азией, к которой они были предрасположены как мусульмане<sup>62</sup>.

Активное проникновение татарского купечества на рынки Средней и Центральной Азии привело к появлению татарских сообществ на территории иностранных государств. Конечно, наряду с купцами селились и представители других сословий, например, крестьяне, которые спасались бегством от рекрутского набора, или те, кто был не согласен с политикой Российского государства и т. другими мерами, реализуемыми государством.

Переехавших в Синьцзян татар, заложивших основу формирования татарской диаспоры, можно поделить на две группы: молодые люди, которые спасались бегством от воинской повинности, и купцы.

<sup>61</sup> Михалева Г. А. Торговые и дипломатические связи России с Бухарским ханством через Оренбург в конце XVIII-начале XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. / Г. А. Михалева. Ташкент, 1963. С. 10; Михалева, Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент: Фан, 1982. С. 70; Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века: Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент: Фан, 1991. С. 95; Шкунов В. Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первая половина XIX века. Самара, 2007. С. 296.

<sup>62</sup> Шкунов В. Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первая половина XIX века. Самара, 2007. С. 315.

Первая группа переселенцев прибывает на территорию Синьцзяня еще в начале XIX в. Причиной переселения первой группы было уклонение от воинской службы<sup>63</sup>. Многими мусульманами, жившими в православной России, рекрутский набор воспринимался тяжело<sup>64</sup>. Кроме того, религиозные ограничения, существовавшие в императорской армии, были для мусульман тяжелой пыткой и большим наказанием. К тому же срок службы в армии был велик. Осознавая это, многие отцы позволяли своим сыновьям уклоняться от службы. Беглые юноши в основном добирались до казахских степей и обосновывались там, некоторые уходили еще дальше – в Китай. В это время, в начале XIX в., в Синьцзян приезжает всего несколько татар, в основном одинокие молодые люди, которые хотели убежать от преследований со стороны царских властей<sup>65</sup>.

Гаммар Исхаков, уроженец города Урумчи, вспоминал, что его предки – уроженцы Казани. Двое сыновей его прадеда Хусаина двадцать пять лет отслужили в армии, домой возвратились «бородатыми мужиками. Чтобы спасти своих потомков от подобной судьбы, мой прадед, – вспоминает Гаммар Исхаков, – со своими домочадцами, женатыми сыновьями был вынужден уехать из родных краев и добрался до местности Лепсы<sup>66</sup> в Казахстане. ... В 1917 г. опасаясь мобилизации и насилия, мои родители уехали сразу же в город Чугучак в Китай»<sup>67</sup>.

Абдулла Баймуратов рассказывает, что его прадед – уроженец города Астрахань, сын татарского купца, так же бежал от воинской повинности сначала в казахские степи, а чуть позже перебрался в Китай в город Чугучак, где и обосновался<sup>68</sup>. Таким образом, первые татарские эмигранты, не желавшие служить в русской армии, появились в разных округах Синьцзяна. Известно, что в

<sup>63</sup> ГА РТ. Ф. 5086, Оп. 1, Д. 222, Л. 8.

<sup>64</sup> Крайсман Н.В. Этноконфессиональные аспекты политики Российской империи в первой четверти XVIII // Вестник технологического университета. 2014. № 16. С. 286.

<sup>65</sup> ГА РТ. Ф. 5086, Оп. 1, Д. 222, Л. 8.

<sup>66</sup> Лепсы (село с 2013 г.), ныне находится в Саркандском районе Алматинской области Республики Казахстан.

<sup>67</sup> Исхаков Г. Наша семья// Мы из Китая: сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 73.

<sup>68</sup> Личный архив Г.Н. Хисамиевой (г. Казань). Интервью с Баймуратовым А.Р.: [рукопись]. 2023 г.

Алтайском округе татарами было основано поселение в Балбаге, которое впоследствии разрослось за счет вновь прибывших<sup>69</sup>. Позднее местные казахи стали называть их деревню Ногайской<sup>70,71</sup>.

Переселение татар было вызвано и политическими, и экономическими причинами, что в конечном счете привело к частичному рассеянию народа и формированию национальной диаспоры на территории Китая.

Вторая группа переселенцев, которую составили татарские купцы, является более значительной. С приездом татарских купцов начинается полноценная жизнь татарской диаспоры. Главная причина переезда татарских купцов в Северо-Западный Китай – торговая и торгово-посредническая деятельность. Как известно, Россия с XVI в. поддерживала торговые связи с мусульманскими государствами в Средней Азии, посредниками в торговых отношениях были волжские татары<sup>72</sup>, которые проявили большую активность в предпринимательском деле.

В научной среде уже достаточно давно сформировалось мнение о том, что традиционным занятием татар являлась торговля. В частности, российский исследователь В. Рагозин отмечал, что торговля является «стихией» татарского народа<sup>73</sup>, а знаменитый врач, этнограф, историк, археолог К. Фукс обращал внимание на то, что «...татары рождены для предпринимательства и торговли»<sup>74</sup>. Обращаясь к исследованиям С.С. Михеева, выделим его высказывание о татарском купечестве: «Определение «татарская» свидетельствует об

<sup>69</sup> تاتارلارنىڭ قىسىچە تارىخى. 1988. س. 13, 17.

[Краткая история татар. 1988. С. 13, 17.]

<sup>70</sup> Госманов М. Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 26.

<sup>71</sup> В XIX веке в Средней Азии поволжских татар называли ногаями.

<sup>72</sup> Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI – XIX вв.). Ташкент, 1964. 88 с.; Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: «Прогресс-Традиция», 2002. С. 143; Закиров Р. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX – начале XXI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. С. 16; Шкунов В. Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первая половина XIX века. Самара, 2007. 578 с.

<sup>73</sup> Рагозин В. Казанские татары//Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1906. С. 337.

<sup>74</sup> Фукс К. Казанские татары. Казань, 1844. С. 34.

обособленности, однако это даёт повод рассматривать татар в качестве категории профессиональной группы, где доминирующей стала торговая деятельность. Татарское купечество – это не только лица купеческого сословия, но и профессиональная группа, чья торговая специализация была доминирующим началом их деятельности»<sup>75</sup>. Профессиональность татар в сфере торговли, подчеркнутая С.С. Михеевым, вероятно, идет из глубин веков. И в древности традиционной деятельностью татар была торговля<sup>76</sup>, а налаживаемые веками торговые отношения со странами Востока помогали татарам адаптироваться в российском государстве.

Анализируя исторические корни торговой деятельности татар, Р.М. Валеев отмечал в своем труде, что «именно тесные торговоэкономические связи средневолжского региона способствовали складыванию оригинальной культуры, нашедшей отражение не только в период средневековья, но и в Новое время. Её отголоски дожили до этнографической современности в элементах традиционной культуры народов Поволжья»<sup>77</sup>.

Присущие татарским купцам профессиональные торговые навыки отметил в своих трудах этнограф, историк Павел Небольсин. Он писал, что «русский татарин», как правило, невзыскателен, потребности его не так обширны, русские татары нечванливы и расходы их менее значительны, а «единство вероисповедания со среднеазиатцами не подвергает русского татарина унизительному притеснению при взимании пошлин во владениях Турана; совокупность всех этих причин объясняет нам, почему татарские купцы чаще появляются в Бухарии или в Коканде, чем русские состоятельные торговцы. Это является объяснением, почему дела у купца-татарина идут лучше, развиваются обширнее, чем у купца коренного русского, во всем полагающегося только на

<sup>75</sup> Михеев С. С. К вопросу о формировании татарского купечества// Известия Пермского гуманитарно-педагогического университета. 2007. №3 (7). С. 123.

<sup>76</sup> Там же. С. 122.

<sup>77</sup> Валеев Р. М. Основные этапы развития торговли и денежно-весовых систем Поволжья и Прикамья периода Средневековья (IX – начало XV вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Том 151, кн.2, ч.1. С. 30.

приказчиков»<sup>78</sup>. Из представленной цитаты видно, что купцы-татары, как носители мусульманских религиозных, языковых, хозяйственно-экономических и этнокультурных традиций, сыграли очень важную роль в налаживании торговых и экономических связей России со странами Востока, они повышали авторитет Российской империи в этом регионе и, как следствие, укрепляли позиции капитала татарских купцов на среднеазиатских рынках<sup>79</sup>. В связи с этим активная торговая деятельность татарских предпринимателей всячески поощрялась правительством, были «направлены на поощрение торговли татарских купцов в сопредельных странах Среднего Востока. Покровительствуя им, правительственные органы стремились предотвратить обман, махинации между купцами. Еще 2 июня 1748 г. с расширением российско-восточной торговли через Оренбуржье Сенат принял Указ «О порядке совершения денежных сделок калмыков, юртовских татар, индейцев и других азиатских народов, пребывающих в России, как между собою, так и с русскими торговыми людьми»<sup>80</sup>»<sup>81</sup>.

Татарские купцы могли свободно въезжать на земли Средней Азии, для многих русских купцов рынки Среднеазиатских ханств в первой половине XIX в. были труднодоступными, поскольку правители этих ханств с подозрением относились к прибытию в их владения лиц немусульманского вероисповедания, считая их соглядатаями, разведчиками.

На подобный факт, свидетельствующий о доступности территорий Средней Азии для татар, обратила внимание Г.А. Михалева, отмечая, что с купцов-христиан взималась повышенная пошлина, и торговлю в среднеазиатских ханствах осуществляли в основном казанские татары. Им доверяли свои товары русские купцы и нанимали их в качестве приказчиков. «Исповедовавшие

<sup>78</sup>Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. С. 20.

<sup>79</sup> Свердлова Л. Российские ярмарки // История татар с древнейших времен: в 7 т.: Т. 6 Формирование татарской нации XIX – нач. XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 244–245.

<sup>80</sup> История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 490.

<sup>81</sup> Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII в. – первой половине XIX века. Самара, 2002. С. 190.

мусульманскую религию татары пользовались покровительством среднеазиатских правителей и в отправлении торговых дел имели полную свободу, которой пользовались местные купцы»<sup>82</sup>. Ко всему прочему опасение русских купцов быть взятыми в плен и проданными в рабство на невольничьем рынке Хивы еще больше подталкивало их прибегать к помощи посредников из татар.

Востоковед В.В. Вельяминов-Зернов в своем труде «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времен кончины Абуль-хайр хана (1748–1765)» пишет о неумении русских купцов общаться с азиатскими торговцами: «... русские купцы по слабости и беспутству их свой товар уступали хивинцам за бесценок»<sup>83</sup>.

Оренбургский военный губернатор П. К. Эссен<sup>84</sup> справедливо отмечал, что «киргизская торговля никогда не находилась в руках зажиточных российских купцов, поскольку обмен скота, мягкой рухляди и других ордынских товаров – шерсти, пуха и прочее, всегда производился мелочным набором, и самый образ сей мены требует великой навычки иметь дело с сим недоверчивым народом, знать совершенно их язык и свойства...»<sup>85</sup>.

Рассматривая коммерческую деятельность татар, П. Небольсин заметил, что в качестве посредников в торговых дела практически всегда выступали татары, которых на меновых дворах называли маклерами: «их считается человек до тридцати в Оренбурге и Троицке и человек десять в Петропавловске. Посредничество этих людей тем более бывает необходимо, что среднеазиатские торговцы, при грубости, нахальности и по крайнему невежеству, даже в делах, собственно до предмета их занятия касающихся, не имеют понятия о

<sup>82</sup> Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века: Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент, 1991. С.46.

<sup>83</sup> Калимуллина Ф.Г. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства: монография. Казань, 2014. С. 83.

<sup>84</sup> Эссен П.К. (1772 – 1844 гг.) – российский государственный и военный деятель. В январе 1817 года получил назначение оренбургским военным губернатором, управляющим гражданской частью, начальником пограничной части и командиром отдельного Оренбургского корпуса. Время губернаторства Эссена характеризуется увеличением военной силы и мобилизацией местного населения.

<sup>85</sup> Цит. по: Банникова Е. В. Торговля и купечество в феодальной России. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. С. 173.

возможности назначать своим товарам решительную цену, но возвышают на них таксу, высокую до смешного; торговаться же и сбавлять ее до надлежащего уровня начинают уже не иначе, как после некоторых понудительных мер со стороны покупателя». Это явление, поясняет П. Небольсин, в коммерческих отношениях со среднеазиатцами самое обычное дело, «покупатель и торговец спорят и сопровождают свои переговоры криками и бранью; после получасовых тщетных убеждений к более совестливой продаже, бухарец, ташкентец или хивинец, по-прежнему, остается непреклонным, не веря ни в совестливость купца, ни в правильность предлагаемой им платы»<sup>86</sup>. И лишь после продолжительных споров азиат признает, что соперник его «хороший человек», и соглашается, чтобы больше не терять время, с ценой, которую купец до этого предлагал за его товары<sup>87</sup>.

Таким образом, можем заключить, что роль татарских посредников была очень важна для русских купцов, так как без вмешательства посредника – мусульманина, владеющего в совершенстве одним из тюркских языков, знающего традиции и обычай страны, а также нормы шариата, успех торгового дела был бы под вопросом, что в конечном счете привело бы к разорению самого купца. Вследствие чего многие посредники из татар, которые отлично умели налаживать торговый диалог с азиатскими торговцами, зная свое превосходство над купцами других национальностей, довольно часто подавались в купцы и вели активную и успешную торговую деятельность с братскими народами. Акцентируя внимание на торговом успехе татарских предпринимателей, П.Е. Величко писал: «Сии татары по виду своему и закону принимаются в Бухарии наравне с прочими азиатцами, т.е. пользуются покровительством правительства, полной свободой в отправлении дел и дружелюбным обхождением обывателей. Сия свобода простирается до того, что они могут свои дела вести прямо с иностранными азиатцами на базарах по деревням. Поэтому наши татары по возвращении в

<sup>86</sup> Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). Санкт-Петербург, 1856. С.14

<sup>87</sup> Там же. С.14

Россию получают прибыли по крайней мере шестьдесят процентов против российских купцов, торгующих с азиатцами на границе в меновых дворах»<sup>88</sup>.

Рассмотрим документ (таблица № 1) «Ведомость об отправляющихся российских купцах, приказчиках и работниках их, какого именно ими товара увезено и на сколько по цене значит ниже сего 1787 г.»<sup>89</sup>:

Таблица № 1 – «Ведомость об отправляющихся российских купцах, приказчиках и работниках их, какого именно ими товара увезено и на сколько по цене значит ниже сего 1787 г.»<sup>90</sup>.

Купец-хозяин	Приказчики, работники	Конечный пункт	Количество транспорта	Общая стоимость товара
Казанский 1 гильдии купец Асаф Иноzemцев	4 работника		63 верблюда	25 684 руб. 7 ½ коп.
Казанский торговый татарин и фабрикант Рафик Мухаметев	6 работников		47 верблюдов	19 461 руб. 20 коп.
Московский купец Д.Иконников	Абдулзялил Галлеев и 8 работников		39 верблюдов	27 183 руб.
Московский купец Д.Иконников	Абдулла Абубакиров и 4 работника		23 верблюда	4236 руб. 7 ¼ коп.

<sup>88</sup> Цит. по: Шкунов В. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком//История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6 Формирование татарской нации XIX – нач. XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 326.

<sup>89</sup> Цит. по: Гилязов И., Зиннатова Г. Участие татар во внутренней и внешней торговле России // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 5 Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI –XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 480.

<sup>90</sup> Цит. по: Гилязов И., Зиннатова Г. Участие татар во внутренней и внешней торговле России // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 5 Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI –XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 480.

## Продолжение таблицы №1

Московская 1 гильдии купеческая жена Н.Васильева	Исхак Ибраев и 7 работников	Бухара	59 верблюдов	17 350 руб.
Московская 1 гильдии купеческая жена Н.Васильева	Муслюм Хусаинов	Ташкент	15 верблюдов	4684 руб.
Московская 1 гильдии купеческая жена Н.Васильева	Манасып Абряфиков	Туркестан	13 верблюдов	3064 руб. 85 коп.
Московская 1 гильдии купеческая жена Н.Васильева	Габит Хамитов	Хузянт	36 верблюдов	18 070 руб. 50 коп.
Московский 1 гильдии купец И. Колосов	Файзулла Губеев	Бухара	57 верблюдов	15 331 руб. 50 коп.
Московский 1 гильдии купец Д.Иконников	Габайдулла Сагитов	Ташкент		23 089 руб.
Казанский торговый татарин и фабрикант Абдулкарим Ибраев	Баязит Рахметуллин	Хузянт		10 614 руб.
Всего на сумму:				168 769 руб. 23 ¾ коп.

Из представленной таблицы мы видим, что из общей суммы товаров татарам принадлежали товары на сумму 55 759 руб. 27 ½ коп., караван с наибольшей стоимостью товаров принадлежал Асафу Иноземцеву.

Ведомость наглядно показывает, «что торговыми операциями и сопровождением товаров, непосредственными предпринимательскими

действиями за пределами Российского государства на территории Средней Азии занимались единственно татары»<sup>91</sup>, которые значительно расширяли сферу экономических интересов Российской империи, способствовали распространению отечественных товаров в соседних странах<sup>92</sup>.

Привлекательные условия торговли заинтересовывали татарских купцов в ведении торговых дел на просторах азиатских базаров. На рынках Восточных государств татары закупали различные товары, а именно: персидские ткани, шали, ковры, пушнину, пряденную бумагу, бумажные халаты, говяжье и баранье сало, кожу, овчину и скот (в основном покупали коней). Купленные товары переправляли в Казань, а затем эти товары, которые имели большой спрос в России, татарские купцы продавали на различных российских ярмарках, большая часть которых проводилась летом перед Нижегородской ярмаркой. На ярмарках «...из торгующего сословия бывает более всего татар, как постоянно занимающихся торговлею, так и по временам скучающих товары партиями для распродажи»<sup>93</sup>, – писал М. Лаптев.

В восточные государства татарские купцы привозили в основном продукцию казанских промышленных и ремесленных предприятий, которая имела большой спрос у жителей восточных стран<sup>94</sup>. Тем самым мы можем заключить, что казанские купцы участвовали в общероссийской внешней торговле и содействовали продвижению российской продукции, соответственно, экономическая жизнь города была относительно интенсивной. Активная торговая деятельность коренного населения Казани была связана с тем, что через город, как и в древности, проходили многие торговые транзитные пути: например, через

<sup>91</sup> Гилязов И., Зиннатова Г. Участие татар во внутренней и внешней торговле России // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 5 Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI –XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 482.

<sup>92</sup> Свердлова Л. Российские ярмарки // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6 Формирование татарской нации XIX – нач. XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 246.

<sup>93</sup>Лаптев М. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 415.

<sup>94</sup> Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. С. 15.

Казань шли товары из Сибири, Средней Азии, государств Востока, с Урала в Европейскую Россию, а оттуда – за границу<sup>95</sup>.

Опираясь на сведения, которые использует в своих исследованиях Л.М. Свердлова, приведем статистику заводов, которые действовали на территории Казани в конце XVIII – начале XIX в. В конце XVIII в. в Казани работало 30 мыловаренных предприятий (19 принадлежали татарам), 39 кожевенных заводов и козловых (20 – у татар), суконная мануфактура И.П. Осокина, казенный пумповый завод, девять других производств, из них семь находилась в собственности татар. К началу XIX в. в городе насчитывалось 206 действующих и 26 «праздных» промышленных производств: 105 кожевенных, 21 мыловаренное, 18 свечных, 16 крупяных и др.<sup>96</sup>

Из представленной статистики следует, что татары в своем культурно-экономическом развитии несколько опережали купцов и предпринимателей других национальностей не только в посреднической торговле с восточными странами, но и в региональной торговле, и по общему числу « заводов», и по количеству собственности на одного предпринимателя в городе. Данный факт еще раз убеждает нас в правдивости слов В. Рагозина о том, что «торговая и предпринимательская деятельность является «стихией» татарского народа»<sup>97</sup>.

На основании перечисленных выше причин подчеркнем высокую заинтересованность татар в торговле с восточными странами. Инициативность татарских купцов помогла Российской империи сосредоточить торговлю в государствах Средней Азии, а впоследствии и в Китайской империи. Тем самым в восточном направлении внешней торговли России к середине XVIII столетия главенствующую роль играли татарские купцы, которые выступали в качестве посредников русского промышленного капитала. Правительство Российской империи поддерживало торговую деятельность татар со Средней Азией, так «Императорский указ от 13 августа 1750 г., присланный из Государственной

<sup>95</sup> Мухаммадеева Л. А. Купцы Сайдашевы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. С. 1.

<sup>96</sup> Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. С. 15, 17.

<sup>97</sup> Рагозин В. Казанские татары//Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1906. С. 337.

Коллегии иностранных дел, предписывал отпускать в среднеазиатские области при удобных случаях татар для налаживания торговли и привлечения к ней азиатских купцов»<sup>98</sup>.

Правительство также было заинтересовано в поощрении коммерческой деятельности татарского купечества. Указ Сената от 11 июля 1763 г. «О нечинении казанским служилым татарам препятствия в отпуске их в разные города для торговых промыслов» создавал определенные льготы для татарских купцов<sup>99</sup> и в дальнейшем помог развитию татарского купечества<sup>100</sup>.

Повышенный интерес России к торговле со среднеазиатскими ханствами был связан с тем, что российские заводы и фабрики могли найти гарантированный сбыт своим товарам. Промышленные товары, произведенные в России, были хуже западных и не могли конкурировать на западных рынках. Поскольку в западных странах промышленность была на более высоком уровне, поэтому торговлю вели с Востоком. Кроме того, развитие торговли было важно и в политическом плане, в плане сближения государств<sup>101</sup>. Таким образом, развитие торговых отношений с ханствами Средней Азии являлось одной из важнейших целей экономики и политики России в этом регионе.

Монополизировав российско-среднеазиатскую торговлю, татарские купцы, осознавая свое преимущественное положение, осваивают и другие восточные регионы. Монополизация новых рынков осуществлялась одновременно с урегулированием торговых связей Российского государства с другими восточными странами. Так, налаживание торговых контактов России с Китайской империей датируется XVII в.<sup>102</sup>, основная торговля с Китаем шла через Сибирь.

<sup>98</sup> Гилязов И., Зиннатова Г. Участие татар во внутренней и внешней торговле России // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 5 Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI –XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 482 – 483.

<sup>99</sup> История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 492.

<sup>100</sup> Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. из-во, 1989. С. 190.

<sup>101</sup> Торговля и промышленность // Министерство финансов. 1802-1902. С. 148.

<sup>102</sup> Нерчинский договор о территориальном размежевании, торговле и по другим вопросам был подписан 27 августа 1689 года.

К XVIII столетию относится установление постоянных экономических связей с Китаем<sup>103</sup>. Именно с этого периода начинается активная торговая деятельность. Отметим, что она периодически прерывалась из-за пограничных неувязок, которые создавали конфликты между двумя державами. Конфликтные ситуации не приводили к разрыву торговых связей, так как торговля с Китаем была крайне важна для России. Торговля с Китаем давала России ряд преимуществ:

- 1) пошлина в Китайской империи была ниже, чем в Европе;
- 2) большой объем потребления российской продукции;
- 3) конкурентоспособность российской продукции;
- 4) поставка чая, популярного в России.

В отличие от Европы на китайском рынке Россия могла соперничать с продукцией азиатских фабрик и получать лидерские позиции на рынке сбыта своей продукции. Перечисленные преимущества подчеркивали крайне сильную заинтересованность Российской империи в торговле с Китаем. В связи с этим 21 октября 1727 г. был подписан Кяхтинский договор об установлении границ между Российской империей и Китаем в районе захваченной маньчжурами в 1691 г. Северной Монголии и о русско-китайской торговле<sup>104</sup>. Договор укреплял мирные отношения, регулировал границы между двумя государствами, и кроме решения политических задач, давал возможность урегулирования экономических вопросов, а именно: разрешение на беспошлинную пограничную и меновую торговлю в Кяхте. Последний пункт договора давал двум государствам возможность значительно увеличить объемы доставляемой продукции и доходы от продажи. Однако, несмотря на обоюдную выгоду, торговля на Кяхте прерывалась из-за возникших разногласий между правительствами. В 1762 г. была ликвидирована государственная монополия, которая сковывала русско-

<sup>103</sup> Свердлова Л. Российские ярмарки // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6 Формирование татарской нации в XIX – нач. XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 249.

<sup>104</sup> Границы Китая: история формирования/ под общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М.: Памятники ист. мысли, 2001. С. 91.

китайскую торговлю. С 1792 г. торговля между Россией и Китаем окончательно наладилась и стала доступной для всех, кто «желал заняться коммерцией»<sup>105</sup>.

В 1800 г. между Россией и Китаем был утвержден торговый тариф, по которому были установлены более низкие пошлины, чем с Европой. Например, пошлина за импорт чая составляла от 5 до 12 рублей с пуда, а на европейской границе – до 60 рублей с пуда; хлопчатобумажная пряжа ввозилась из Китая в Россию с пошлиной в 20 копеек с пуда, а на европейской границе ввоз данного товара стоил 3 рубля за пуд. Ко всему прочему, как сообщал Е.В. Бунаков, торговые связи через Кяхту были построены на принципе полного равноправия обеих сторон, к тому же они строго регламентировались на основании специально утвержденных постановлений русского и китайского правительств.<sup>106</sup> Вследствие этого Россия была крайне заинтересована в торговле с Китайской империей.

Благодаря подписанию Кяхтинского договора каждый год осенью стали проводиться торги. Это делалось для того, чтобы можно было по зимним дорогам доставлять товары по назначению. Активные торги привели к тому, что Кяхта стала центром русско-китайской меновой торговли, а казанские купцы, в свою очередь, стали ведущими партнерами, которые торговали преимущественно кожевенными изделиями<sup>107</sup>, а также пушниной, сайгачими рогами, листовым железом, металлической посудой, зеркалами и мишурой<sup>108</sup>. Подчеркнем, что татарские купцы экспортировали на китайский рынок не только товары из собственных мануфактур, но и товары, производимые на российских, немецких, азиатских предприятиях<sup>109</sup>. Китайские предприниматели привозили: сахар-леденец, свежие плоды, рис, хлопчатую бумагу, табак «шар», шелк-сырец,

<sup>105</sup> Фирсов Н. Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Очерк из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 312.

<sup>106</sup> Бунаков Е. В. Из истории Русско-китайских отношений в первой половине XIX в. //Советское востоковедение. 1956. – №2, С.98.

<sup>107</sup> Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 94.

<sup>108</sup>Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. Кн. 2. СПб., 1808. С. 138.

<sup>109</sup> Свердлова Л. Российские ярмарки // История татар с древнейших времен: в 7 т.: Т. 6. Формирование татарской нации XIX – нач. XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 249.

бумажные ткани, шелковые ткани, фаянсовую и фарфоровую посуду, веера, чай, который в скором времени завоевал первое место среди товаров китайского экспорта.

Что касается торговых представительств в Кяхте<sup>110</sup>, то Казань представляли несколько торговых домов, а именно торговые дома Юнусовых, Апанаевых, Азимовых, Утамышевых, Котеловых и т.д. Благодаря казанским купцам из Кяхты в Казань в огромном количестве доставлялся чай. По сведениям, которые дает нам русский экономист, историк А. Корсак, можно сделать вывод, что в Казани оформилось огромное количество чаеторговцев, так как по сумме оборотов – 532 856 рублей – казанские предприниматели среди 19 городов России занимали 6-е место, а по сумме торгового оборота на одно предприятие – 133 214 рублей – стояли на тринадцатом<sup>111</sup>, т.е. капитал казанских купцов, занимавшихся чайной торговлей, составлял весьма значительную долю во всей торговле чаем в России.

Маршрут ввоза этого ценного груза начинался с Кяхты: Кяхта – Иркутск – Томск – Тюмень – Казань – Москва. В Казани товары складировались в определенных складах, откуда их доставляли в Нижний Новгород и другие соседние регионы.

Крупные операции казанских чаеторговцев проводились на Нижегородской ярмарке; «в Казани же для партионной и мелочной продажи оставляется в год до 11 050 ящиков байковаго чая; сверх того, с Нижегородской ярмарки привозится до 5000 ящиков, по 70-ти фунт. в каждом»<sup>112</sup>. Отметим, что торговля на Нижегородской ярмарке официально не начиналась, пока купцы-оптовики не договаривались о ценах на кяхтинские товары<sup>113</sup>.

О росте объемов импорта чая российский историк, востоковед В. Шкунов, опираясь на средние ежегодные данные М. Лаптева, приводит следующие

<sup>110</sup> Кяхта – центр русско-китайской торговли (на протяжении нескольких столетий). Именно через этот город снабжалась вся Россия и Западная Европа чаем.

<sup>111</sup> Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем // Ученые записки Казанского Университета. Кн. 1. 1856. С. 145.

<sup>112</sup> Лаптев М. Казанская Губерния. Спб., 1861. С. 435.

<sup>113</sup> Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Н. Новгород, 1993. С. 224.

показатели: «1801–1810 гг. – 75 тыс. пудов, 1811–1820 гг. – 96 тыс. пудов, 1821–1830 гг. – 143 тыс. пудов, 1831–1840 гг. – 190 тыс. пудов, 1841–1850 гг. – 271 тыс. пудов, 1851–1860 гг. – 271 тыс. пудов, 1851–1860 гг. – 372 тыс. пудов»<sup>114</sup>. Ввоз чая в Россию составлял около 97% всего импорта в Российскую империю из Китая<sup>115</sup>. Из этого следует, что татарским предпринимателям было выгодно торговать востребованным в России товаром, ко всему прочему, в некоторых регионах Российской империи казанские чаепродавцы были монополистами. В процессе открытия новых торговых пунктов между Россией и Китаем татарские купцы были одними из наиболее заинтересованных лиц в осуществлении торговли через Кяхту, так как свыше 95 % объема всей русско-китайской торговли было сосредоточено именно в Кяхте.

Торговля через Кяхту осуществлялась до 1761 г.<sup>116</sup>. Прекращение торговых отношений было связано с тем, что после покорения Джунгарии Цинским Китаем на территорию Российской империи бежала часть урянхайцев<sup>117</sup> и ойротов<sup>118</sup>. На требования Китайского правительства выдать беглецов, Россия ответила отказом, что привело к ухудшению русско-китайских отношений и прекращению торговли между двумя государствами.

После 1760 г. неоднократно проходили переговоры о возобновлении и подтверждении уже заключенных между государствами договоров и урегулировании пограничных споров с включением дополнительных пунктов в уже существующий Кяхтинский договор. Следует заметить, что разногласия между двумя государствами возникали довольно часто, что приводило к прерыванию кяхтинской торговли и ухудшению русско-китайских отношений<sup>119</sup>.

<sup>114</sup>Шкунов В. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком//История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6 Формирование татарской нации XIX – нач. XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С.331.

<sup>115</sup>Бунаков Е. В. Русско-китайские отношения в первой половине XIX века// Советское востоковедение. 1956. №2. С. 99.

<sup>116</sup>Границы Китая: история формирования/под. общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М.: Памятники ист. мысли, 2001. С. 93.

<sup>117</sup> Древнее племя. На данный момент входит в состав монгольского народа.

<sup>118</sup> Название западной группы монголов.

<sup>119</sup>Границы Китая: история формирования/под. общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М.: Памятники ист. мысли, 2001. С. 95.

В конце концов, к 1861 г. торговля через этот регион потеряла свое значение, и правительство Российской империи активно искало новые районы формирования торговых точек для дальнейшего сотрудничества с Китайской империей.

Примерно в это же время, а именно в XVIII в., Россия завязывает торговые отношения и с Западными областями Китая. Как свидетельствовал русский экономист, историк А. Корсак, «торговля через Западный Китай … обещает дать весьма важные результаты, каких не предвидится от кяхтинской торговли»<sup>120</sup>. Такая критическая оценка торговли через Кяхту, вероятнее всего, была дана из-за удаленности этого пункта. Ведь Кяхта располагалась на территории современной Восточной Сибири, и провоз товаров в этот регион был очень сложен. Торговля через более близкие области была бы намного выгоднее не только российским купцам и предпринимателям, но и государству. К тому же, Западный Китай удален от морских портов, что облегчало российским товарам конкуренцию с европейскими товарами. В связи с этим 25 марта 1797 г. Российское правительство издало указ о развитии торговых связей с Китаем через Бухтарминский край.

Выбор с этой целью Бухтарминского края определялся рядом причин. Первая причина заключалась в том, что Бухтарминская крепость имела выгодное для России положение. Крепость находилась вблизи одной из судоходных рек Сибири и недалеко от китайских и среднеазиатских торговых городов, что имело важное для Российского государства значение в плане налаживания торговых контактов с Китаем. Опираясь на исследования А. Корсака, мы можем сказать, что самыми близкими к Бухтарминской крепости пунктами были два китайских города – это Кульджа (на расстоянии 533,4 км) и Чугучак (853,44 км). Несмотря на относительно близкое расстояние между пунктами, торговлю между двумя государствами сдерживали различного рода ограничения. Из записок переводчика Путимцева<sup>121</sup>, отправленного Российским правительством в Джунгарию в 1811 г.

<sup>120</sup> Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем // Ученые записки Казанского Университета. Кн. 1. 1856. С. 138.

<sup>121</sup> Дневная записка переводчика Путимцева, в проезде его от бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно в 1811 г. // Сибирский вестник, 1819.

для сбора сведений о средствах к расширению торговли через Бухтарму с Китаем, и о том, каких выгод следует ожидать «от будущих расширений», можно проследить, что на данной территории осуществлялась нелегальная торговля российскими товарами. Российские товары доставлялись в регион только от киргизских султанов, поэтому особого спроса на российские товары среди купцов не было. Историк, этнограф, фольклорист и путешественник Ч. Валиханов писал: «Торговля наша с Западным Китаем через Кульджу и Чугучак открыта была семипалатинскими ташкентцами, [торговцами] мелочами, они были доверенными от киргизских султанов. ... Товары привозились на двух или трех лошадях. Началась торговля около 60 лет [назад]. При всей ограниченности провоза, в начале даже скрытого, и по богатству тогда китайцев, все эти торговцы нажили себе здесь состояния. Конечно, китайское правительство смотрело на это сначала сквозь пальцы, а потом даже поощряло или имело свою выгоду – брало все в казну.

В первое время Китай был совершенной Калифорнией для искателей приключений, таковы были первоткрыватели этой торговли, торговые ташкентцы, жившие в России. Основателями торговли были: Ауп, Бедель и тарский татарин Раджеббакы. Вся торговля находилась в руках нескольких купцов.

Один казанский татарин в начале 30-х гг. приехал в Кульджу с несколькими часами и в продолжение года нажил себе настолько капиталу, что в следующий год мог снарядить небольшой караван с цветными стеклами и повел обороты так, что теперь первой гильдии купец»<sup>122</sup>.

Торговля через Бухтарминскую крепость не имела важного стратегического значения для Российской империи, как предполагалось правительством ранее. Торговые отношения через Бухтарму были крайне важны только в плане перевозки китайского серебра в слитках, ввоз и вывоз остальных товаров был незначителен, соответственно, и доходы от продаж были малы. Вследствие этого торговля через Бухтарминскую крепость прекратилась, так как не оправдала

---

<sup>122</sup> Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Алма-Ата, том II, 1985. С.256-257.

надежд Российского правительства на успешную торговую деятельность с Западным Китаем.

Важно отметить, что в конце XVIII в. торговля с Западным Китаем устанавливается также через Петропавловск и Семипалатинск<sup>123</sup>. Построенные в военных целях, эти укрепленные пункты по истечении времени, не теряя своего военно-стратегического значения, приобретают торговый характер и становятся центрами торгово-экономических связей с народами Азии. С самого основания эти крепости были связаны с Западным Китаем и со Средней Азией.

Относительно Западного Китая И. Земляницина писала: «Русские в первое время приобретали китайские товары, а в Чугучаке и Кульдже сбывали русские товары с помощью поселившихся с 1788 г. в Семипалатинске торговых иноземцев: бухарцев и ташкентцев. Мало-помалу с ними стали посещать рынки Западного Китая купцы-татары и их приказчики, а потом под видом их и в азиатском костюме и русские»<sup>124</sup>. Малочисленность русских купцов в этом регионе объяснялось тем, что русским запрещалось торговать в Синьцзяне<sup>125</sup>. Интересен тот факт, что законы были невразумительными, все зависело от китайского губернатора. Вот что об этом рассказывал троицкий купец Абдулвали Абдулвагапович Абубакиров: «... я знал, что губернатор может делать все так, как ему захочется, и черно, и бело; повернет ли он направо или налево – все это

<sup>123</sup> Семипалатинск (ныне город Семей), был основан в 1718 году. Крепость была основана как пограничная и военно-опорная база. В ходе роста Семипалатинска, он становится центром торговли между России, Средней Азии и Западным Китаем.

Петропавловск или крепость Св. Петра – военная крепость, основанная в 1752 году. Целью строительства крепости было укрепление южных рубежей Российской империи.

<sup>124</sup> Земляницина И. Исторический очерк русской торговли с Западным Китаем, через г. Семипалатинск//Труды общества для содействия Русской промышленности и торговли. СПб., Ч. 8. 1875. С. 94.

<sup>125</sup> 孟宪章. 中苏经济贸易史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1991 年. 110页. [Мэн Сяньчжан. История китайско-советских торгово-экономических отношений. Харбин: Народное издательство Хэйлунцзян, 1991. С. 110].

будет очень законно: стоит только подвести статейку, а их у китайского губернатора запасено довольно, на всякий случай, смотря какая понадобится»<sup>126</sup>.

К примеру, отмечал купец Абубакиров, согласно одной статье закона, ни русские, ни подданные других стран, не могли торговать в крупных китайских городах, а другая статья этого закона гласила, что купцам независимо от их происхождения и подданства можно торговать в некоторых китайских городах; в частности, русским запрещается входить в Чугучак; а в другом месте говорится: чужестранным купцам дозволяется приезжать с товарами в Чугучак. «Как закон повернуть? Какую статейку подвести? Это совершенно зависит от губернатора или от его докладчика. Тут и в Китае, как и в Турции, и в Персии, и в Бухаре и в Хиве, главная пружина, чтоб сделать так, а не иначе, рассудить дело в пользу мою или во вред мне, – не ум, не рассуждение, не правота дела, а только подарок, или утывье, гостинец, или, еще лучше, благодарность», – писал А. А. Абубакиров<sup>127</sup>. Именно из-за таких причин русские были вынуждены привлекать к торговым делам торговцев из татар.

Удачное расположение российских торговых пунктов недалеко от городов Западного Китая – Яркенда, Кашгара, Кульджи и Чугучака, а также близость этих пунктов к водным и железнодорожным путям сообщения<sup>128</sup> способствовали отправке большого числа торговых караванов и получению купцами достаточно большой прибыли. Исключение составили несколько лет в первой четверти и в начале второй четверти XIX в., когда ввоз превышал вывоз товаров. К примеру, в 1803 г. общая сумма от торговли между Средней Азией и Синьцзяном через Семипалатинск составляла по привозу 50 055 рублей и по вывозу – 69 606 рублей, в 1815 г. по привозу – 182 297 рублей и по вывозу – 109 811 рублей, а в 1828 г.

<sup>126</sup>Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин) // Географические известия. Июль, август, сентябрь. 1850. С. 387.

<sup>127</sup>Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин) // Географические известия. 1850. Июль, август, сентябрь. С. 387.

<sup>128</sup>Федоров Д. Опыт военно-стратегического описания Илийского края. Ч. 2. Ташкент, 1903. С. 43.

она достигала по привозу 316 092 рубля и по вывозу – 152 625 рублей<sup>129</sup>. Из представленных данных следует, что вывоз товаров из России постоянно варьировал и уступал объему ввоза среднеазиатских товаров в Российскую империю, хотя потребность в российских товарах в этих регионах была велика. Причиной такой неустойчивости являлось то, что русское купечество по вышеуказанным причинам почти не выезжало в эти местности, именно этот фактор препятствовал широкому развитию торговли. Российские товары вывозили в основном татары и азиатские купцы. Некоторые русские купцыанимали приказчиков-татар и торговали через них.

Обратим внимание на таблицу № 2, которую предоставляет узбекский историк Х. Зияев в своем труде «Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI–XIX вв.)»:

Таблица № 2 – Привоз и вывоз российских товаров<sup>130</sup>

Год	Привоз (в рублях)	Вывоз (в рублях)
1836	104 052	23 495
1837	126 607	162 878
1838	127 765	146 879
1841	132 471	146 440
1843	115 823	154 746
1845	123 427	162 490
1847	155 772	235 606
1849	175 805	292 136

Приведенные в таблице данные показывают, что начиная с 1837 г. вывоз российских товаров в Среднюю Азию заметно возрастает и к середине XIX в. становится весьма и весьма значительным. По мнению Х. Зияева данное обстоятельство было следствием усиления влияния Российского государства на

<sup>129</sup> Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI –XIX вв.). Ташкент. 1964. С. 59.

<sup>130</sup> Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI –XIX вв.). Ташкент. 1964. С. 59.

территории Казахстана и принятия мер безопасности для караванных путей. В то же время вывоз российских товаров вырос за счет сбыта продукции текстильной промышленности<sup>131</sup>.

Следует заметить, что торговые караваны, отправляемые через Семипалатинск, выходили за пределы Российской империи через Бухтарминскую таможню, а начиная с 1863 г. – через Семипалатинскую: в Чугучак – через Аягуз, в Кульджу, Аксу, Кашгар, Яркенд, в города Туркестана (Ташкент и др.) – через Каркаралинский округ, мимо Балхаша, через реку Чу<sup>132</sup>. Иначе говоря, территория для осуществления торговых операций через Семипалатинск была обширна, этому способствовало его выгодное географическое положение: город располагался на торговых путях, которые связывали его с Западным Китаем, со Средней Азией, а также с торговыми центрами Томской губернии и Иртышской линии. Таким образом, через Семипалатинск проходило 60 % всех товаров, вывозимых через сухопутную границу в Китай. Следовательно, можно сказать, что торговля через эти пункты была успешной для Китайской империи и её провинций, поскольку, благодаря ведению торговли через Петропавловск и Семипалатинск, китайские города Кульджа и Чугучак становятся центрами российско-китайской торговли. Для Российского государства ввоз и вывоз товаров через вышеупомянутые российские торговые пункты также были очень важны. Эти пункты соединяли Россию не только с Западным Китаем, но и с другими среднеазиатскими государствами, что подчеркивало крайнюю важность этих крепостей.

Примечательно, что особо крупным торговым центром в начале XIX в. на Сибирской линии был Петропавловск, который находился на стыке двух важных торговых путей – сибирского (вдоль Горькой линии) и туркестанского (через Акмолинск и Ташкент). Именно сюда свозились товары из узбекских ханств, казахской степи и Синьцзяна. «Торгующие в степи купцы губерний европейской

<sup>131</sup> Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI –XIX вв.). Ташкент. 1964. С. 60.

<sup>132</sup> Цит. по: Перебеева М. И., Силина Э. Н. Семипалатинск торговый. Режим доступа: [cdni-arxiv.vko.gov.kz]. (дата обращения: 05.12.2020).

России и сибирские проживали в Петропавловске – торговом центре, который притягивал к себе все степные и застепные произведения»<sup>133</sup>. По сведениям Х. Зияева, общий оборот торговли через Петропавловск в период 1800–1811 гг. составлял по привозу 4 114 971 рубль, а по вывозу – 4 139 360 рублей<sup>134</sup>. Данные сведения указывают на то, что Петропавловск был ведущим экономическим центром Приишимья в северо-восточной части Казахстана.

Наибольшего развития торговля между Западным Китаем и Россией достигла в первой половине XIX в., именно в этот период дополнительно были организованы Зайсанская и Китон-Карагайская таможни, а также Алкабекский таможенный переходный пункт. В Семипалатинской области основной торговый путь в Китай был установлен из города Семипалатинск, далее Кокпекты – Алкабек – Зайсан; маршрут Усть-Каменогорск – Като-Карагай имел второстепенное значение. Кроме того, большая часть товаров шла по такому маршруту: Семипалатинск – Сергиополь (Аягузский уезд) – Бахты – Чугучак<sup>135</sup>. Торговля развивалась быстрыми темпами, и в алтайские верховья Иртыша устремились татарские купцы и крестьяне. Обследуя богатства и географические условия новых местностей, они по мере надобности оседали там<sup>136</sup>. В результате возник ряд татарских деревень: деревня Акколтык (1812 г.) возникла в 40 км от г. Семипалатинск<sup>137</sup>, деревня Башкуль (1837 г.) была основана в результате обращения 60 татарских семей с просьбой о выделении им земли. Земля была выделена в 120 км к северу от города Семипалатинск<sup>138</sup> и т.д. Кроме этих деревень татары стали селиться и в станице Кокпеты, которая находилась в 160

<sup>133</sup> Гибадуллина Э. М. Переселения татар Поволжья на территорию Казахстана и особенности их расселения в регионе во второй половине XVIII – середине XIX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 94 с.

<sup>134</sup> Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI –XIX вв.). Ташкент, 1964. С. 60.

<sup>135</sup> Перебеева М. И., Силина Э. Н. Семипалатинск торговый. Режим доступа: [cdni-arxiv.vko.gov.kz]. (дата обращения: 05.12.2020).

<sup>136</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С.237.

<sup>137</sup> Токумбаев К. М. Татарский пласт в мусульманской культуре Восточного Казахстана // Татары на востоке Казахстана. Усть-Каменогорск, 2008. С. 28.

<sup>138</sup> Халитов Р. И. Из истории села Башкул Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области // Татары на востоке Казахстана. Усть-Каменогорск, 2008. С. 123.

км на юго-восток от Семипалатинска, «позже на востоке Казахстана появился еще один город, в истории которого татары сыграли существенную роль, это город Зайсан, основанный в 1868 г. и расположенный юго-восточнее одноименного озера. [...] По некоторым данным, татары появились еще в начале XIX в., и одним из первых переселенцев был Бикентай-ага из аула Урна-баш Казанского уезда»<sup>139</sup>. В Зайсан татары приезжали в основном из Казани, Уфы и Тамбовской губернии<sup>140</sup>. В результате к третьей четверти XIX в. в г. Зайсан сложились татарские земляческие общества, возникли татарские кварталы<sup>141</sup>. Именно из Зайсана в дальнейшем пойдет большой поток переселенцев-татар в Западный Китай. Естественно, основная масса татарского купечества осела в городах Семипалатинск и Петропавловск<sup>142</sup>, через которые проходили важные торговые пути. На рубеже XVIII–XIX вв. в Семипалатинске наиболее известными были купцы А. Абдиев, М. Абышев, И. Каримов, А. Рахматуллин, Р. Исхаков, Ф. Баязитова, М. Ишимова, в Петропавловске – братья Тамир и Сулейман Максютовы (с 1800 г.), А. Усманов и др.<sup>143</sup>

Татарские торговцы Семипалатинска, по сведениям за 1838 г., вели активную торговлю с китайскими городами – Кобдо, Кульджой, Кашгаром, Чугучаком. Наиболее известными среди них в 30-х гг. XIX в. были купцы 3-й гильдии, приведенные в таблице № 3.

<sup>139</sup> Махмутов З.А. Татары Казахстана. Астана, 2016. С. 76.

<sup>140</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 105.

<sup>141</sup> Ерзин М. Тропою предков. Алматы: Ymit, 2005. С.10.

<sup>142</sup> Татары Казахстана: краткая иллюстративная энциклопедия. Казань, 2017. С. 367.

<sup>143</sup> Махмутов З.А. Татары Казахстана. Астана, 2016. С. 88.

Таблица № 3 – Список купцов 3–й гильдии и их торговые обороты<sup>144</sup>

Купцы 3-й гильдии	Стоимость привезенных товаров (в рублях)	Стоимость вывезенных товаров (в рублях)
Абдулатифов Т.	3248	14 861
Абдышев М.	35868	33 542
Баязитов А.	7987	
Габитов А.	7710	14 179
Гумеров А.	8300	
Зубаиров А.	23 339	32 844
Ибатуллин Х.	65 101	23 654
Ишимов А.	21 750	21 860
Мукминов Б.	3962	
Мурзагитов А.	128 550	60 739
Рахимкулов М.	5251	3293
Рахматуллин А.	2554	
Смаилов Х.	37 289	30 848
Табикеев А.	3854	22 251
Усманов Б.	1016	
Усманов М.	7646	
Хазиатуллин Х.	2369	

Много татар – российских подданных, отправлялось из Семипалатинска через Кульджу в Кашмир, Кашгар и в города Тибета<sup>145</sup>.

В результате к 1861 г. доля купцов-мусульман, в том числе татар, гильдейского купечества составляла: в Семипалатинске – 83% (63 из 76 семей), в

<sup>144</sup>Гибадуллина Э. М. Участие татар в периодической торговле Казахстана: XVIII – начало XX вв. Казань, 2017. С. 175.

<sup>145</sup> Мейendorf Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 129.

Усть-Каменогорске – 67% (28 из 42 семей) и в Петропавловске – 35% (17 из 48 семей)<sup>146</sup>.

З.А. Махмутов пишет, что «татарские предприниматели везли из России в основном мануфактурные товары: это были кувшины, тазы и котлы, самовары и чайники, сундуки, зеркала, топоры; одежду и ткани: цветной ситец, белый миткаль, сукно; украшения, галантерейные и бакалейные товары, хлеб; из среднеазиатских ханств и Китая везли чалмы и чугучакский чай, хлопок и хлопчатобумажные материалы (бязь, миткаль, шелк-сырец), халаты, аракчины, бухарские и ташкентские шелка, фарфор, ковры, рис, сладости, фрукты и т.д.»<sup>147</sup>.

На местных ярмарках татарские купцы скупали крупный рогатый скот, лошадей и баранов; сало, овечью и верблюжью шерсть; шкуры диких зверей – лисиц, волков, сурков, корсаков; скапали у китайцев кошмы, которые поставлялись в основном на российские рынки. Кожа и изделия из кожи пользовались особым спросом на среднеазиатских рынках<sup>148</sup>.

Самым востребованным товаром, привозимым из Китая, по определению Э. Гибадуллиной являлась бязь. Известный торговец из татар Муртаза Сейфутдинов, активно торговавший с Китаем, сообщал, что бязь была обычно красного, синего и белого цвета. Торговали бязью трех сортов: 1) бязь жан, шириной 62 см; кусок ткани составлял 5 метров, продавался в Семипалатинске по 5 рублей. Данный сорт бязи был очень тонким и прочным, что позволяло изготавливать особую разновидность ситца методом нанесения узора. 2) Бязь дайя, шириной 44 см: один кусок такой бязи содержал 7 метров и стоил 4 рубля. 3) Бязь лямза, шириной 71 см: кусок бязи лямза составлял 21 м и продавался за 12 рублей. В Кульдже можно было приобрести и китайский шелк (фанзу, канфу), а также можно было купить бархат<sup>149</sup>.

<sup>146</sup> Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVII – XIX веке. Барнаул, 1998. С. 93.

<sup>147</sup> Махмутов З.А. Татары Казахстана. Астана, 2016. С. 89.

<sup>148</sup> Цит. по: Махмутов З.А. Татары Казахстана. Астана, 2016. С. 89.

<sup>149</sup> Гибадуллина Э. М. Участие татар в периодической торгове Казахстана: XVIII – начало XX вв. Казань, 2017. С. 177-178.

С середины XIX в. первенство главного торгового пункта переходит к Семипалатинску. Петропавловск же к этому времени утрачивает свое значение в торговле с областями Западного Китая.

Рассмотрим статистику караванов (таблица № 4), вышедших из Семипалатинска и Петропавловска в Китай и прибывших из Китая в эти таможни в 1854 г., на основе данных, представленных А. Корсаком в труде «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем»<sup>150</sup>:

Таблица № 4 – Статистика караванов

Таможня	Из Китая	
	Караванов	Лошадей и верблюдов
Семипалатинская таможня		
– прибыло	100	4500
– отправлено	100	1067
Петропавловская таможня		
– прибыло	0	797/0
– отправлено	2	210/50

Представленная в таблице статистика за 1854 г. показывает, что Петропавловск был не самым популярным пунктом отправки и прибытия караванов. Связано это было с тем, что дорога из Петропавловска в Чугучак и Кульджу была намного длиннее, чем дорога из Семипалатинска<sup>151</sup>. Именно из-за таких неудобств Петропавловск переключился на торговлю с Киргизской степью, а Семипалатинск стал главным связующим звеном в торговле с китайскими городами Кульджа и Чугучак.

К началу 1890 г. Семипалатинск превратился в один из самых крупных центров внутренней и внешней торговли, в него стекались купцы из разных стран,

<sup>150</sup> Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем // Ученые записки Казанского Университета. Кн. 1. 1856. С.143.

<sup>151</sup>Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. С. 7.

тем самым город стал объединяющим ядром между городской промышленностью и сельским хозяйством.

К 1850 г. Чугучак становится новым крупным пунктом вывоза чая. Путь через Чугучак был небезопасным, вследствие чего торговля с Китаем в этом пункте поддерживалось только золотом<sup>152</sup>. Чугучакский чай или, как называли его торговцы, семипалатинский чай, продавался преимущественно на Ирбитской ярмарке. Скупали чай в основном ташкентцы и татары. Продажа чая приносила огромную прибыль торговцам. По сведениям М. Лаптева, со слов одного из купцов, торговавших этим товаром, следует, что «количество и ценность чая, обращающегося в здешней торговле, от 19 050–23 850 ящиков, на сумму от 1 748 500 до 2 228 500 руб.»<sup>153</sup>.

По свидетельству А. Корсака, наибольшее число караванов из Семипалатинска и Средней Азии направлялось в Кульджу. Караваны отходили из Семипалатинска в Кульджу ежегодно в июле и августе и возвращались в марте следующего года. Товары везли в основном на лошадях, так как дорога из Семипалатинска была гористой, и верблюды не годились для перевозки товара в Кульджу. Верблюдов, навьюченных товаром, использовали для торговли с киргизами, которые шли вместе с кульджинским караваном до определенного места и сворачивали на Запад.

Обращаясь к очерку Г.Ф. Генса, председателя азиатской пограничной комиссии в Оренбурге, составленному им по рассказам татарского купца в 1807 г. (далее – Записки Генса), можно проследить весь маршрут каравана в Кульджу. «Караван идет от Семипалатинска сначала по ровному месту, но в 18 днях хода от этой крепости дорога пересекается огромной цепью гор, называемых Тарбагатай, за которыми течет речка Аягузь, в правую сторону от дороги или почти от востока к западу и лежит большое озеро Ала-денгиз. От реки Аягузь, в расстоянии 10 дней хода, караван проходит к реке Ульяр, текущей в левую

<sup>152</sup> Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века: Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент: Фан, 1991. С.75.

<sup>153</sup>Лаптев М. Казанская Губерния. СПб., 1861. С. 439.

сторону, то есть к востоку от дороги, и идет некоторое пространство вдоль по ней, к китайской границе, через которую караван не переезжает. Вдоль по этой реке она идет три дня. Далее дорога идет по следующим местам: от первого становища при реке Ульяр в 7 дней караваны проходят близ озера Ала-денгиз или Ала-куль, который остается в правой стороне, т.е. к западу от дороги. В расстоянии 3 дней хода от этого озера и в 38 днях хода от Семипалатинской крепости, они вступают в кочевые киргизов Силезь – найманского рода. Отсюда через 2 дня хода или в 40 днях от Семипалатинска – караванную дорогу пересекает огромная цепь высоких гор, называемых Кулак-карагай. Шириной она составляет 3 дня хода. Тотчас за горой, в 43 днях от Семипалатинской крепости, находится китайский пикет. Здесь пересчитывают людей и лошадей, записывают число их в ярлык (роль паспорта), который отдается караванному главе, и с этим письменным видом караван отправляется дальше. За первым пикетом находятся еще 4 подобных же пикета, каждый на расстоянии одного караванного хода. В пяти днях пути от первого пикета, или в 48 днях от Семипалатинска, находится гора Канджагалы, которая гораздо меньше Чулак-карагая. За нею, на расстоянии 8 дней хода, расположены еще 5 китайских пикетов, пройдя которые, через 56 дней пути от Семипалатинска, караван подходит к горе Талкы – величиною с Канджагалы. Через один день пути он встречает небольшой китайский городок Баратма, который приходит мимо. В расстоянии 1 дня пути от этого городка караван останавливается на реке Или, в 2 верстах от города Малой Кульджи. По всей дороге от Семипалатинска до Малой Кульджи кормы весьма хороши: трава высокая, так что можно косить; в хорошей воде и дровах также нет недостатка.

По прибытии каравана в Кульджу – выставляют к нему 2 пикета, для предупреждения тайной продажи товаров. На другой день товары доставляются на меновой двор близ караванного становища. Здесь они складываются; приставляется к ним караул, а люди возвращаются в свой лагерь, к реке, где они живут до возвращения, потому что жить в городе никому из иностранцев не позволяетя. Затем требуется показание о количестве и качестве товара. Оно представляется толмачом, и местное начальство, проверив его с поступившими на

меновой двор товарами, отправляет его в Пекин с известием о прибытии каравана, и спрашивая разрешения, как поступить с ним. Через несколько недель получается разрешение из Пекина. Тогда начальник с двумя знатнейшими чиновниками приходит на меновой двор и торгует весь товар, потому что никто из каравана не имеет права продать что-нибудь прямо частным лицам. Торговля, как мы сказали, меновая. Сначала все товары промениваются на бумажный холст, цена которого определена; потом на него можно уже приобретать другие товары и даже серебряные слитки (ямбы). Караванные купцы избирают трех поверенных, которые договариваются с китайскими чиновниками. Уговорившись в цене, чиновники осматривают привезенные товары и взимают с них трехпроцентную пошлину. По окончании торга отвозят их в город, разделяют между тамошними купцами, которые продают их по установленной цене. Точно также и свои товары каждый китайский купец может продавать иностранцам только в таком количестве, какое достается ему по разделу. По окончании расторжки иностранным купцам выдаются из амбара вымененные ими китайские товары. Отпускной пошлины при этом не взимается. Пробыв еще около месяца на месте, караван отправляется в обратный путь, причем опять пересчитывают людей, и до самой границы китайских владений его сопровождает военный конвой»<sup>154</sup>.

Изначально торговые караваны отправлялись коренными жителями Семипалатинска, но вскоре, после подписания Кульджинского договора (1851 г.), в город начинают прибывать и татарские купцы из Восточной России, которые привозят с собой на торг хлеб, меха, кожи, ковры, ткани, галантерейные товары, кондитерские изделия, пряности и специи, вытесняя коренных торговцев, которые торговали такими же товарами. В результате город Семипалатинск становится центром торговли Западной Сибири с Киргизской степью и Западным Китаем<sup>155</sup>, а также новым центром обоснования татарского купечества. Как отмечает М. Усманов в своем очерке «Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар» («Не

<sup>154</sup> Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии Хивой, Бухарой, и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). Приложение «Очерки торговли России со Средней Азией». СПб., 1856

<sup>155</sup> Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 73.

закрытая книга или рассеянные семена»), который в свою очередь опирается на сведения Курбангали хазрата Халиди, в конце XIX столетия в Семипалатинске функционировало 9 мечетей, 8 из них «были построены татарами и служили татарской махалле. Ко всему прочему, из этих восьми мечетей рядом с 3-4 мечетями были построены татарские школы-медресе»<sup>156</sup>. Кроме Семипалатинска татары активно селились и в других городах, расположенныхных близ китайской границы – Бахты, Аягоз, Аксу, Капал, Лепсы и т.д. Благодаря активному развитию торговли, татарские купцы начинают проникать еще глубже в Азию.

Сведения об усилении торговой деятельности татарских купцов в Семипалатинске были получены нами благодаря анализу многочисленных очерков и записок путешественников, ученых, дипломатов начала XIX в. Многие исследования в основном опираются на рассказы и интервью татарских купцов, которые активно вели торговлю через Семипалатинск с торговыми городами Китая.

Проанализировав имеющиеся источники, касающиеся торговых отношений между Россией и Китаем, можно сделать вывод, что первыми посредниками в русско-китайских отношениях становятся татарские купцы. Именно они первыми отправляют торговые караваны из Семипалатинска, а затем в дело входят и русские купцы<sup>157</sup>.

Говоря о положительной роли торговых караванов, отметим, что благодаря «караванной торговле развивалось производство в районах, через которые проходил караванный путь. Особую роль она сыграла в развитии ремесел, способствуя подвижности населения и взаимовлиянию культур, формированию новых торговых отношений»<sup>158</sup>, а также установлению непрерывных контактов между государствами, что позволяло попутно с торговлей решать и политические вопросы. Данный вид торговли не только создавал благоприятные условия для

<sup>156</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. С. 28.

<sup>157</sup> Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем // Ученые записки Казанского Университета. Кн. 1. 1856. С.142.

<sup>158</sup> Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века: Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент: Фан, 1991. С.13.

постоянных торговых связей между Россией и Китаем, но послужил толчком для развития экономики обоих государств<sup>159</sup>.

Кроме положительных аспектов караванная торговля имела и отрицательные стороны, например – сама дорога. Караванные пути, по которым доставлялись товары на верблюдах или вьючных лошадях, проходили через степи и горы, что было небезопасно. Во многом ситуацию усложняло и то, что в пути купцы часто сталкивались с разбойниками, которые кроме товара брали пленных для продажи на невольничьем рынке. Еще одной сложностью являлось то обстоятельство, что отправка караванов в Кульджу и Чугучак через Семипалатинск для многих купцов была трудным делом, поскольку Семипалатинск был расположен вдали от центральных регионов России, только «из Казани считалось 2700 верст»<sup>160</sup> (2880 км). Вследствие этого многие купцы, зная об удаленности Семипалатинска, искали другие, более короткие пути доставки товаров. Эти тропы они исследовали самостоятельно, без участия государства, превратив в дальнейшем это направление в частное дело<sup>161</sup>. К примеру, один из троицких купцов, рассказывая об удаленности региона, отмечал: «у меня из головы не выходила мысль открыть торговые сообщения с дальними странами Средней Азии из такого пункта, который бы сокращал время, необходимое для доставки иноземных товаров прямо к Волге, откуда можно доставлять все, и скоро и недорого, в Нижний на ярмарку, в Москву и в Петербург, особенно когда утвердится предположение о перевозке товаров по железной дороге»<sup>162</sup>. В итоге этот троицкий купец открыл новый путь из Троицка в Чугучак протяженностью 1700 верст. Открытие нового пути (1844 г.)

<sup>159</sup>Русско-китайская караванная дорога. Режим доступа: [<https://megalektsii.ru/s27895t7.html>]. (дата обращения: 10.04.2018).

<sup>160</sup> Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин) // Географические известия. 1850. Июль, август, сентябрь. С. 371.

<sup>161</sup> Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем // Ученые записки Казанского Университета. Кн. 1. 1856. С.427.

<sup>162</sup> Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин) // Географические известия. 1850. Июль, август, сентябрь. С. 371 – 372.

существенно сократило путь, ведь из Троицка до Казани насчитывалось 1000 верст. Из этого следует, что из Казани до Чугучака было 2700 верст, ровно столько, сколько из Казани в Семипалатинск, т. е. благодаря открытию нового пути этот купец сокращал не только свой путь, но и издержки на отправление каравана.

В результате введения нового пути к троицкому купцу начинают поступать обращения от других купцов с предложением отправлять караваны по короткому пути на их верблюдах по минимальной цене: «теперь киргизы, узнав из неоднократных моих опытов, что дорога в Чугучак не представляет решительно никаких опасностей, предлагаю мне отправлять свои товары на их верблюдах и запрашиваю только 21 руб. 43 коп. сер. в оба пути с условием, чтобы вьюк верблюда не превышал тяжести 12 пудов»<sup>163</sup>. В любом случае это было выгодно для купца, поскольку после открытия новой тропы караван шел быстрее и приходил в нужную точку раньше других, соответственно, товар удавалось распродать без всяких усилий.

Таким образом, изучив различные по содержанию заметки ученых и путешественников, можем констатировать, что до 70-х гг. XIX в. российская торговля со странами Востока находилась в руках татарских коммерсантов. Успех и полная торговая монополия татарских купцов в Северо-Западном Китае прослеживались до второй половины XIX в., а если точнее – до 1850 г., монополия была урегулирована после подписания Кульджинского договора (26 июня 1851 г.), так как именно с момента подписания данного договора в торговые города Северо-Западного Китая могли въезжать русские купцы, что, несомненно, усложнило деятельность татарских предпринимателей в этом регионе.

По мнению многих отечественных исследователей, предпосылкой к подписанию Кульджинского договора стало сближение границ двух империй в

---

<sup>163</sup>Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин) // Географические известия. 1850. Июль, август, сентябрь. С. 399.

Средней Азии<sup>164</sup>. Не менее важной причиной подписания договора было снижение покупательской способности в Кяхте (1849 г.) из-за наплыва в Китай более дешевых западноевропейских промышленных товаров и увеличения пошлины Маньчжурским правительством, которое собирало средства для борьбы с тайпинами<sup>165</sup>. События, которые развернулись в Китае, и привели к таким невыгодным последствиям, которые вынудили российское правительство искать и создавать новые опорные пункты для торговли с Китаем, поскольку к середине XIX в. Китай стал главным партнером России на Востоке, потребляя 60% экспорта и давая 43,8% импорта по всей «азиатской торговле»<sup>166</sup>. В Китай направлялось от 53% общероссийского вывоза таких товаров, как козловая кожа, сафьян и юфть<sup>167</sup>. Поэтому России было важно наладить более прочные торговые контакты с Китаем. Самыми перспективными районами для России были северо-западные провинции Китая, о которых мы писали выше, так как рынки этого региона были расположены ближе к промышленным центрам Российской империи, что снижало расходы на доставку товаров.

Осознавая важное стратегическое и экономическое значение этого региона, российское правительство начинает вести переговоры с правительством Китая. Предварительные переговоры по вопросу торговли с Западным Китаем были поручены дипломату, востоковеду, писателю и путешественнику майору Е.П. Ковалевскому, сопровождавшему русскую духовную миссию в Китай в 1849 г.<sup>168</sup>. В 1856–1861 гг. он руководил Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и имел влияние на организацию торговли между Россией и Китаем. Ему же было поручено вести и окончательные переговоры в 1851 г.

<sup>164</sup> Валеев Р. М. Российско-китайские отношения в XVII – первой половине XIX в.: Очерки отечественной историографии (40-80 гг. XX в.). Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 99.

<sup>165</sup> Там же. С. 99.

<sup>166</sup> Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. С. 23.

<sup>167</sup> Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С.104,105.

<sup>168</sup> Бунаков Е. В. Русско-китайские отношения в первой половине XIX века// Советское востоковедение. 1956. №2. С. 100.

Опираясь на сведения Е.В. Бунакова, Е.П. Ковалевскому была дана инструкция, утвержденная императором Николаем I 20 апреля 1851 г. Инструкция включала в себя следующие основные требования:

- 1) добиться открытия торговли не только в Чугучаке и Кульдже, но и в Кашгаре, хотя бы временно, для опыта;
- 2) получить право иметь в Чугучаке и в Кульдже консулов или агентов;
- 3) добиваться беспошлинной с обеих сторон торговли в Чугучаке и Кульдже;
- 4) предложить установить постоянную прямую связь между генерал-губернатором Западной Сибири и главнокомандующим в Или<sup>169</sup> по примеру связи между генерал-губернатором Восточной Сибири и ургинским амбанем<sup>170</sup>.

В результате переговоров, которые прошли в дружественной обстановке, китайская сторона приняла все предложения российской стороны, кроме предложения об открытии торговли в Кашгаре<sup>171</sup>. Договор был подписан 25 июля 1851 г.

Кульдинский договор стал главным пунктом в развитии русско-китайских отношений на территории Центральной Азии. Значимость данного договора выходила за рамки простого торгового соглашения: подписанный договор подчеркивал отказ Цинской империи от своих притязаний на территории Казахстана и Киргизии, а также способствовал формированию юридической основы официальных российско-китайских отношений в приграничных районах Центральной Азии<sup>172</sup>. Кроме того, после подписания договора русские купцы могли беспрепятственно въезжать и выезжать из Западного Китая. Статья №4 договора гласила: «Русские купцы имеют при себе старшину (караванбаша), который при следовании каравана в Или (Кульджу) по прибытии на китайский

---

<sup>169</sup> г. Кульджа.

<sup>170</sup> Бунаков Е. В. Русско-китайские отношения в первой половине XIX века// Советское востоковедение. 1956. №2. С. 100.

<sup>171</sup> Бунаков Е. В. Русско-китайские отношения в первой половине XIX века// Советское востоковедение. 1956. №2. С. 100.

<sup>172</sup> Валеев Р. М. Российско-китайские отношения в XVII – первой половине XIX в.: Очерки отечественной историографии (40 – 80 гг. XX в.). Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 99.

пикет Бориходжир – а по прибытии в Тарбогатай (Чугучак) на первый китайский пикет, представляет караульному офицеру билет своего государства; означенный офицер, записав число людей, скота и вьюков с товарами, отпускает караван в сопровождении же офицера и солдат от пикета до пикета. В дороге не позволяет ни солдатам, ни купцам делать друг другу какие-либо обиды и стеснения»<sup>173</sup>. Ко всему прочему, китайское правительство отвело российским купцам места для постройки домов и складских магазинов для товаров<sup>174</sup>. Последний пункт давал надежду на усиление позиций российского купечества в Кульдже и Чугучаке.

Вскоре после подписания Кульдинского договора, 5 февраля 1852 г., российское правительство постановило, что «к торговле в Кульдже и Чугучаке допускаются купцы всех трех гильдий и торгующие крестьяне»<sup>175</sup>.

В тот же год 6 марта Казанскому городскому главе приходит сообщение об открытии торговли в Западных китайских городах с просьбой об уведомлении казанского торгового сословия<sup>176</sup>. Эта новость была доведена до купцов, занимающиеся торговлей с китайскими областями: арский купец Муса Насиров, Усманов, Исхак Мустафович Апаков, Петр Леонтьевич и Александр Леонтьевич Крупениковы, Петр Иванович Котелков, Курбангали Муртазович Бурнаев, Курбангали Ахметович Арсаев, Салих Юсупович Арсаев<sup>177</sup>.

Кульдинский договор был подкреплен в 1858 г. Тяньцзинским трактатом. Согласно положениям трактата, китайской стороной подтверждались мир и дружба, гарантировались личная безопасность и неприкосновенность собственности, принадлежавшей русским, живущим в Китае, и российской

<sup>173</sup>Русско-китайские договорно-правовые акты 1689–1916. М: Памятники исторической мысли, 2004. С. 58.

<sup>174</sup>Там же. С. 60.

<sup>175</sup>Земляницина И. Исторический очерк русской торговли с Западным Китаем, через г. Семипалатинск//Труды общества для содействия русской промышленности и торговли. СПб., Ч. 8, 1875. С. 117.

<sup>176</sup> ГА РТ. Ф.114, Оп. 1, Д. 2302, Л.1

<sup>177</sup> ГА РТ. Ф.114, Оп. 1, Д. 2302, Л.2, 3, 5.

стороной – китайцам, находящимся в России; разрешалась не только сухопутная, но и морская торговля<sup>178</sup>.

В результате подписания Пекинского договора в 1860 г. Россия смогла открыть торговые консульства в городах Кульджа и Чугучак, там были созданы русские фактории.

Подполковник Генерального штаба Д. Федоров писал: «В 1871 г., с занятием нашими войсками Кульджинского района, здесь вновь началась русская торговля, привлеченная больше всего потребностями войск и администраций. Средоточием её, естественно, стал главный административный пункт края – старый мусульманский город Кульджа, где и образовался главный складочный пункт наших товаров»<sup>179</sup>. С этого времени, продолжает Д. Федоров, начался расцвет русской торговли в этом крае, он продолжался до 1884–1885 гг. Город Кульджа стал «складочным пунктом русских товаров» для всего Западного Китая, поскольку город Чугучак «лежал в развалинах». Товары ввозили в Кашгарию через Илийский край, на то были две причины: 1) политические события в Фергане; 2) торговый путь через Оренбург, Ташкент и Ош был длиннее пути через Омск, Семипалатинск и Кульджу<sup>180</sup>. Динамичному развитию российско-китайских отношений способствовал импорт значительного количества серебра. «В Синьцзяне серебро торговцы приобретали по 960–970 рублей за пуд, а в Москве или Кяхте сбывали его по цене от 1100 до 1200 рублей. Выгода была очевидной»<sup>181</sup>.

После подписания Петербургского договора 1881 г. импорт серебра и золота стал беспошлинным. Беспошлинным стал и вывоз ювелирных изделий, зерномучных товаров, мяса, одежды, ковров, лекарств, стекла, хрусталия, духов и мыла. Согласно этому договору, запрещалось вывозить такие военные товары, как

<sup>178</sup> Перебеева М. И., Силина Э. Н. Семипалатинск торговый. Режим доступа: [cdni-archiv.vko.gov.kz]. (дата обращения: 05.12.2020).

<sup>179</sup> Федоров Д. Опыт военно-стратегического описания Илийского края. Ч. 2. – Ташкент, 1903. С. 44.

<sup>180</sup> Там же. С. 40.

<sup>181</sup> Шкунов В. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком// История Татар с древнейших времен: в 7 т. Т.6: Формирование татарской нации XIX – начало XX. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 330.

огнестрельное оружие, порох, военные припасы, снаряды; конфискации подвергались соль, опиум, китайская медная монета, рис<sup>182</sup>.

Татарскими купцами были освоены многие рынки Западного Китая. Например, подполковник Генерального штаба Д. Федоров пишет: «в Кульдже 1897 г. насчитывалось купцов 232 и 107 лавок, помещенных, большею частью, в каменных рядах, выстроенных еще русскою администрациею.

В числе 232 купцов считалось татар 22, ... русских всего 3 человека»<sup>183</sup>.

Российские купцы привозили в Синьцзян хлопчатобумажную и шерстяную ткань и изделия из них, железные, медные, чугунные и стальные изделия, одежду и обувь, сахар, конфеты, печенье, спички, керосин, лампы, швейные машинки, посуду, писчую и оберточную бумагу, выделанную кожу, нитки и т.д.<sup>184</sup>. Как отмечалось выше, товары закупались в основном на Нижегородской ярмарке. Из Синьцзяна в Россию татары доставляли кожу, меха, конский волос, шерсть, козий пух, сухофрукты, скот<sup>185</sup>, хлопок и изюм<sup>186</sup>, фрукты и т.д.

Естественно, не всем татарским предпринимателям удавалось наладить торговые отношения с Китаем, в основном татары занимались куплей-продажей товаров в городах и селах. Лишь единицы смогли выйти на мировой рынок, это были купцы братья Алдагаровы, Каримовы, братья Садри, Р. Чанышев и его племянники.

По воспоминаниям Ч. Валиханова, «татары имели большую выгоду в торговле с казахами, они привозили им ткани, предметы домашнего обихода из железа и чугуна, пользовавшиеся большим спросом у казахов, обменивали их на

<sup>182</sup> Перебеева М. И., Силина Э. Н. Семипалатинск торговый. Режим доступа: [cdni-arxiv.vko.gov.kz]. (дата обращения: 05.12.2020).

<sup>183</sup> Федоров Д. Опыт военно-стратегического описания Илийского края. Ч. 2. Ташкент, 1903. С. 47.

<sup>184</sup> Федоров Д. Опыт военно-стратегического описания Илийского края. Ч. 2. Ташкент, 1903. С. 52-53.

<sup>185</sup> Шкунов В. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком// История Татар с древнейших времен: в 7 т. Т.6: Формирование татарской нации XIX – начало XX. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 330.

<sup>186</sup> Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., 1949. С. 268.

мелкий скот, кожу и меха. Киргизы привлекали татар и для сбыта собственных товаров в Китае»<sup>187</sup>.

Говоря о городе Кульджа, необходимо упомянуть, что татарские купцы не только вели здесь торговые дела, но и оставались жить, тем самым формируя ядро татарской диаспоры. Обращаясь к записям того же Д. Федорова, можно узнать, что за 1898 г. в Кульдже русско-подданных насчитывалось около 1000 человек. «Определить точное количество русско-подданных в крае не предоставляется возможным, — писал Д. Федоров, — поскольку большинство их самовольно выселяются.... Наибольшим значением в крае среди всех русско-подданных пользуется торговая колония Кульджи. Состоявшая в 1898 г. из 231 человека, в числе коих было: русских 2, татар 22, сартов 118, дунган 8 и таранчей 81»<sup>188</sup>.

Из представленной цитаты понятно, что в Кульдже из числа русско-подданных проживали большей частью мусульмане различных национальностей. Отношения мусульман с Китайским правительством были очень доброжелательными. «Несомненно, что сплоченности и отчужденности от России нашей кульджинской торговой колонии много содействует местная мечеть со штатом мулл, находящаяся под русским покровительством. ...Они составили своеобразный мирок и считают Китай своею родиной»<sup>189</sup>.

Таким образом, торговля и торгово-посредническая деятельность стала важным фактором влияния на эмиграцию татар. В силу своеобразного национального характера, в поисках лучшей доли с конца XVIII в. они начинают осваивать обширные регионы за пределами Российской империи, тем самым взяв на себя важную роль в налаживании торговых и экономических связей России со Средней Азией.

<sup>187</sup> Цит. по: Байбулатова Л. Восточный Туркестан // История Татар с древнейших времен: в 7 т. Т.6: Формирование татарской нации XIX – начало XX. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 116.

<sup>188</sup> Федоров Д. Опыт военно-стратегического описания Илийского края. Ч. 2. Ташкент, 1903. С. 202.

<sup>189</sup> Федоров Д. Опыт военно-стратегического описания Илийского края. Ч. 2. Ташкент, 1903. С. 204-205.

Роль татарских посредников была также очень важна для русских купцов, так как рынки Средней Азии были для них труднодоступными. В результате посреднической деятельности, многие татары, уже научившиеся торговому диалогу со среднеазиатскими купцами, подавались в купцы, которые в конечном счете сосредотачивали в своих руках весь торговый оборот. На среднеазиатских рынках они закупали: персидские ткани, шали, ковры, пушнину т.д. На продажу привозили в основном продукцию казанских промышленных и ремесленных предприятий. Доходы от предпринимательства купцы вкладывали как в собственное производство, открывая фабрики и заводы, так и в строительство мечетей, медресе, в благоустройство городов, в которых проживали.

Монополизировав российско-среднеазиатскую торговлю, татарские купцы, осознавая свое преимущественное положение, распространяют свою деятельность и на рынки Китая, становясь посредниками в русско-китайских отношениях. Благодаря этому многие татарские предприниматели занимают новую нишу и становятся чаепроправцами.

Западный Китай имел важное экономическое значение для Российского государства. Благодаря ряду договоров между Российским и Китайским государствами в крупных торговых городах Западного Китая (Кульджа и Чугучак), были отведены места для постройки домов и складских помещений для привезенных товаров, открыты торговые консульства и фактории, что во многом упрощало предпринимательскую деятельность российских купцов и служило благоприятным фактором для проживания в этом регионе.

## **§1.2. Зарождение татарской общины в Синьцзяне во второй половине XIX – начале XX в.**

Изучая татарскую диаспору, проживающую в Северо-Западном Китае, необходимо внести ясность в определение названия региона, где исторически обосновались татары, так как в имеющихся источниках нынешний топоним – Синьцзян – для обозначения данного региона практически не употребляется. В

ходе изучения источников нами были выявлены такие наименования, как – Восточный Туркестан, Западный Туркестан, Кашгария, Русский Туркестан, Китайский Туркестан и т.д. В какой-то степени такое многообразие является свидетельством этнической, экономической, культурной, религиозной многогранности современного Синьцзяна. Синьцзян в течение тысячелетий был точкой соприкосновения разных цивилизаций, их влияние до сих пор «прослеживается в историческом наследии, культурном своеобразии, традициях и быте населяющих его народов – уйгур, дунган, казахов, китайцев и др.»<sup>190</sup>. Многие из этих народов связаны общностью своих исторических судеб с народами Казахстана и Средней Азии, их связывает общность культуры, языка, обычаев. Со времени открытия Великого шелкового пути Восточный Туркестан был местом, где осуществлялся обмен и материальными, и духовными ценностями между народами, которые населяли сопредельные государства и области, которые существовали на территории Китая, Центральной Азии, Средней Азии, Казахстана, Индии, Ирана и России<sup>191</sup>. Говоря о многогранности данного региона, следует охарактеризовать имеющиеся варианты его наименований, употребляемые в научной литературе и источниках разных периодов.

Топоним «Туркестан» (страна тюрков) впервые встречается в средневековых арабских географических трактатах (с IX в.)<sup>192</sup>. Этим термином обозначалась область, расположенная между «мусульманскими владениями и Китаем»<sup>193</sup>, здесь же уточняется, что населяли ее тюркские и монгольские кочевники. Со временем топоним «Туркестан» стал употребляться реже, и к XVIII

<sup>190</sup> Кляшторный С. Г., Колесников А. А., Басханов М. К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 5.

<sup>191</sup> Кляшторный С. Г., Колесников А. А., Басханов М. К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 5.

<sup>192</sup> شنجاڭ ھەقىدە سۈنال - 90. 1993. م. 7.

[90 вопросов о Синьцзяне. 1993. С. 7.]; Бартольд В. В. Туркестан история древняя/энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрон. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. С. 52.

<sup>193</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. 1. М.: Изд-во вост. литературы, 1963. С. 114.

в. он практически не отмечается в книгах о путешествиях и географии. В сочинениях русских и западноевропейских авторов его заменяют топонимы «Большая Бухария» и «Малая Бухария». Большой Бухарией исследователи называли Среднюю Азию, а земли, расположенные к востоку от Большой Бухарии – Малой Бухарией (речь в данном случае идет именно о Синьцзяне). Интересен тот факт, что топоним «Малая Бухария» – это искусственно введенный в научный оборот термин, который не использовался местными жителями<sup>194</sup>.

В начале XIX столетия на Востоке, а затем и в Европе (в том числе и в России) Малую и Большую Бухарию, вместе взятые, начинают называть Туркестаном, вследствие чего топоним «Туркестан» вновь приобретает большую популярность и активно употребляется в публикациях того времени. Например, в 1805 г. русский миссионер Д. Димковский в своем отчете о деятельности миссии использовал название «Туркестан»<sup>195</sup>. Необходимо отметить, что при использовании топонима «Туркестан» различали Бухарский Туркестан и Китайский Туркестан, или Восточный Туркестан<sup>196</sup>.

Против употребления топонимов Бухарский Туркестан и Китайский Туркестан активно выступал архимандрит Русской православной церкви (в 1802–1823 гг.), востоковед, путешественник, первый русский китаевед и основоположник русской синологии Н.Я. Бичурин, призывая русских путешественников называть Бухарский Туркестан Западным, а Китайский Туркестан – Восточным<sup>197</sup>.

Топоним «Бухарский Туркестан» начал использоваться вместо топонима «Большая Бухария»,<sup>198</sup> т.е. Бухарский Туркестан обозначал также земли Средней Азии. Предпочтение Н.Я. Бичуриным третьего варианта названия можно объяснить, скорее всего, влиянием трудов западных исследователей, нежели

<sup>194</sup> Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М. 1988; Бартольд В. В. История Туркестана. Ташкент. 1922.

<sup>195</sup> «Белая книга» МИД КНР «История и развитие Синьцзяна», 2003. Режим доступа: [[https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce\\_ceml\\_chn/zfbps/200305/t20030531\\_878963.html](https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/zfbps/200305/t20030531_878963.html)]. (дата обращения: 26.12.2023).

<sup>196</sup> Риттер К. Земледелие. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1869. Вып. 1. С. 50.

<sup>197</sup> Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб., 1829. С. 12.

<sup>198</sup> Топоним произошел от названия столицы Узбекского ханства – Бухара.

собственной точкой зрения ученого, так как в начале XIX в. они, как правило, использовали топоним «Западный Туркестан» вместо «Бухарский Туркестан». Топонимом «Западный Туркестан» западные ученые обозначали территории Средней Азии, не включенные в состав Российской империи. В дальнейшем стал употребляться новый топоним – «Русский Туркестан». Им обозначались земли, в середине XIX в. вошедшие в состав Российской империи: Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират, земли Семиречья, Ферганы, Мавераннахра. Забегая вперед, отметим, что в советский период данную территорию называли Средней Азией.

Топоним «Китайский Туркестан» также широко использовался преимущественно западными исследователями с конца XIX до начала XX в. (К. Г. Э. Маннергейм<sup>199</sup>, Дж. Даббс<sup>200</sup>, А. Кэри<sup>201</sup>, Х. Дэйзи<sup>202</sup> )

Следует заметить, что территория Восточного Туркестана более ранних периодов – это не сегодняшний Синьцзян-Уйгурский автономный район<sup>203</sup>, а совсем иная территория. По мнению О.В. Зотова, употребляемый в трудах западноевропейских ученых до XIX в. термин «Восточный Туркестан» относился только к Кашгарии, причем был популярен и термин «Кашгария», образованный от названия главного города Кашгар, являвшегося в 1865–1877 гг. главным городом независимого государства, созданного Якуб-беком<sup>204</sup>. В середине XIX в.

<sup>199</sup> Маннергейм К. Г. Э. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин в 1906–1908 гг.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1909. Вып. 81. 173 с.

<sup>200</sup> Dabbs J. The History of Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. The Hague, 1966.

<sup>201</sup> Кэри А. Путешествие по Китайскому Туркестану и северной границе Тибета // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (СМА). СПб., 1888.

<sup>202</sup> Deasy H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan. Being the Record of Three Year's Exploration. London, 1901.

<sup>203</sup> На сегодняшний день земли Джунгарии и Кашгарии составляют Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.

<sup>204</sup> Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан: опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903. С. 57.

русские ученые А.Н. Куропаткин<sup>205</sup>, М.В. Певцов<sup>206</sup>, Н.В.Богоявленский<sup>207</sup>, говоря о Восточном Туркестане, также активно использовали термин «Кашгария».

Именование Восточного Туркестана Кашгарией до XVIII–XIX вв. было связано с тем, что на территории Кашгарии проживали только тюркские народы, а примыкавшая к ней с севера Джунгария этому топониму не соответствовала, поскольку в то время на территории Джунгарии проживали монголоязычные племена. Завоевание Восточного Туркестана и Джунгарии Цинами<sup>208</sup> во второй половине XVIII в. (1760 г.)<sup>209</sup>, а также резня жителей Джунгарского ханства, учиненная императором Цяньлуном, привели к истреблению монголоязычного населения Джунгарии. Территорию Джунгарии начинают заселять казахи, которые полностью тюркизировали данный регион. Вследствие этого, с XIX в. западноевропейские ученые термином «Восточный Туркестан» начинают обозначать более обширную территорию, включавшую земли Кашгарии и Джунгарии.

---

<sup>205</sup> Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 15.

<sup>206</sup> Певцов М. В. Путешествие в Кашгирию и Кун-Лунь. М., 1949. 880 с.

<sup>207</sup> Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. СПб., 1905., 418 с.

<sup>208</sup> Цинская династия правила в Китае с 1644 г. до 1912 г.

<sup>209</sup> Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности)// Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. С. 23.

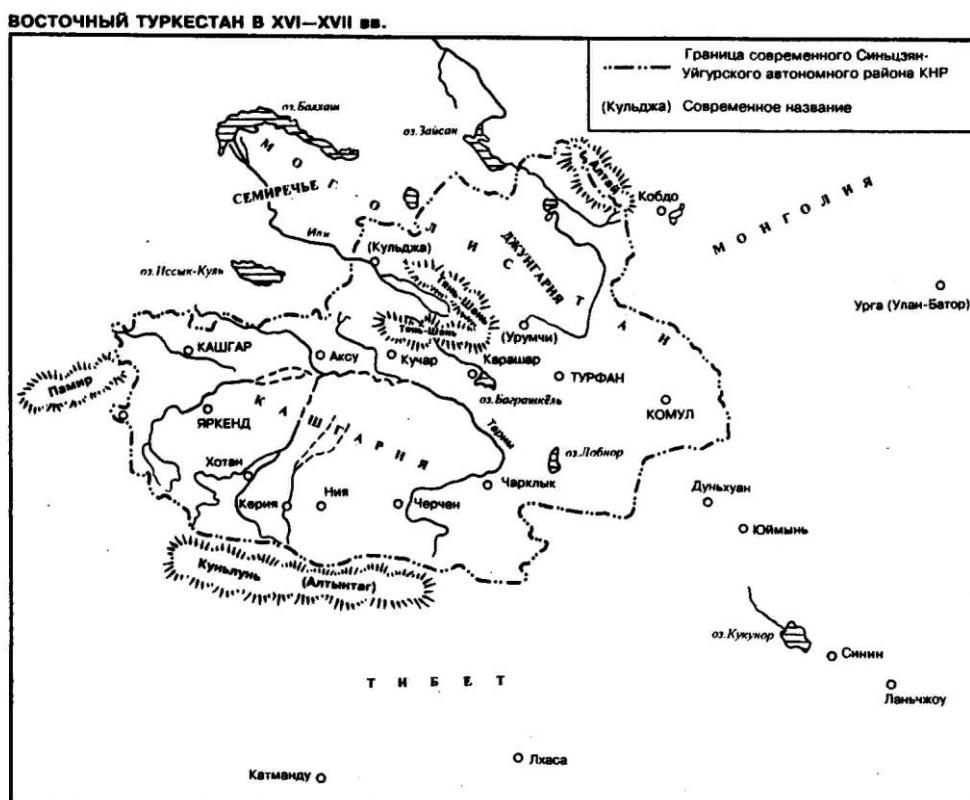


Рисунок 1 – карта Восточного Туркестана в XVI – XVII вв.<sup>210</sup>.

Рассматривая географическое расположение Восточного Туркестана в конце XIX – начале XX в., Л.А. Чвырь отметила, что в этот период Восточный Туркестан включал территорию бассейна реки Тарими и Турфано-Хамийскую впадину. На севере эта земля смыкалась с Джунгарией, на юге, проходя через горные системы Куньлуня и Каракорума, смыкалась с Тибетом. На западе территория Восточного Туркестана граничила со среднеазиатскими регионами – Кокандским ханством, на востоке через ареал пустыни соприкасалась с западными провинциями Китая<sup>211</sup>. Именно в таких масштабах Восточный Туркестан становится частью Китайской империи, в дальнейшем он стал именоваться Синьцзяном («Новая граница» или «Новая территория») и был объявлен одной из 28 провинций Китая<sup>212</sup>. Важно отметить, что новое наименование региона было популярно лишь в Цинской империи, ученые из других стран его по-прежнему называли Восточным Туркестаном.

<sup>210</sup> Режим доступа: <https://beitui.narod.ru/maps/xinjiang.jpg> (дата обращения 11.02.2023).

<sup>211</sup>Чырып Л. А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – нач. XX вв. Очерки историко-культурных связей. М.: Наука. 1990. С. 5.

<sup>212</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 170–171.

Дополнительным доводом в пользу употребления европейцами старого топонима было то, что китайское владычество на данной территории не было постоянным вследствие масштабных восстаний жителей захваченного региона. Подразумевалось, что, наблюдая такую неустойчивость, ученые не спешили менять привычное название Восточного Туркестана на новое.

Завоевание Кашгарии и Джунгарии Китайской империей стало началом распада древнего Туркестана, являвшегося домом для различных народов тюркской языковой группы. Многообразие наименований данного региона позволяет проследить многогранную историю Синьцзяна: начиная с топонима «Малая Бухария», который затем сменился на Китайский Туркестан, затем на Кашгар, Восточный Туркестан и, наконец, – Синьцзян. Это место пересечения древних торговых путей и различных цивилизаций, которые оставили отпечаток и оказали влияние на духовную и бытовую жизнь коренных жителей данного региона. Здесь основывали свои поселения купцы, ремесленники и крестьяне, приехавшие из разных стран. Впоследствии они принимали активное участие в культурном и экономическом развитии, а также формировании политического самоопределения Восточного Туркестана.

Сегодня топоним Восточный Туркестан обозначает территорию современного Синьцзяна, который занимает первую по площади позицию среди китайских провинций и является местом проживания многих народов, а именно: уйгуров, китайцев, казахов, монголов, хуэйцев, сибинцев, киргизов, узбеков, таджиков, маньчжур, даур, татар и других народов.

Появление татарской диаспоры в Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеет определенные временные рамки. Известный российский историк М. Усманов отмечал, что в XVIII–XIX вв. национальный состав Синьцзяна значительно расширяется. Наряду с коренным населением региона – уйгурами, «малую часть Синьцзяна заселяли монголы, казахи, киргизы и другие народы. С началом колонизации в этот регион вместе с многочисленными китайскими чиновниками в поисках земли и дохода приходят китайские и дунганские крестьяне [...]. В середине XIX в. с Запада переезжают узбекские и татарские

купцы, вскоре после открытия российского консульства в этот регион переезжают и русские»<sup>213</sup>.

Приезд купцов в Северо-Западный регион Китая объяснялся тем, что в XIX в. торговые связи российских купцов с Синьцзяном осуществлялись в основном через Чугучак, Кульджу, Кашгар и частично через Урумчи. Торговля через упомянутые города была важна как для Китая, так и для России. Оба государства прилагали большие усилия для развития и укрепления торговых контактов. Особую роль в усилении торговых отношений со стороны Российской империи играли татарские купцы, которые за короткий срок полностью монополизировали внешнюю торговлю с Синьцзяном<sup>214</sup>. Именно монополизация торговых путей во многом способствовала формированию татарских общин на территории Северо-Западного Китая. Основными местами расселения татар были большие торговые города Синьцзяна.

Кроме купеческого сословия в этот регион переезжали и представители других сословий. Причиной их переезда была отнюдь не торговля, а более глубокие и трагические обстоятельства, а именно революции 1905 и 1917 гг., гражданская война, голод, индустриализация, насильтвенная коллективизация сельского хозяйства, которые способствовали активной миграции населения.

Рассматривая процесс развития татарской диаспоры в Северо-Западном Китае, мы считаем необходимым показать периодизацию татарской эмиграции, так как это является неотъемлемым элементом представленного исследования. Важно указать, что представленная периодизация эмиграции татар во многом основана на уйгурском источнике «**تاتارلارنىڭ قىشقە تارىخى**» [Краткая история

<sup>213</sup>Госманов М. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 19–20 Б.

<sup>214</sup>Шкунов В. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6 Формирование татарской нации XIX – нач. XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С.329.

татар]<sup>215</sup>, исследованиях татарского ученого, академика, уроженца города Кульджа М. Усманова<sup>216</sup> и воспоминаниях эмигрантов.

Итак, **первый период** эмиграции татар берет свое начало с 30-х гг. XIX в. и завершается в 1917 г. Рассмотрим период по волнам:

*Первая волна эмигрантов* наблюдается в начале XIX в. Такое раннее переселение татар доказывается лишь одним вещественным источником, а именно надгробной плитой, которая была найдена представителями татарской диаспоры на территории татарского кладбища в городе Кульджа. Год захоронения, зафиксированный на этой плите – 1830 г. Предполагается, что число татар в начале XIX в. было незначительным, а надгробные камни и вовсе могли не ставить, тем самым до наших дней не дошло ни одного вещественного источника, кроме упомянутой надгробной плиты<sup>217</sup>.

Следует отметить, что в это время в Синьцзян мигрировали в основном одинокие молодые люди, которые хотели уклониться от воинской службы<sup>218</sup>, также сюда переехали крестьяне, которые были не согласны с национальной политикой Российского государства. О причине миграции татар М. Усманов писал, что в имперской России татары были лишены национальных, религиозных и некоторых экономических привилегий. Однако обязательная воинская обязанность, т.е. до 25 лет солдатской службы<sup>219</sup>, повал леса, строительство городов, а также другие подобные обязательные работы подталкивали людей сменить место проживания.

Они селились сначала на Урале и в Сибири, «бежали в казахские степи, где записывались казахами [...]»<sup>220</sup>. Опасаясь быть пойманными в казахских степях, татары уходили еще дальше – в Китай, где и обосновывались.

<sup>215</sup> تاتارلارنىڭ قىسىچە تارىخى. 1988.

[Краткая история татар. 1988.]

<sup>216</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 206 с.

<sup>217</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Саттаровым Х.: [рукопись]. 2017 г.

<sup>218</sup> ГА РТ. Ф. 5086, Оп. 1, Д. 222, Л. 8.

<sup>219</sup> ГА РТ. Ф. 5086, Оп. 1, Д. 222, Л. 8.

<sup>220</sup> Там же. С. 25–26.

Как пишут авторы исследования «تاتارلارنىڭ قىسىچە تارىخى» («Краткая история татар»), одним из первых в Синьцзян приехал некий Исмагил, который в 1830 г., спасаясь от воинской повинности, обосновался в Алтайской области – в Балбагае. Кроме него в этот регион из Казани и Уфы прибыли еще несколько юношей – Бахаветдин, Шараф и Хисаметдин. Обосновавшись на новом месте, молодые люди приступили к просветительской деятельности среди местных казахов. Казахи татарских учителей называли ногаями, а место, где они проживали стали называть «Ногай<sup>221</sup> авылы» – «Ногайская деревня»<sup>222</sup>.

После смерти Исмагила в 1885 г., казахи высекли на его надгробной плите следующие слова: «Исмагыйл Ногай мәетлеге» – «Могила Ногай Исмагила»<sup>223</sup>.

Кроме перечисленных выше причин имели место другие, в большей степени случайные, события, которые привели к обоснованию татарских семей в этом регионе. Вспоминая об истории переселения своих родителей, представительница татарской диаспоры Диляфруз Рамова отметила, что купцы Салимовы еще в 1800-е г. переселились из казанских краев в Лепсы, что «в современном Талдыкорганском районе [...]. В Китай её семья попала практически случайно, вместе с семьей своей подруги мама Диляфруз Рамовой уехала в Кульджу. Потом переселились и ее родители, они приехали в Кульджу через год, произошло это в 1830-е г.<sup>224</sup>. «Правда, доверчивых дедушку и бабушку, – вспоминала Д. Рамова, – до нитки обобразал проводник, забрав у них золотые украшения и вещи.

Интересна и история переезда в Кульджу другого моего деда – Салимгарая. В 1910 г. он приехал из Казани в Кульджу с семьей, чтобы погостить у своей сестры, да так и остался тут»<sup>225</sup>. Из представленной цитаты следует, что у некоторых эмигрантов не было веских причин к переезду, их переселение во многом вызывалось случайным стечением обстоятельств.

<sup>221</sup> В Средней Азии поволжских татар называли ногаями.

<sup>222</sup> تاتارلارنىڭ قىسىچە تارىخى. 1988. س. 16.

[Краткая история татар. 1988. С. 16.]

<sup>223</sup> تاتارلارنىڭ قىسىچە تارىخى. 1988. س. 17.

[Краткая история татар. 1988. С. 17.]

<sup>224</sup> 1830 год (прим. Г. Х.).

<sup>225</sup> Рамова Д. Мои корни // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 59–60.

Однако переселение первой группы татар не было случайным явлением, оно было вызвано политическими и социально-экономическими причинами, которые заставляло искать убежища среди родственных народов.

Нужно отметить, что первая волна отличается своей малочисленностью. Основной поток переселенцев приходится на вторую волну эмиграции.

*Вторая волна эмиграции* началась с 1851 г. Подписанный в этот год Кульдинский договор открыл для русских торговцев города Кульджа и Чугучак, а также дал России право назначать туда консулов и создавать свои торговые фактории (ст. 2). Кроме того, «торговля, как с русской, так и с китайской стороны, была объявлена беспошлинной (ст. 3), но должна была носить только меновой характер (ст. 12). Кульдинский договор установил непосредственные русско-китайские сношения (по пограничным и прочим делам) через русского генерал-губернатора Западной Сибири и Главное маньчжуро-китайское управление Или (ст. 16)»<sup>226</sup>. Договор открывал огромные возможности для татарских купцов, которые с целью торговой деятельности сначала переезжали в приграничные районы, например в Семипалатинск, являвшийся местом дислокации торговых контактов с Западным Китаем, и который благодаря успешной торговой деятельности купцов быстро разрастался и помогал татарским купцам внедряться в торговые отношения.

Говоря об эмиграции татарских купцов в этот регион, выдающийся ученый, тюрколог В.В. Радлов, который 1862 г. путешествовал по Сибири, Казахстану и Средней Азии, писал: «Местные татары ведут в основном эту торговлю (т.е. торговлю с Киргизской степью и Западным Китаем – Г. Х.). Они переселились сюда из Восточной России. За последнее время татарское население Семипалатинска намного увеличилось. [...] Сергиополь. Население составляют чиновники, казаки и татары. [...] Жители татарского города занимаются только торговлей (город состоял из трех частей одна из его частей — татарский город. Г. Х.). Среди русского населения есть только один купец. [...] Копал. И тут основной контингент купцов составляют татары. Лишь немногие из здешних татар — купцы

<sup>226</sup>Дипломатический словарь. Том I. М., 1948. С. 846.

из Семипалатинска. Местные купцы посредничают в торговле между Семипалатинском и Кульджой, торгуют и в киргизских аулах. Из Кульджи они привозят чай и фарфор, у киргизов покупают скот и шкуры. В Китай местные купцы возят русские товары, а киргизам чаще всего – среднеазиатские. Европейские товары для жителей Копала и необходимые продукты и колониальные товары привозят сюда в основном только русские купцы»<sup>227</sup>. Обосновавшись на территории Семипалатинска и близлежащих городов, татарские купцы проникают и на рынки Китая.

Доказательством тому, что первые эмигранты были купцами, служат воспоминания переселенцев. В частности, З. Рафикова пишет:

«Моя мама, Фаузия Вафа кызы Рафикова, в девичестве Даутова, родилась в семье первых татарских переселенцев, переселившихся в Китай в 70–80-х гг. XIX в. Наш дедушка Вафа Даут, отпрыск знаменитых уральских промышленников Яушевых, уроженец г. Троицка. В 13 лет вместе с купцами приехал в Кульджу. [...]»<sup>228</sup>.

Назия Габитова, вспоминая историю переезда своих предков, отмечала, что ее дед, Шарафетдин хаджи Габитов, приблизительно 1825 г. рождения, был одним из богатых купцов Казани. В середине XIX в. по торговым делам он вместе с семьей переехал в Кульджу, где и обосновался<sup>229</sup>.

Рифкат Мухамедрахимов рассказывает, что его родственники со стороны матери – купцы, которые по торговым делам сначала переехали в Семипалатинск, а затем в Синьцзян. Из Китая в Россию они вывозили чай, из России в Китай пушнину<sup>230</sup>.

Предки Ваккаса Мамединова переехали в Кульджу, спасаясь от солдатчины. Его прадед отдал всех своих старших сыновей в солдаты. Когда пришло время

<sup>227</sup> Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 73, 75, 79–80.

<sup>228</sup> Рафикова З. О маме и бабушке// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 93.

<sup>229</sup> Габитова Н. О моих предках// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 96.

<sup>230</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Мухамедрахимовым Р.Ж.: [аудиоматериал]. 2021 г.

младшего сына, он решил его спасти, передав парня караванщикам из Синьцзяна. С этого момента дед Ваккаса стал батраком уйгурского купца, но знание русского, татарского и других тюркских языков сделало его незаменимым для этого купца работником<sup>231</sup>.

В 1864–1866 гг. в Кульдже вспыхнуло уйгуро-дунганское восстание, в результате которого в 1871–1881 гг. весь Илийский край был занят российскими войсками. С подписанием в 1881 г. Петербургского договора «западная часть Илийского края закреплялась за Россией (ст. I и VII). На остальной территории этого края, была восстановлена власть китайского императора. Правительство Китая, по настоянию русских дипломатов, обязалось принять «соответствующие меры» к ограждению жителей, участвовавших в восстании, «от личной и имущественной ответственности» (ст. II). Населению предоставлялось право «остаться в нынешних местах жительства в китайском подданстве» или «выселиться в пределы России и принять российское подданство» («после этого многие илийские уйгуры (около 45 тыс. человек) и дунгане (около 4,6 тыс.) переселились в российские владения (нынешний юго-восточный Казахстан и северная Киргизия»<sup>232</sup>). Опрос населения должен был состояться «до восстановления китайской власти в Илийском крае» (ст. III). Китайским властям предстояло выплатить России 9 млн рублей для покрытия расходов по оккупации реки Или и удовлетворения исков русских подданных, чьи имущественные и прочие интересы пострадали в период восстания, произошедшего в Западном Китае (ст. VI). Петербургский договор подтверждал все права и привилегии России и её подданных в Западном Китае и Монголии, которые были зафиксированы в прежних договорах и соглашениях (Кульджинский договор 1851 г. и Пекинские договоры 1860 г.). Была значительно расширена сфера русской торговой и предпринимательской деятельности «в застенных владениях Китая». Согласно договору Россия получила право учреждать свои консульства в городах

<sup>231</sup>Маметдинов В. Я сын своих родителей// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 146.

<sup>232</sup> Кульджа. Режим доступа: [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Кульджа>]. (дата обращения: 15.12.2017).

Сучжоу и Турфана, а также «по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством» – в городах Кобдо, Улясугае, Хами, Урумчи и Гучене (ст. X). Для русской беспошлинной (впредь до установления таможенного тарифа) торговли был открыт город Сучжоу (ст. XIV). Это позволило России значительно расширить свое политическое и экономическое влияние во внутренних районах северо-западных областей Китая. На территориях вновь образуемых консульских округов русские купцы и предприниматели получали право приобретать в собственность недвижимое имущество и возводить всевозможные постройки (ст. XIII). Право беспошлинной торговли было распространено и на Монголию (ст. XII). Статья XVIII закрепляла право подданных обеих империй плавать на своих судах по рекам Амур, Сунгари и Уссури и торговать в расположенных по их бассейнам местностях»<sup>233</sup>.

Таким образом, подписание Петербургского договора улучшило условия торговли между российской и китайской территориями, а также усилило поток российских купцов в Синьцзян, что, в свою очередь, способствовало к установлению господствующего положения Российского государства в этом регионе.

Причиной второй волны эмиграции была политическая обстановка, которая способствовала усилению торговой деятельности, тем самым влияла на процесс переселения татар.

*Третья волна* (1905–1917 гг.) берет начало с первой буржуазной революции в России, после которой в Китай стали стекаться выдающиеся деятели татарского народа, представители интеллигенции, деловых кругов и разных сфер хозяйственной жизни<sup>234</sup>. А те переселенцы, которые обосновались в Казахстане и Центральной Азии, были вынуждены переехать в Синьцзян в связи с началом Первой мировой войны. Об этих событиях историк М. Ерзин пишет, что «изданный царским правительством указ о привлечении казахов к тыловым

<sup>233</sup>Дипломатический словарь. Том I. М., 1948. С .378 – 379; Галенович Ю. М. Россия-Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003. С. 59–78.

<sup>234</sup>Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С.208.

работам, вызвал бурное возмущение и многочисленные восстания. Мирно настроенные люди стали покидать родные места, перебирались в Китай»<sup>235</sup>.

Представитель татарской диаспоры Синьцзяна Сагит Садри вспоминал: «Мой дед Садретдин вместе со своей семьей покинул деревню после того, как её подожгли. Сначала они уехали в Алматы, а уже оттуда отправились в пограничный город Яркенд, там и обосновались. По имеющимся сведениям, в то время в Яркенде проживало примерно 30 татарских семей, большую часть татарских жителей составляли купцы.

Дед был честным, добрым и смелым человеком, как и мой отец, – говорит С. Садри. – Поскольку члены моей семьи все еще были гражданами России, моего отца Салиха должны были призвать в армию на долгий срок. Отец нанял адвокатов и откупился от солдатской службы, за это он отдал 240 быков. Поняв, что откупиться так просто ему не удастся, он нанял проводника, отправил в Кульджу свое имущество, а затем и сам перешёл русско-китайскую границу. К 1910 г. мой отец и его брат Галиахмет Садри обосновались в городе Кульджа»<sup>236</sup>.

В Синьцзян переезжали и молодые люди, брак которых не устраивал родителей. Так, Фаузия Биришева-Каримова, вспоминая о своих родителях, пишет, что ее отец Сайфулла Биришев, сын известного татарского купца в Акмоле – Садыка Биришева, ездил в Павлодар по торговым делам, где познакомился с русской девушкой Марией. Молодые люди полюбили друг друга и убежали в китайский город Чугучак (примерно в 1903–1905-е гг.)<sup>237</sup>.

Особенностью третьей волны эмиграции было то, что вместе с купцами, молодыми людьми, уклонившимися от службы в армии, крестьянами, скотоводами и ремесленниками в Синьцзян переезжали и представители интеллигенции. В ходе эмиграции в Северо-Западный Китай проникают татарские газеты и журналы, книги, идеи борьбы за свободу и национальное самосознание. Вслед за этим в регионе получает распространение новая идеология – джадидизм.

<sup>235</sup>Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С.208. 241.

<sup>236</sup>Садри С. Татар башы ниләр күрми...: Очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Б. 10.

<sup>237</sup>Биришева-Каримова Ф. Сестра милосердия// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 105.

Приехавшие в этот период татары обосновывались не только в Кульдже и Чугучаке, а расселялись по всей территории Синьцзяна. Молодые энергичные интеллекуалы, которые прибывали в отдаленные регионы Северо-Западного Китая, считали своим долгом начать просветительскую деятельность не только среди своих соотечественников, но и среди местного населения.

Прибывшие сюда крестьяне, скотоводы расселялись в основном в таких районах, как Нылкы, Тугыз Тарау, Алтай, Кульджа и т.д.<sup>238</sup>

В целом, как отмечает М. Усманов, переехавшие до 1917 г. эмигранты считали себя полноправными гражданами России. Далее приводится доказательство вышесказанного:

«Председателю Государственной Думы Родзянко, Председателю Мусульманской фракции Тевкелеву.

Получив известие о перемене правительства дорогой нам родины, мы, русские мусульмане, волею судьбы (заброшенные) в далекий Китай, были безгранично обрадованы. Веря отныне в светлую будущность дорогого Отечества, спешим выразить свою готовность пожертвовать всем, что имеем, для блага родины и молим Всевышнего благословить столь великое начинание избранников народа, истинных сынов матушки России и борцов за ее светлое будущее и свободы ее сынов.

Уполномоченные: имам Фатхутдинов, Касымджон Юлдашев, Низамутдин Фаткуллин, Ситдик Ювашев, Кенесбай Ушбетбаев»<sup>239</sup>.

**Второй период** эмиграции охватывает 1917–1930-е гг., он в свою очередь делится на две большие волны:

*Первая волна 1917–1921 гг.*

Революционные события 1917 г. и Гражданская война стали причиной серьезных миграционных процессов. В ходе всех этих событий в Синьцзян стекается огромное количество солдат и военачальников.

<sup>238</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 36.

<sup>239</sup> Цит. по: Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 38.

Л. Садри вспоминала, что к 1923 г. в Кульдже было много эмигрантов. Основную их часть составляли осколки армии Дутова, многие офицеры бежали с женами и детьми. Среди них были и те, кто не имел отношения к белой армии, они тоже бежали с детьми. Были и интеллигенты. Были татары-офицеры и солдаты. «Многие приезжие уезжали в Европу через Индию, выезжая из Кашгара. Некоторые уходили вглубь Китая, а оттуда уезжали в Америку или в другую страну. Конечно, были и те, кто обосновывался в Кульдже. Местные татары оказывали большую помощь новым приезжим»<sup>240</sup>.

Многие жители Российского государства, особенно те, кто жили вблизи границ, стремились на время покинуть свои дома и переходили границу чужого государства, чтобы переждать, пока всё утихнет<sup>241</sup>. Боязнь подвергнуться грабежу и насилию вынуждала людей к временному переезду в другую страну. Переезд в Синьцзян назвать полноценной эмиграцией вряд ли уместно, поскольку многие из этих переселенцев считали, что они будут находиться здесь лишь до наступления «лучших времен».

Обратимся к воспоминаниям Галии Файзуллиной: «В середине XIX в. шестеро братьев – крестьяне из деревни Талкыш-аул Приказанья, уехали из родных краев. Ими руководило стремление сохранить свои семьи, они спасались от долгой службы в царской армии. Они обосновались в Казахстане в селе Лепсинск. [...] Перипетии гражданской войны не обошли стороной и это село. Лепсинск попеременно находился то в руках белых, то в руках красных. Талант лидера проявился и в моем деде Габите – его назначили комиссаром одного из отрядов красных. Но однажды мой дед стал свидетелем неоправданных жестокостей со стороны красных. На митинге Габит выступил с трибуны против гибели невинных людей. Его хотели арестовать, но друзья спрятали его под этой

<sup>240</sup> Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. Б. 12.

<sup>241</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 39.

самой трибуной – бочкой, а преследователей обманули. Этой же ночью он бежал в Китай»<sup>242</sup>.

Но была и вторая группа эмигрантов – сторонники белогвардейцев, и их переезд в Северо-Западный Китай правомерно считать «белой эмиграцией». Проиграв битву с Красной Армией, белогвардейцы бежали из страны в большом количестве. Вместе с ними бежали из страны и их семьи. Именно в этот период в таких городах, как Чугучак, Алтай и Кульджа, количество русского населения увеличилось в несколько раз. Среди них были «и татарские офицеры, солдаты. [...] Переехавшие в Чугучак и Кульджу белогвардейцы через 3-4 года полностью растворились и перестали быть военной силой. Отделившись от политики, они занялись сельским хозяйством и разными ремеслами ...»<sup>243</sup>

Информант рассказывает: «Мой отец был в армии Дутова. В период отступления их армия дошла до границы Китая, затем в ходе переговоров с Китаем им разрешили пересечь границу и остаться там на несколько месяцев. Состав армии был многонациональным, были и русские, и татары, и башкиры, казахи и т.д. После смерти атамана солдаты расселились по разные стороны. Некоторые ушли в казахские степи, кто-то остался в Китае и т.д. Отец остался в Китае»<sup>244</sup>.

Отметим, что в этот период численность татар, эмигрировавших в Синьцзян, была весьма незначительной, основной поток эмигрантов составляли русские белогвардейцы.

### *Вторая волна 1922–1930 гг.*

В этот период произошли трагические события, которые вынуждали людей бежать за границу.

Страшный голод 1921–1922 гг. был главной причиной переезда из России в другую страну. Голодные, обездоленные люди толпами переходили границу,

<sup>242</sup> Файзуллина Г. Посеешь поступок// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 129.

<sup>243</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 37.

<sup>244</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с представителем татарской диаспоры г.Алматы, Казахстан.: [аудиоматериал]. 2023 г.

надеясь убежать от голодной смерти. Видя такую картину, многие жители Синьцзяна старались всеми силами помочь новым мигрантам обосноваться.

Из воспоминаний Галии Файзуллиной: «Габит (дед Галии – прим. Г. Х.) со своими работниками подготовил жилище и привозил обездоленных, голодных людей, кормил и содержал их. Он обратился к некоторым состоятельным людям с просьбой, чтобы они приняли в этом участие, но поддержки не получил. Но Габит не отпустил руки, взял у друга-китайца под проценты скот и зерно. Сам изготовил три огромных казана, их установили во дворе мечети, готовили пищу брат и племянник Габита, другие люди помогали им. Кормили всех, кто обращался: и русских беглецов, и казахов и т. д. Восхитившись бескорыстием Габита, китаец простил ему долг, а впоследствии помог Габиту встать на ноги. Они стали добрыми торговыми партнерами.

Неделю Габит кормил всех приходивших. Вдохновленные его примером, другие состоятельные люди присоединились к его доброму начинанию и по очереди (каждый по неделе) до весны содержали эту «общественную благотворительную столовую». Надо отметить, что местных не принимали, поскольку считали, что они находятся в более выигрышном положении: они у себя дома и могут продержаться до лучших времен. С первым теплом, «общественная столовая» была свернута»<sup>245</sup>.

Кроме спасавшихся от голода, в это время среди переселенцев были и те, кто опасался репрессий на родине из-за своего происхождения, например, мусульманские священнослужители. Члены их семей не могли поступить в школу, на рабфак, в институты, их не брали на работу, что во многом усложняло их жизнь на территории своего государства. Таким был и Гариф Сиражетдин, который переехал в Синьцзян в 1931 г. из Яркенда. Причиной переезда было то, что ему «не давали прохода» из-за того, что его отец был муллой. Вместе со своим другом Вали Тынчевым он поступил в сельхозтехникум в Казани, скрыв свое происхождение. Когда он учился на четвертом курсе, кто-то донес на него, и

---

<sup>245</sup>Файзуллина Г. Посеешь поступок // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 130.

его исключили из учебного заведения<sup>246</sup>. Опасаясь репрессий из-за своего происхождения, Гариф Сиражетдин был вынужден уехать в Синьцзян.

Немало людей переходили границу и в голодные 1930-е г. Переселившийся в эти годы вместе со своей семьей писатель Х. Тухфи писал: «Когда мы покинули нашу землю, приходилось проходить через многие казахские деревни. Открытые двери домов, повсюду валяющиеся не сконченные тела видели часто (...) Я только потом узнал, что в тот год только в Казахстане умерло более миллиона человек (...)»<sup>247</sup>.

Перейдя целыми и невредимыми границу, люди шли к своим родственникам, знакомым, землякам. «В первое время казахи оказывали знакомым русским большую помощь, голодных татар к себе брали уйгуры, татары помогали казахам. Изголодавшимся людям в первое время давали еду небольшими порциями. В этой группе эмигрантов были и те, кто начал свою жизнь с попрошайничества»<sup>248</sup>.

Альфия Ахметшина в своем рассказе о жизни в Чугучаке упомянула и о голоде в 1932–1933 гг. По её словам, в те годы в Чугучак казахи прибывали сотнями. Улицы были заполнены беженцами. «Возле нашего дома остановилась одна женщина с тремя детьми. Двое были уже более-менее большие, третий сидел у женщины на руках. Бабушка вышла спросить, что нужно из еды. Но казашка сказала, что ничего не надо, только пусть заберет дочь. Бабушка отказалась, но женщина вся расплаканная настояла, чтобы бабушка забрала девочку, иначе она продаст её китайцам. Нам ничего не оставалось, как забрать эту девочку к себе. Звала я ее «Колэй» апа, жили мы очень дружно и весело»<sup>249</sup>.

Кроме этих событий были и другие причины переезда. Вспоминая историю переезда своих предков, Рабин Сафаргалиев написал следующие строки: «По

<sup>246</sup> Сиражи М. Моя жизнь// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 68.

<sup>247</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлықлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 43.

<sup>248</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлықлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 43.

<sup>249</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Ахметшиной А.Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.

семейным преданиям, мои предки, спасаясь от принудительного крещения татар, были вынуждены покинуть родные места на территории современного Татарстана и обосновались в Сибири. Во второй половине XIX в. мои братья Хисаметдин и Сайфетдин Сафаргалиевы переехали из города Тары Тюменской губернии в город Яркенд. Оба были священнослужителями.

С началом коллективизации Сайфетдина раскулачили (он был купцом. – Г.Х.), конфисковали дом и все имущество, а самого сослали в Сибирь. По дороге в ссылку он бежал и, передвигаясь только по ночам, перебрался за границу – в Китай»<sup>250</sup>.

По некоторым данным в 1930-е гг. Синьцзяне в общей сложности было около 20 000 татар<sup>251</sup>.

После завершения последней волны эмиграция татар в Китай приостанавливается в связи с политическими событиями внутри Советского государства.

В заключение данного параграфа можно сказать, что переселение татар было сложным явлением. Переселенцев, заложивших основу формирования татарской общины, можно разделить на две условные группы: купцы и представители других сословий, причиной переезда которых была не только торговля, но и более глубокие и трагические обстоятельства, а именно революции 1905, 1917 гг., Гражданская война, голод, индустриализация, насилиственная коллективизация сельского хозяйства, которые способствовали активной миграции населения, т.е. миграция была вызвана политическими и социально-экономическими причинами.

Татарская диаспора Северо-Западного Китая формировалась за счет переселения людей из разных районов исторической родины, главным образом из Поволжья и Приуралья. В результате переселенческого процесса татары оказались в совершенно другой социально-политической и географической среде,

---

<sup>250</sup> Сафаргалиев Р. Я из Восточного Туркестана// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 137.

<sup>251</sup> ГА РТ. Ф. Р.5086, Оп. 1, Д. 222, Л. 7.

отличающейся от привычной. В большинстве своем они поселились в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах, а также в городах Кульджа, Чугучак, Урумчи, Алтай-Бурчум. Татары проживали совместно с уйгурами, казахами и другими родственными народами. В целом формирование населения региона длилось более ста лет. Лишь к середине XX в. переселение татар на территорию Синьцзяна в основном было завершено. Следует заметить, что в разные периоды переселенческого процесса татары селились в основном в крупных городах Синьцзяна, которые населяли интеллигенты, ремесленники, торговцы, крестьяне и др. Для большей наглядности представим периодизацию переселения татар в таблице № 5.

Таблица № 5 – Периодизация эмиграции татар в Северо-Западный Китай

Периоды	Волны эмиграции	Сословный состав переселенцев	Причины переселения	Где оседали
I период (начало XIX в. – 1917 г.)	первая волна (начало XIX в.)	крестьяне	долгий срок службы в армии, голод, малоземелье	Кульджа
	вторая волна (с 1851 г.)	купцы	возможность осуществлять торговую деятельность	Семипалатинск, Сергиополь, Копал, затем Китай
	третья волна (1905 – 1917 гг.)	интеллигенция, представители деловых кругов	революционные события	Яркенд, Кульджа, Чугучак, Нылкы, Тугыз Тераз, Алтай
II период (1917 – 1930-е гг.)	первая волна (1917 – 1921 гг.)	беглые солдаты офицеры; жители приграничных российских территорий; сторонники белогвардейцев	революционные события	Кульджа, Чугучак, Алтай.

## Продолжение таблицы №5

вторая волна (1922 – 1930 гг.)	русские, казахи – дети священнослужителей	голод 1921–1922 гг.; опасение репрессий; раскулачивание, коллективизация	Кульджа, Чугучак, Урумчи
--------------------------------	---	--	--------------------------

## § 1.3. Особенности репатриации татар

## из Синьцзян-Уйгурского автономного района в СССР в 1950 – 1960-е гг.

Репатриация советских граждан началась в 1954 г. и завершилась в 1963 г. Идея переселения советских граждан обратно на родину исходила от китайского правительства и была поддержана Советским Союзом. Новообразованная Китайская Народная Республика для нормализации советско-китайских отношений считала необходимым проведение массовой репатриации русскоязычного населения, так как постоянное проживание значительного количества иностранцев на территории страны воспринималось в определенной степени как символ российской колониальной политики. 14 февраля 1950 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, в рамках которого и были сформированы соглашения, заложившие основания для репатриации, но сам процесс реализации договоренностей начался позже, в 1953 г. Нормализация советско-китайских отношений приилась на начало «оттепели» и либерализации советской внешней политики<sup>252</sup>.

Идея репатриации эмигрантов обратно на родину была актуальна для Советского Союза, так как планировалась крупномасштабная кампания освоения целинных и залежных земель, для которой были необходимы человеческие ресурсы. «Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве Казахстана составлял

<sup>252</sup> Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.70.

более 500 тыс. человек трудоспособных. Пополнение многоземельных совхозов и колхозов республики рабочей силой предполагалось осуществить путем переселения из густо населенных районов страны (Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва). Также одним из источников пополнения рабочей силой являлось принятие советских граждан, репатриированных из КНР»<sup>253</sup>.

Переселялись практически все советские граждане разных этнических групп, жившие в основном в двух приграничных районах Китая – Синьцзян и Маньчжурия. Репатриация советских граждан вылилась в массовую миграцию местного населения Синьцзяна (русских, татар, казахов, уйгур и др.) в Казахскую ССР. Основные этапы переселения: а) плановая и согласованная с китайскими властями репатриация в 1954–1962 гг.; б) завершающий этап репатриации в 1962–1963 гг., когда было организовано переселение оставшихся в провинции советских граждан и их родственников<sup>254</sup>.

Со стороны Китая в одностороннем порядке периодически приостанавливался процесс репатриации, но дипломатические договоренности и согласие между двумя государствами возобновляли его. Население Синьцзяна демонстрировало недовольство закрытием границ, так как во многих случаях были разделены семьи, поэтому процесс репатриации разделился на несколько этапов.

Переезд в СССР был массовым. Тех, кого не обрадовала перспектива коммунистической жизни, рассматривали выезд в капиталистические страны.

Люди покидали Синьцзян не только по соглашению двух государств, но и по другим причинам:

1) Политическая нестабильность в Китае. Революция 1944 г. накладывает огромный отпечаток на жизнь населения. После революции в Синьцзяне начинается активный процесс китайизации региона. Разворачиваются политические кампании по раскулачиванию местных зажиточных крестьян.

<sup>253</sup> Атантасова Б.Ж. Казахстанско-китайские межгосударственные миграции в середине XIX – начале XXI вв.: автореф...дис. доктора ист. наук. Алматы, 2008. С. 32.

<sup>254</sup> Камалов А.К. Миграция 1950–1970 гг. из Китая в Казахстан: факторы и основные этапы // Отан тарихы. 2021. № 3 (95). С. 144–152.

Жазира Бурханова вспоминает: «Весной 1950 г. на грузовиках стали прибывать китайские солдаты, а за ними – китайское население. С осени 1950 г. были развернуты различные политические кампании – «подавление банд», «против трех», «против пяти», «реформа земли» и т.д. Школьников привлекали к тяжелому физическому труду, в том числе к выплавке металла. Начали вручную копать канал в Кульдже, к этой работе также привлекли школьников и молодежь. Холодной осенью мы работали на пределе сил, а нам говорили: «Пусть люди умирают, зато будет закончен канал»»<sup>255</sup>.

М. Усманов пишет: «тревожным для нас было то, что в регионе была начата новая мощная политика китаизации региона. Это многих и заставило задуматься»<sup>256</sup>.

Естественно, что все нововведения, реформы Китайского правительства коснулись каждой нации, каждой семьи. Очевидца тех событий, Альфия Ахметшина вспоминает: «1953 г. моего деда Хасанжана раскулачили, конфисковали всё, что он нажил непосильным трудом, оставили только одну лошадь с телегой и одну корову. Вскоре он умер от сердечного приступа. [...] Как-то наш дядя Жаудат Мухамметрахимов (примерно с 1946 по 1954 гг. был мэром города Чугучак)<sup>257</sup> пришел к нам в гости и говорил с отцом о том, что нужно уезжать в СССР, пока зовут, и пока китайцы не начали свои притеснения с новой силой»<sup>258</sup>.

Фарид Хуснутдинов рассказывает, что «причина переезда из Китая была в притеснении со стороны китайцев-коммунистов. Боясь, что притеснения будут еще сильнее, наша семья в 1954–1956 гг. переехала в СССР»<sup>259</sup>.

<sup>255</sup> Бурханова Ж. Воспоминания и размышления//Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.20.

<sup>256</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Тат. кит. нәшр.,1996. Б.187.

<sup>257</sup> По утверждению Ахметшиной А.Х. и родственников Мухамедрахимова Ж.

<sup>258</sup>Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Ахметшиной А.Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>259</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Анкетные данные Хуснутдинова Ф.Ш. 2023 г.

Предпосылки китайской «культурной революции», новые политические реформы и боязнь преследований со стороны китайского правительства вынуждают эмигрантов уезжать из страны.

2) Призыв СССР (через консулов) к возвращению всех бывших граждан Советского Союза. Описанная в ярких красках будущая жизнь в Советском Союзе представлялась раем для репатриантов.

В 1950-е г. на территории Синьцзяна открываются дополнительные советские консульства, это было обусловлено началом репатриации эмигрантского населения Синьцзяна. К 1955 г. на территории СУАР КНР насчитывалось 5 советских консульств: в Кульдже (консул Б.А. Шеншин), в Кашгаре (консул А.А. Орлов), в Шара-Сумэ (консул В.И. Ковалеров), в Чугучаке (консул П.К. Романчук), в Урумчи (консул С.Н. Казанский).

Советскими консульствами организовывались собрания для агитации эмигрантов по возвращению в Советский Союз. Г. Летвинцев пишет: «Советский консул на собраниях и встречах рисовал дивные картины будущей жизни в Союзе. Возвращенцам гарантировались все права, бесплатное жилье, работа, учеба, материальная помощь. На жительство можно было выбрать любую область и любой город, кроме Москвы и Ленинграда»<sup>260</sup>.

Таким образом, эмигранты покидали Синьцзян по разным причинам.

После согласования государствами механизмов и сроков репатриации, весной 1953 г. начался процесс переселения эмигрантов. Первоначально численность и контингент эмигрантов отслеживался и определялся советскими консульствами, со стороны китайской власти был организован специальный комитет на территории компактного проживания будущих репатриантов. «В структуре таких комитетов действовало пять отделов: безопасности, иностранный, судопроизводственный, здравоохранения и торговли, – все они должны были обеспечить юридическую подготовку выезда репатриантов и скупку их имущества. Комитеты возглавляли заместители председателей городских

<sup>260</sup> Летвинцев Г. Воспоминания русского репатрианта. Режим доступа: [Русские эмигранты из Китая - Российская газета (rg.ru)]. (дата обращения: 20.10.2023).

народных правительства и начальники департаментов общественной безопасности. Центральный аппарат составляли инспекторы по репатриации, а на местах действовали передвижные бригады. При некоторых комитетах были открыты специальные курсы по подготовке административных работников, непосредственно отвечавших за репатриацию. В 1954 г. подобные комиссии по репатриации возникли в Урумчи, Кульдже, а спустя год – и в приграничных районах провинции»<sup>261</sup>.

В результате первого этапа переселения в 1954 г. большинство прибывших репатриантов были определены в районы Казахстана, где шло освоение целинных и залежных земель. «Совет Министров СССР в Постановлении от 13 апреля 1954 г. №751-329 разрешил въезд в СССР из КНР в июне-августе 1954 года семей советских граждан из числа изъявивших желание выехать в СССР в районы освоения целинных и залежных земель, с направлением их для работы и на постоянное жительство в совхозы, машино-тракторные станции (МТС) и колхозы. Колхозами и совхозами республики было принято 12 624 семьи советских граждан, репатриированных из КНР»<sup>262</sup>. Репатрианты обосновывались в основном в Павлодарской, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Карагандинской областях, общее количество репатриантов в этот год составило 2,5 тысяч семей<sup>263</sup> разных национальностей, из них 254 семьи татар<sup>264</sup>. По данным Н.Н. Аблажей, доля репатриантов из числа татар составляла лишь 5%, русских – 78%, казахов – 10%, уйгур – 4%. К 1955 г. доля татарского потока из Кульджинского округа практически не изменилась и составила 5,7%, тогда как казахи составили 43,5%, уйгуры – 25,2, а русские – 19,5%<sup>265</sup>.

Переезд эмигрантов проходил довольно слаженно. Специально созданные комиссии для рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР,

<sup>261</sup> Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.74.

<sup>262</sup> Атантаева Б.Ж. Казахстанско-китайские межгосударственные миграции в середине XIX – начале XXI вв.: автореф...дис. доктора ист. наук. Алматы, 2008. С. 32.

<sup>263</sup> Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.122.

<sup>264</sup> Там же. С.120.

<sup>265</sup> Там же. С.122.

можно сказать, автоматически записывали всех репатриантов в качестве советских граждан, выдавались справки, свидетельства о рождении подтверждающие, что их владельцы – «выходцы из СССР». В Урумчи комиссию возглавлял управляющий генконсульством И.Г. Евсеев, в Кульдже – консул Г.С. Добашен, в Чугучаке – И.К. Морозков<sup>266</sup>.

Для татарской диаспоры Кульджи получение справки было упрощено усилиями татарского муллы Кашфеласара. Благодаря предоставленной муллой метрической книге, советское консульство довольно быстро устанавливало гражданство татарам, выписывало справки и свидетельства о рождении. Вскоре после завершения репатриации метрическая книга была утеряна.

Воспоминания уроженцев Синьцзяна, ныне граждан Австралии и Республики Казахстан, по поводу выдачи паспортов и справок расходятся. Например, очевидца тех событий Л. Садри пишет: «По указу советского консула работа началась в Управлении советских граждан в городе Кульджа. Всем, кто хотел переехать в СССР, работники консульства подпольно продавали паспорта. По мере нарастания ущемления прав простых людей, острее становился процесс покупки советского паспорта. Желающих купить советский паспорт становилось из дня в день больше, отток населения был огромным. Вскоре от уехавших стали приходить письма: «Если решишься переехать, приезжай с отцом, его не оставляй, приезжай, не пожалеешь, будешь жить как *N* абзый», под *N* абзый значилось имя самого нищего в городе человека или использовались имена умерших родственников. Письмами такого содержания уехавшие в СССР предупреждали, чтобы никто в Союз не приезжал, однако люди, если даже и не хотели, все равно уезжали»<sup>267</sup>. Из этих воспоминаний следует, что, во-первых, искусственно создавался ажиотаж вокруг получения паспортов и справок, во-вторых, в конце концов людей насилием отправляли в СССР. Рассмотрим другую позицию. По воспоминаниям многих информантов из Алматы, практически у

<sup>266</sup> Гребенщикова И.В. Репатриация в СССР (организационные основы и нормативно-правовая база). Екатеринбург, 2008. С. 31.

<sup>267</sup> Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. Б. 38.

многих эмигрантов были советские паспорта, если документов не было, то консульство Советского Союза оперативно решало этот вопрос. Вопрос о том, писали ли репатрианты письма своим родственникам, остался открытым, так как многие информанты о наличии таких писем не знают. Тауфик Абдыкеев, уроженец города Кульджа, вспоминает: «примерно 1954 г. СССР объявляет о поднятии целины в Казахстане. В консульстве Кульджи нам сообщили, что СССР примет всех «бывших» граждан Советского Союза обратно, не проверяя их прошлую жизнь (белогвардейцы, купцы, священнослужители или их дети). Паспортов мы не покупали, они у нас были, все мы считались гражданами Советского Союза, которые живут за его пределами. В 1954 г. мы въехали в СССР. Выпустили нас по документу, которое выдало консульство СССР, подписанное Кульджинским дамуллой Кашфеласрапом. По его метрическим книгам выдавались свидетельства о рождении. Такой документ выдавали только нам – татарам, уроженцам города Кульджа»<sup>268</sup>.

В приложении 3 представлено свидетельство о рождении семьи Абдыкеевых. В свидетельстве указано, что выписка выполнена из книги имама татарской мечети, а также есть место подписи имама, печать и дата 7 июня 1954 г. Данный документ был переведен на русский язык в 1972 г., но у него есть и татарский вариант – оригинал. О том, как и при каких условиях было переведено свидетельство, неизвестно.

Галип Мухамедрахимов, уроженец города Чугучак, рассказывает: «Мы только родились на территории Китая, но не имели к нему отношения. Все мы были гражданами СССР. Новорожденным в советском консульстве давали свидетельство о рождении. Мы подчинялись советскому посольству. Поэтому проблем с переездом в СССР у нас не было»<sup>269</sup>.

Альмира Чанышева вспоминает, что «в 1963 г. мы выехали из Синьцзяна, но моя мама со старшей сестрой остались в Чугучаке, потому что каким-то

<sup>268</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Абдыкеевым Т.А.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>269</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Мухамедрахимовым Г.Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.

образом у моей старшей сестры оказались китайские документы, и она считалась гражданкой Китая. Вот для выправления всех документов мама осталась с ней в Чугучаке, через пару месяцев они тоже выехали, и наша семья воссоединилась». Естественно, кто не хотел уезжать и бросать свое нажитое имущество, остались в Китае. «Когда мы выезжали в 1962 г., у нас остались родственники в Китае. Остались они потому, что не хотели ехать в неизвестность и заново выстраивать свою жизнь. Наш отец тоже не хотел уезжать, но мама настояла, поэтому мы уехали практически последними»<sup>270</sup>. По некоторым данным в начале 1950-х гг. в Синьцзяне проживало около 6000 татар. К 1960 г. численность татарского населения значительно сократилась и составила 2000 человек<sup>271</sup>, но уже к 1982 г. татар в регионе было 4122 человек<sup>272</sup>.

В ходе репатриации в 1955 г. Советский Союз столкнулся с некоторыми трудностями, а именно с запретом на репатриацию казахов и уйгур, так как правительство КНР считало их коренным населением Синьцзяна. Помимо этого, правительством был издан указ о рассмотрении всех казахов и уйгур, рожденных на территории страны, гражданами Китая, что во многом усугубило ситуацию с нелегальным пересечением границы<sup>273</sup>. Для русских и татар не было никаких преград со стороны Китая. Консульства автоматически регистрировали их в качестве советских граждан, что касается казахов и уйгур, то консульство СССР так же восстанавливало их гражданство и, не смотря на сложную политическую обстановку и благодаря оперативной деятельности консульства, в СССР было репатриировано больше 13 тысяч казахов<sup>274</sup>.

<sup>270</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Каримовым Г.Ф.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>271</sup> تاتارلارنىڭ قىسىچە تارىخى. 1988. س. 1. [Краткая история татар. 1988. С. 1.]

<sup>272</sup> 第三次全国人口普查 [Третья перепись страны] Режим доступа: [<https://baike.baidu.com/item>]. (дата обращения: 20.11.2023).

<sup>273</sup> Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.77.

<sup>274</sup> Там же. С.79.

Первая волна репатриации граждан СССР из Синьцзяна продолжалась в течении нескольких лет (с 1955 по 1962 гг.). За этот промежуток времени из Китая в СССР на территорию Казахской ССР было переселено 22 695 семей<sup>275</sup>.

Путь эмигрантов обратно на родину был достаточно тяжелым процессом. При переходе границы проводились фильтрационные мероприятия. «Процедура фильтрации предполагала лишь заполнение специальной анкеты каждым взрослым членом семьи, однако впоследствии эта анкета становилась частью фильтрационного дела, которое заводилось в СССР на каждого прибывшего из-за границы и передавалось затем для хранения в архивные отделы региональных управлений КГБ»<sup>276</sup>. Предоставленные анкеты оставили печальный след в памяти репатриантов. Фарид Хуснутдинов рассказывает: «по воспоминаниям моего отца я могу сказать, что при пересечении границы моей бабушке сказали, указать все ценности в анкете. При этом бабушке объяснили, что это нужно для учета, и все ценности привезут по месту их размещения. Естественно, больше этих ценностей никто не видел»<sup>277</sup>. Репатриантов комплектовали по 10-15 семей, транспортировка до государственной границы и вывоз через заставу Хоргос проводились на грузовиках, а затем на эшелонах до конечной точки дислокации. В 1955 г. в связи с недостаточным количеством грузовых машин репатриантов начали транспортировать на баржах по реке Или<sup>278</sup>. М. Усманов в своих воспоминаниях пишет: «1955 г. нас перевозили на баржах по реке Или, по реке же мы и пересекли границу и прибыли в Восточный Казахстан в город Талды-Курган. На Илийской пристани репатриантов встречали председатели колхозов-совхозов Казахстана и Средней Азии... Первые полгода жили в совхозе Сары-Болак, позже переехали в поселок Кирово»<sup>279</sup>.

<sup>275</sup> Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.79

<sup>276</sup> Там же. С.101.

<sup>277</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Анкетные данные Хуснутдинова Ф.Ш. 2023 г.

<sup>278</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлықлар. Тат. кит. нәшр., 1996. Б.188.

<sup>279</sup> Там же. Б.189.

Репатриантов распределяли в организованные на целинных землях совхозы и колхозы, в среднем на один совхоз приходилось 36 семей, т.е. 180 человек<sup>280</sup>. Г. Летвинцев пишет: «На приграничной станции Отпор эшелоны встречали «покупатели» живой силы из целинных хозяйств Сибири и Казахстана. Они ходили по вагонам и выбирали работников покрепче и помоложе. Наш вагон в числе десяти прочих достался Глубокинскому совхозу Курганской области. После двух недель пути нас высадили на станции Шумиха и на разбитых грузовичках повезли в глухомань, куда и сейчас, спустя полвека, нелегко добраться из-за бездорожья»<sup>281</sup>.

Галиб Мухамедрахимов вспоминает: «при переезде СССР предоставил нам транспорт – грузовые машины, автобусы и т.д. Границу пересекли на грузовой машине, затем нас пересадили в товарные вагоны. Вагонов не хватало, поэтому посадили на товарняк, который возил уголь. Несколько недель нас везли до нового места жительства. И вот когда мы приехали, выходили из вагонов все черные от сажи. И мы через Аягуз в сторону Семипалатинска прибыли в Павлодарскую область в совхоз им. Калинина. Точно помню, нас было 14 семей. По приезду родителям дали материалы для постройки дома, за это им платили зарплату. Построили 12 бараков. Осенью мы заселились. Очень много людей переселились в другие области Казахстана, так как многим не подходил климат. В регионе, где мы жили было очень тяжело: зимой сильные вынуждения, температура воздуха падала до -45°, летом куча мошек, комаров»<sup>282</sup>.

А. Ахметшина рассказывает: «наш дядя Ж. Мухамедрахимов настоял уехать из Китая. Собрал семьи всех своих родственников, друзей (всего нас собралось 14 татарских семей), и 2 мая 1955 г. мы пересекли границу. Сначала нас везли на машинах, потом посадили в товарные вагоны. Прибыв на станцию Аягуз, мы 10 дней жили в этих вагонах. Оказалось, что мы ждали другую

<sup>280</sup> Цит. по: Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.100.

<sup>281</sup> Летвинцев Г. Воспоминания русского репатрианта. Режим доступа: [Русские эмигранты из Китая - Российская газета (rg.ru)]. (дата обращения: 20.10.2023).

<sup>282</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Мухамедрахимовым Г.Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.

партию репатриантов, 10 семей. Их вагоны прицепили к нашему эшелону, и мы вновь тронулись. Неделями ехал наш поезд, через Барнаул мы прибыли в Павлодарскую область. На станции нас встречали председатели совхозов, но и тут наш дядя подсуетился и нашел председателя-татарина Ишкенова Шавката. Он помог построить дома. Помню, что мы хорошо, дружно жили. Наш дядя с семьей переехал в Алма-Ату, а наша семья осталась еще на одну зиму в совхозе. Климат региона не всем подходил, поэтому многие переезжали»<sup>283</sup>.

«Я приехала в 1955 г. в Семипалатинскую область, – рассказывает другой информант. В совхозе открыли медицинский пункт, там я работала фельдшером. Работать было очень тяжело. В 1959 г. решила переехать в Семей, совхоз Михайловск. В совхозе было несколько ферм. Расстояние между ними 20–25 км, ездили на лошадях, на верблюдах. Работала круглосуточно. Помимо того, что работа была без выходных, климат был просто ужасный»<sup>284</sup>.

В 1955 г. с апреля по июнь со станции Аягуз было организовано 20 отправок репатриантов, в каждой партии 20 эшелонов, количество репатриантов варьировалось от 50 до 130 семей. Области назначения – Актюбинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская, Семипалатинская. Итого, если учитывать только 1955 г., численность татарского населения, прибывшего в совхозы Казахской ССР, составляла 802 человека.<sup>285</sup>

Таблица № 6 – Состав семей советских граждан, прибывших из КНР в совхозы и колхозы Казахской ССР (по состоянию на 1 декабря 1955 г.)<sup>286</sup>

<sup>283</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Ахметшиной А.Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>284</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Батыровой Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>285</sup> Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.195-197.

<sup>286</sup> Там же. С. 198.

Наименование области	Прибыло			Национальность				
	семе й	челов ек	трудо спосо бных	русс кие	каза хи	уйгуры	татар ы	узбеки
Алма-Атинская	352	2165	559	581	482	910	100	33
Акмолинская	581	2939	1248	881	611	1296	86	26
Актюбинская	501	2466	752	863	616	715	148	49
Восточно-Казахстанская	(др. мест е 511) ? 468? 198	2132	1028	1290	482	200	93	36
Джамбульская	598	3400	1117	1062	1073	776	153	248
Западно-Казахстанская	692	4280	1080	1500	1070	1241	256	85
Карагандинская	817	3975	1943	1589	1266	797	171	62
Кзыл-Ординская	79	307	175	108	76	89	18	6
Кустанайская	1350	6208	2973	1753	2468	1375	268	89
Кокчетавская	1187	5489	2446	1713	2101	1175	268	94
Павлодарская	1459	8717	2680	2869	2725	2200	509	176
Северо-Казахстанская	569	2719	1198	453	1630	466	108	25
Семипалатинская	600	4228	1891	2009	889	885	226	100
Талды-Курганская	403	2477	706	709	655	721	188	125
Южно-Казахстанская	808	4288	1806	1416	1682	757	269	63
Итого:	1019 4	55790	21611	18796 6	1782	13603	2862	1217

Вторая волна переселения населения началась в сентябре 1962 г. В этот раз переход границы происходил в другом формате: списки переселенцев предоставлялись китайской стороной, и по этим спискам пограничники пропускали мигрантов.

Ежедневно границу пересекали 350–400 человек. К ноябрю границу перешло 11,4 тыс. человек<sup>287</sup>, к декабрю 1962 г. границу перешли еще 26 643 человека. Всего за 1962 г. было репатриировано 22 372 семьи – 98 439 человек<sup>288</sup>.

Репатриация продолжилась и в 1963 г. с января по май, когда в СССР приехало 20,5 тысяч человек. В результате за второй этап в СССР было переселено официально 118 926 человек<sup>289</sup>, а с учетом нелегально перешедших границу 252 963 человека<sup>290</sup>.

Рассмотрим таблицу № 7.

Таблица № 7 – Расселение репатриантов по областям КазССР<sup>291</sup>

Области	1962 г.	1963 г.	Всего человек
Алма-Атинская	32 805	5799	38 604
Восточно-Казахстанская	1722	57	1779
Джамбульская	5544	2113	7657
Карагандинская	3249	6593	9842
Кыл-Ординская	–	3538	3538
Семипалатинская	38 947	46	38 993

<sup>287</sup> Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.120.

<sup>288</sup> Из истории переселения из КНР в Казахстан (1940–1960 гг.). Режим доступа: [<https://iaer.kz/ru/item/216-iz-istorii-pereselenia-iz-knr-v-kazakhstan-1940-1960-gg>]. (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>289</sup> Цит. по: Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. С.96.

<sup>290</sup> Из истории переселения из КНР в Казахстан (1940–1960 гг.). Режим доступа: [<https://iaer.kz/ru/item/216-iz-istorii-pereselenia-iz-knr-v-kazakhstan-1940-1960-gg>]. (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>291</sup> Из истории переселения из КНР в Казахстан (1940–1960 гг.). Режим доступа: [<https://iaer.kz/ru/item/216-iz-istorii-pereselenia-iz-knr-v-kazakhstan-1940-1960-gg>]. (дата обращения: 20.12.2023).

## Продолжение таблицы №7

Чимкентская	13 655	1554	15 209
<b>Всего</b>	95 922	19 700	115 622

При пересечении границы имущество, например, драгоценности, конфисковались. Как Китай не разрешал вывозить предметы быта, так и Советский Союз конфисковал практически всё, что вывозили из Китая. Семья Каримовых выехала из Китая в СССР одной из последних в 1962 г. Гакиф Каримов вспоминает: «На границе было очень много людей, кругом валялись сумки, чемоданы, кто-то прощался, кто-то плакал. На одной стороне вообще резали корову. Одним словом, там царил хаос»<sup>292</sup>.

Иркен Каримов вспоминает: «китайцы запрещали брать с собой живность, предметы быта. Мы нашим родственникам, которые остались в Чугучаке, оставили патефон с советскими пластинками»<sup>293</sup>.

В ходе расселения не учитывались пожелания репатриантов, а также этническая специфика региона. Семье Каримовых одной из немногих повезло остаться в городе Семипалатинске. «Когда мы приехали в Аягуз, брат отца увез нас в Семипалатинск. Семипалатинске не давали прописку приезжим репатриантам, мы же должны были поднимать целину, а не жить в городе. Отец отстоял свои права, получил работу, устроил нас в школу. Да, были трудности. Жили в небольшом доме, похожем на землянку. Учились, летом работали, родителям помогали»<sup>294</sup>.

Климатические сложности региона вынуждали многих репатриантов уезжать в более комфортные для проживания регионы. Если говорить о процессе реинтеграции в новое этническое пространство, то, конечно, у татар этот процесс

<sup>292</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Каримовым Г.Ф.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>293</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Каримовым И.Ф.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>294</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с братьями Каримовыми.: [аудиоматериал]. 2023 г.

шел чуть быстрее в силу этнокультурной близости, чем, к примеру, у русских. Схожесть языка, традиций несомненно облегчала проживание в новом регионе, однако возникали и трудности, например, с русским языком. Многие репатрианты из-за незнания языка в начале своей трудовой деятельности в СССР работали разнорабочими. И. Мухамедрахимова вспоминает: «Помню папа ходил на курсы продавцов, на тот момент он не знал русской грамоты и все русские слова записывал арабской вязью. Затем дома они с мамой разбирали эти лекции»<sup>295</sup>. Кроме того, «процессы адаптации осложнялись психологическими факторами, сложностью интеграции в советское общество, так как мигрантам была характерна социокультурная двойственность. Общность языка, культуры и традиций позволяло им ассоциировать себя как с СССР, так и с Китаем, страной, где они родились и выросли»<sup>296</sup>.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Репатриация татар из СУАР КНР проходила в два этапа. Сам процесс шел планово, согласовано и довольно слаженно. Договор о репатриации между двумя государствами, политическая нестабильность в Китае, китаизация региона, страх притеснений стали причинами переезда эмигрантского населения в СССР. Начало новой жизни, проживание в непривычных природно-климатических условиях, реинтеграция в новом пространстве – всё это было сложным процессом переселения татарской диаспоры в новый регион.

---

<sup>295</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Мухамедрахимовой И.Ж.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>296</sup> Из истории переселения из КНР в Казахстан (1940–1960 гг.). Режим доступа: [<https://iaer.kz/ru/item/216-iz-istorii-pereselenia-iz-knr-v-kazakhstan-1940-1960-gg>]. (дата обращения: 20.12.2023).

**ГЛАВА II. ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И  
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО  
АВТОНОМНОГО РАЙОНА  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX в.**

**§ 2.1. Вклад татарских предпринимателей в экономику Синьцзяна**

В ходе первого периода эмиграции Синьцзян принял очень много татарских купцов, которые в дальнейшем внесли весомый вклад в формирование и рост экономики региона.

Большинство купцов владели мелкими и средними торговыми предприятиями. Они специализировались на доставке таких товаров, как поваренная соль, плиточный чай и ткани, а с пастбищ на городские рынки доставлялись продукты животноводства. Со временем предприниматели переходят на приграничную торговую деятельность<sup>297</sup>.

По мере роста численности татарских эмигрантов в крупных городах Синьцзяна купечество открывает постоянные магазины, кто-то из них привносит новшества, которых до этого в Синьцзяне не было. Например, один из первых переселенцев Кульджи – Сабит Гимадиев в 1918 г. построил первую общественную баню с парной, а чуть позже были построены бани Чехова и Миркасыйма Миршанова<sup>298</sup>. Татарский купец, выходец из Тюмени Миркасыйм Миршанов владел и крупным маслозаводом, который производил масла из разных семян<sup>299</sup>.

В начале XX в. жители города освещали свои дома при помощи ватных жгутов, пропитанных жиром. Сабит Гимадиев, воспользовавшись таким положением, открыл небольшую мастерскую по производству свечей и успешно

<sup>297</sup> ГА РТ. Ф. 5086, Оп. 1, Д. 222, Л. 10.

<sup>298</sup> Корбангалиева Ш. Моя семья // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.70.

<sup>299</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап. яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б.60.

торговал ими<sup>300</sup>. В Кульдже некий Кашшраф эфенди занимался мыловарением и продавал мыло под маркой «Гөлжінан». Мыло пользовалось особой популярностью у местного населения<sup>301</sup>. Акмаль Саматов привез из России первый фотоаппарат и открыл фотосалон.

Тажетдиновы, Закир Желкибаев, Фазылжан Юничев, Гали Габитов и некоторые другие татары разбили небольшой фруктовый сад рядом с Кульджой. Саженцы для сада были доставлены из города Верный (Алматы). Абдрахман Тажетдинов оборудовал участки для отдыха вдоль реки Или. В 1910 г. в Чугучаке Гает Мухаммат разбил сад, где выводил сорта фруктовых деревьев и продавал их. Чугучакский купец Галим Еникеев основал большой парк «Алим бакчасы».

Столярной мастерской в Кульдже владел Зариф Гафуров, искусно сделанные им телеги и сани пользовались большой популярностью у местного населения. После смерти Зарифа Гафурова его сыновья Гариф и Фарит расширили производство.

Из обувных мастерских самыми известными были мастерские Сафи Салиха.

Среди Кульджинских татар самой престижной профессией считалась профессия портного. Одним из популярных портных был Рашид Салих, он не только шил одежду, но и обучал швейному делу. Отучившиеся у него молодые девушки открывали швейные мастерские в разных городах Синьцзяна.

Были в Кульдже и мастера вышивки. Хаят Сулейманова, Ркыя Уразай, Газиза и Гарифа Сафаргалиевы вышивали тюбетейки и калфаки, а также обучали своему мастерству всех желающих<sup>302</sup>.

Кроме мелких городских торговцев, были и животноводы, которые занимались, можно сказать, международной куплей-продажей крупнорогатого скота.

Помимо этого, татарские крестьяне так же внесли свой вклад в экономику региона, построив первые мельницы. Вслед за мельницами открылась и первая

<sup>300</sup>Корбангалиева Ш. Моя семья // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.70.

<sup>301</sup> Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б.58.

<sup>302</sup> Там же. Б.58.

кондитерская Хадичи Хаировой. В кондитерской изготавливались татарские национальные угощения, ее выпечка была известна и за пределами Кульджи<sup>303</sup>.

Крупных татарских предпринимателей, которые вели международную торговлю, в регионе было не так уж и много, основная масса предпринимателей занималась перепродажей товаров в городах и селах. В газете «Вакыт» 1915 г. в статье «Город Урумчи в Китае» освещается торговая деятельность татарских купцов: «Мусульмане из России (татары, казахи, сарты), численность которых не так велика, владеют крупными фирмами. Российские мусульмане привозят из России железо, сахар, спички, галантерею, а вывозят шерсть, кожу, крупнорогатый скот и активно торгуют ими по обе стороны, получая хорошую прибыль.

Российские мусульмане особо не озадачиваются, с кем вести торговые дела, они активно сотрудничают с мусульманами из Турфана и Кашгара. Поэтому их торговые фирмы располагаются не только в Урумчи, но и в других крупных городах, делая при этом хорошие обороты»<sup>304</sup>.

Рассмотрим деятельность крупных татарских купцов Синьцзяна. Семья Садри приезжает в Кульджу в 1910 г. В первое время Галиахмет Садри работает в отделении почты, а его брат Салих открывает свой магазин и начинает торговую деятельность. Начав свое дело с 2700 рублей, за год он увеличивает оборот до 5400 рублей. Поняв, что дело приносит доход, Салих Садри принимает на работу немецкого инженера по имени Гиберлен, который строит кожевенно-перерабатывающий завод. Завод выпускал кожаную обувь, седла, брезенты для тележек и т.д.<sup>305</sup>

Чуть позже братья Садретдиновы открывают фирму «Тянь-Шань», через которую активно ведут торговлю с Германией и Россией. Филиалы фирмы были в трех крупных городах Синьцзяна: Урумчи, Чугучак, Турфан.

<sup>303</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 94–95.

<sup>304</sup> Кытайда Өремче шәһәре // Вакыт. 1915. 15 март. Б. 3.

<sup>305</sup> Садри С. Татар башы ниләр курми. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Б.12.

До февральской революции из России в Синьцзян ввозились такие товары, как ткани, нитки, керосин, домашняя утварь, из Синьцзяна в Россию вывозили шкуры животных, овечью шерсть, сухофрукты, крупнорогатый скот. В Урумчинском филиале обрабатывали выкупленную у местного населения овечью шерсть, мыли, сушили, разделяли на сорта, собирали в тюки. В основном в фирме работало местное население: уйгуры, дунгане и т.д. В этой фирме работал бухгалтером и будущий выдающийся политический деятель Китая Бурхан Шахиди. В результате активной и успешной предпринимательской деятельности дело братьев Галиахмеда и Салиха разделяется на две разные фирмы. Салих Садри помимо кожевенно-перерабатывающего завода открывает маслоперерабатывающий завод, а также первую в Кульдже водяную мельницу. По некоторым данным Салих Садри также вел активную торговлю медом, он первым начал держать в горах пасеку<sup>306</sup>.

Совсем мало известно о братьях Мусабаевых, Хусаине и Бахаветдине, которые владели кожевенным заводом в Кульдже. Крупные меценаты, они способствовали открытию новых школ, приглашали учительствовать видных педагогов.

Известные татарские купцы Закиржан, Фатих и Ситдик Алдагаровы (Аллахайари), уроженцы города Джаркент, в начале 1930-х гг.<sup>307</sup> создают объединение «Алтай шеркат», которое занималось продажей товаров ежедневного пользования. Туда вошли и другие купцы: аксакал города Кульджа Фазылжан Юнич, Гыйлажетдин Тажетдин, Низаметдин Фатхуллин, Гаделша Тукмуллин. Торговля велась с Советским Союзом, благодаря чему в Кульджу завозились многие необходимые товары. С созданием объединения появились и рабочие места для представителей татарской диаспоры. Татарские купцы занимались общественной деятельностью, принимали активное участие в

<sup>306</sup> Садри С. Татар башы нилэр күрми. Казан: Татар. кит. нэшр., 2006. Б.12.

<sup>307</sup> Татары Казахстана: краткая иллюстративная энциклопедия. Казань, 2017. С. 28.

организации вакфа при татарской общине и новометодной школы в Кульдже. Содействовали обучению татарской молодежи Синьцзяна за границей<sup>308</sup>.

Особое внимание стоит уделить личности Фазылжана Юнич. Ф. Юнич переезжает в Кульджу в начале XX в. Он – один из первых и авторитетных аксакалов, который стоял у истоков культурного и исторического развития города Кульджа. В Кульдже он создает торговую фирму, а также становится партнером многих крупных торговых фирм, одной из которых был «Алтай шеркат». Фазылжан Юнич более 20 лет был старейшиной татарской диаспоры Кульджи и довольно влиятельной персоной города, занимался благотворительностью и меценатством. По воспоминаниям многих информантов самое лучшее время для татарской диаспоры Кульджи – это время, когда аксакалом города был Фазылжан Юнич. «Так любить свой народ, думать о его будущем мог только истинный патриот своей нации»<sup>309</sup>, пишет И.М. Вафин.

Под руководством Фазылжана Юнича в Кульдже:

1. построена джадидистская школа;
2. организован благотворительный фонд «Вакуф»;
3. для увеличения квалифицированного педагогического состава из числа татар, было организовано обучение в СССР и Турции;
4. выкуплена земля под татарское кладбище;
5. организована общественная библиотека;
6. в ауле Дартамты организован большой сад для горожан.

После длительной болезни в 1925 г. Фазылжан Юнич скончался в 51 летнем возрасте, оставив после себя огромное наследство не только своей семье, но и татарской общине Кульджи.

Одним из немногих, кто смог продвинуть свою торговую деятельность на большой рынок, был Рамазан Чанышев. Чанышев начинал свой путь приказчиком купца. Затем, накопив капитал, он открыл свою фирму «Рамазан

<sup>308</sup> Татары Казахстана: краткая иллюстративная энциклопедия. Казань, 2017. С. 28.

<sup>309</sup> Вафин И.М. Татары в Синьцзяне. Алматы, 2019. С. 336.

Чанышев и племянники», деятельность которой вскоре распространяется не только на весь Синьцзян, но и на Внутренний Китай.

Как и многие другие купцы, Рамазан Чанышев занимался благотворительностью и меценатством. Купец профинансировал и непосредственно участвовал в строительстве Красной мечети в Чугучаке, оплатил обучение татарской молодежи за границей, помогал тюркским ученым в исследовательских экспедициях и т. д. Кроме общественной деятельности в Синьцзяне Рамазан Чанышев финансировал духовно-просветительские учреждения и в России, в частности, в городах Москва и Санкт-Петербург<sup>310</sup>.

Вместе со своими племянниками Хасаном и Хусаином, Рамазан Чанышев расширяет свое предприятие. Братья Чанышевы переезжают в Китай в 1890-е гг. из Тамбовской губернии, по приглашению своего дяди Рамазана Чанышева<sup>311</sup>. У Рамазана Чанышева не было своих детей, поэтому опыт в делах торговых он передал своим племянникам Хасану и Хусаину Чанышевым, а они в свою очередь приумножили капитал. Хасан Чанышев вел торговые дела из города Чугучак, Хусаин Чанышев из Урумчи. Братья владели заводами и фабриками в городе Турфан.



Рисунок 2 – Хасан Чанышев<sup>312</sup>

<sup>310</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Чанышевой А.А.: [аудиоматериал]. 2023 г.

<sup>311</sup> Личный архив Чанышевой А.А. (Республика Казахстан, г. Алматы). Автобиография Чанышева А.Х.: [рукопись].

<sup>312</sup> Личный архив Чанышевой А.А. (Республика Казахстан, г. Алматы). Фотография Чанышева Х.

Торговый дом братьев Исхака, Ибрагима, Исмаила и Гарифа импортировал из России железные и чугунные изделия, спички, керосин, ткани, а экспортировали в Россию кожу и шерсть.

Многие татарские эмигранты были торговыми представителями крупных уйгурских предпринимателей. При выборе работника учитывалось знание им русского языка, так как торговля, как правило, велась с Россией. В 1920-е гг. в Синьцзяне был открыт международный торговый дом «Совсингторг» (Советско-Синьцзянская торговля), который вел торговлю не только с Советским Союзом, но и со странами Востока, а также с Великобританией<sup>313</sup>.

Ещё одним крупным предпринимателем Синьцзяна татарского происхождения был Шарафитдин хаджи Габитов. Семья Габитовых обосновалась в Кульдже в конце XIX в. После смерти Шарафитдина хаджи его дело наследуют пятеро его сыновей.

Гали Ситдик улы поддерживал торговые отношения с Советским Союзом, в Кульдже имел фруктовый сад и земельные участки, которые сдавал в аренду.

Так же не менее известны были в предпринимательской среде Синьцзяня такие купцы как: Абдрашитовы, Абдуллины, Балтабаевы, Еникеевы, Измаилбаевы, Мирзантбаевы, Юашевы, Юнусовы, А. Исхаков, Н. Фатхуллин, А. Тазетдинов. К сожалению, информацию о деятельности этих купцов пока обнаружить не удалось.

В заключении необходимо подчеркнуть, что Синьцзян имел важное геополитическое положение, он удален от центрального Китая, но близок и открыт (в рассматриваемый период) к Средней Азии и России. Поэтому экономика Синьцзяна была главным образом ориентирована на Россию, чем на центральные провинции Китая. Богатство региона золотом, хлопком, каменным углем, а также продуктами животного происхождения позволяло вновь прибывшим купцам налаживать крупный торговый оборот между странами.

На протяжении рассматриваемого периода татарские предприниматели вывозили из России различные виды товаров, а именно железные и чугунные

<sup>313</sup> Эйди Т. Ах, туган каумем газиз. ( “Эсэрлэр”нен дүртенче китабы). Казан: Аваз, 1999. Б. 39.

изделия, сахар, конфеты, спички, керосин, кожу, нитки, хлопчатобумажную ткань, одежду и обувь, посуду, бумагу и многое другое. Из Синьцзяна вывозились меха, шерсть, сухофрукты, скот, козий пух, фрукты и т.д., во многом благодаря татарским купцам, которые обогащались за счет торговли, увеличивались объемы продаж между Синьцзяном и Россией и другими странами.

## **§ 2.2. Особенности и формы участия татарских общин в культурно-просветительской и духовной жизни коренного населения**

Как уже упоминалось выше, основная масса татарских переселенцев на территории Синьцзяна проживала в городах Кульджа, Чугучак и Урумчи.

И в каждом из этих городов в изучаемый период они внесли свой вклад в развитие социальной структуры, просвещения и духовной жизни в целом.

**Кульджа.** Кульджа – город в верховьях реки Или<sup>314</sup>, был основан в 1762 г. (под названием Нинюаньчэн), после завоевания калмыцкого государства китайцами. «Несколько позже, чем эта «татарская» Кульджа, в 1764 г. был основан город Хуюаньчэн, называемый так же «Китайская Кульджа», «Новая Кульджа» или «Большая Кульджа» – резиденция китайского военачальника»<sup>315</sup>. По данным знаменитых путешественников, исследователей Западного Китая братьев Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло: «г. Кульджа по пространству, им занимаемому, и по оживлению на его базарах производит впечатление одного из крупных городов Притяньшанья. В действительности же впечатление — это обманчиво. Вглядевшись поближе в разбросанные вокруг него предместья, видишь только убогие лачуги. Приятное впечатление оставляют лишь сады, в которых утопает Кульджа»<sup>316</sup>

<sup>314</sup> Большая река в Средней Азии.

<sup>315</sup> Бартольд В.В. Сочинения Т. 3. Работы по исторической географии. М., 1965. С. 471.

<sup>316</sup> Лялина М.А. Путешествие Братьев Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло в Западный Китай. СПб., 1901. С. 9.

В свое время «китайцами в местность, которая почти полностью опустела в период войн с калмыками, было переселено 6 тысяч семей из Кашгарии; этих переселенцев позднее стали называть «таранчи» («земледельцы»)»<sup>317</sup>. Кроме ссыльных и местных жителей-уйгур, здесь проживали «купцы из Кашгара, Коканда, Ташкента и Бухары, которые уже много лет вели здесь торговлю и считались «натурализованными подданными» »<sup>318</sup>. В городе практически не было домов без лавок, где хозяин продавал или купленные товары, или собственный товар. Продавали фарфор, чай, горох, табак и прочие товары.

Говоря о торговле в китайском городе, исследователь-востоковед Г.Ф. Генс писал: «Все продается по таксе и по положенным ценам. По улицам ходят полицейские и расспрашивают покупателей о цене купленных ими товаров»<sup>319</sup>. Далее Г.Ф. Генс отмечает: «если покупатели заплатили дороже таксы, то взявший с них лишние деньги хозяин будет лишен всех своих товаров, а обманутый им покупатель получит обратно заплаченные лишние деньги.

Гостиных дворов в китайском городе нет; да из-за большого количества лавок они не нужны.

Ремесленники здесь работают непосредственно на улицах, и «если ремесло позволяет, расхаживают взад и вперед со своими припасами, инструментами и предлагают проходящим людям свои услуги. Другие работают на улице, напротив своих домов. Они очень искусно чинят разбитую фарфоровую посуду, скрепляя куски скобочками»<sup>320</sup>.

Отметим, что торговый город Кульджа резко выделялся своими жителями, системой самоуправления и самостоятельными учреждениями.

Кульджа становится важным центром в жизни татарской диаспоры, проживающей в Синьцзяне. В Кульдже, по сравнению с другими городами региона, проживало наибольшее число татар. «Здесь, – отмечает М. Ерзин, –

<sup>317</sup>Бартольд В. В. Сочинения Т. 3. Работы по исторической географии. М., 1965. С. 471.

<sup>318</sup>Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С.520

<sup>319</sup>Генс Г. Дорога из Семипалатинской-крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент// Небольсин П. Очерки торговли России со Средней Азии. СПб., 1856. С.6.

<sup>320</sup>Генс Г. Дорога из Семипалатинской-крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент // Небольсин П. Очерки торговли России со Средней Азии. СПб., 1856. С.6.

среди них было много деловых, образованных, компетентных в разных сферах жизни людей»<sup>321</sup>.

Первых переселенцев, которые переехали в Кульджу в начале XIX в., было не так уж и много, основной приток татарских эмигрантов начался с 1851 г. Именно с этого времени Кульджа начинает играть заметную роль в торговле между Китаем и Российской империей<sup>322</sup>. Татар к эмиграции в этот регион, вероятнее всего, подтолкнуло подписание Кульджинского договора, о котором мы писали выше, именно в соответствии с этим договором здесь было учреждено русское консульство для защиты интересов русско-подданных, получивших право на беспошлинную торговлю. С этого периода увеличивается поток купцов из Среднего Поволжья, Казахстана и других мест в Кульджу<sup>323</sup>. Татары переезжали в этот регион из Казани, Уфы, Сибири, с Урала и из других регионов Российского государства<sup>324</sup>. Говоря о многочисленности торговцев, следует обратить внимание на записи В.В. Радлова, который отмечал, что в городе проживает множество татар, которые занимаются торговлей и отлично ладят с местным населением, чувствуют себя в иностранном городе совершенно свободно, нежели в России<sup>325</sup>.

Кроме торговли татары занимались земледелием, точнее они арендовали или покупали земли и нанимали людей для работы. Среди татар были распространены скотоводство, земледелие и садоводство. Поэтому расселение татар шло в различных направлениях от города, но вначале они селились в городском районе Кульджи под названием Ташлавка<sup>326</sup> и Кисек Муен, а также близ города в деревнях Могол, Кунэс, Нылка, Корэ<sup>327</sup>.

<sup>321</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 335.

<sup>322</sup> Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3: К – Л. С. 511.

<sup>323</sup> Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3: К – Л. С. 511.

<sup>324</sup> تاتارلارنىڭ قىسىقەتارىخى. 1988 . 12 س.

[Краткая история татар. 1988. С. 12]

<sup>325</sup> Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 73, 75.

<sup>326</sup> Центр города, где находились каменные магазины.

<sup>327</sup> تاتارلارنىڭ قىسىقەتارىخى. 1988 . س. 17

[Краткая история татар. 1988. С. 17]

Известен тот факт, что в 1875 г. в Кульдже проживало 17 татарских семей, а именно: Каюповы, Юничевы, Габитовы, Тажетдиновы, Гимадиевы, Бурнашевы, Желкибаевы, Хужасайтовы, Миршановы, Ювашевы и др.<sup>328</sup>

Освоившись, татары на общем собрании избрали старейшину татарской diáспоры – Джамали Каюпова. Именно Джамали Каюпов взял под свою ответственность организацию «Вакуфа», а также все необходимые организационные работы в diáспоре. К сожалению, до сих пор ничего не известно о его жизни и деятельности в качестве аксакала в Кульдже. Существуют лишь предположения о том, что умер он в 1904–1905 гг.<sup>329</sup>, так как в это время на его место избрали Фазылжана Юнича и его помощников – Шакира Ювашева, Хожамутдина Садыка и Сайта. Главной обязанностью старейшины и его помощников было решение вопросов по организации работы мечети, медресе, торговых дел, просвещения и оказания помощи переселенцам. Далее татары развернули торговую деятельность, открыли различные предприятия, занимались земледелием, садоводством, развивали животноводство, строили мечети, школы, бани и т.д.

Татарские аксакалы вместе с постройкой мечетей ратуют за большие школы, медресе, чтобы в них обучалось как можно больше татарских детей.

В 1880 г. в Кульдже, в районе Ташлавка, на средства купцов Желкибаевых, была построена первая мечеть и при ней двухклассное медресе для татарских детей.

К 1885 г. двухклассное медресе уже не вмещало всех учеников, так как число татарских эмигрантов из года в год увеличивалось. В связи с этим в 1885 г. с помощью Шарафетдина Габитова было возведено здание четырехклассного медресе в южной части мечети «Байтулла», а также десятикомнатное общежитие. В «Мектебе Кафия», так назвали новое медресе, преподавание имело кадимистское направление, однако учебный процесс осуществлялся по новым

<sup>328</sup> Усманова-Юсимова Н. Татарларның миlli гореф-гадәт йолалары. Алматы, 2007. Б. 6.; Рафикова З. О маме и бабушке// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 93; Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 92.

<sup>329</sup> Усманова-Юсимова Н. Ана теләге. Алматы, 2005. Б.52

учебникам, которые издавались в Казани в современных издательствах<sup>330</sup>. Кроме того, у учеников была своя форма, состоявшая из национальной белой рубахи, коричневого костюма и черной тюбетейки.

В 1895–1896 гг. в Кульджу в качестве указанного муллы приехал Юнус Мухаммадиев. Его жена Маймуна абыстай взяла на себя обучение девочек, с которыми занималась у себя дома. Таким образом, первая школа для девочек была основана Маймуной абыстай. Школа работала до 1930 г. В ней наравне с религиозными предметами преподавались счет, природоведение, кулинария, домоводство, рукоделие. Девочки из отдаленных мест проживали в доме Маймуны абыстай.

Через 4–5 лет Юнус Мухаммадиев умирает и в Кульджу приглашают нового муллу<sup>331</sup>.

В конце XIX в. по приглашению Ситдика Габитова, по другим источникам Фазылжана Хайруллина<sup>332</sup>, в Кульджу приезжает Кашфеласрар Вагапов, которого назначили имамом. Он также преподавал в новом медресе, расположенному рядом с мечетью. Точную дату переезда Кашфеласрар хазрата в Кульджу не удалось установить, потому что по этому поводу мнения исследователей и жителей города различаются. К примеру, М. Чанышев в своем исследовании «Кытайда татар мәгарифе тарихы» пишет, что хазрат приехал в 1881 г.<sup>333</sup>. В мемуарах Назили Усмановой-Юсимовой год приезда Кашфеласрар хазрата отмечен как 1893, этот же год подчеркивает и Хафиз Саттар Салях – историк, представитель татарской диаспоры в Китае<sup>334</sup>. М. Усманов и М. Ерзин называют 1899 г.<sup>335</sup>, обосновывая это

<sup>330</sup>Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 61.

<sup>331</sup>Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. Б. 15.

<sup>332</sup>Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 92;

<sup>333</sup>Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 61.

<sup>334</sup>خپىز ساتтар سالىھ. شىنجاڭدا ئۆتكىن بىر بولۇم تاتار شەخسلەر. كەشقۇل بەسەرار دامۇللام // شىنجاڭ تاتار مەدەنلىقى. 2014, 74 – .0006 #

[Хафиз Саттар Салях. Татарские деятели. Кашфеласрар мулла// Культура татар Синьцзяня. 2014, № 0006. С. 74.]

<sup>335</sup>Госманов М.Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б. 43; Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: Мир, 2012. Б. 130.

тем, что в 1950 г. татарами Кульджы праздновалось 50-летие деятельности Кашфеласрар хазрата на посту имама.

Кашфеласрар Вагапов родился в 1858 г. в Малмыжском уезде Казанской губернии в семье Фатхидина муллы. Получив начальное образование в своей деревне, он поехал учиться в Казань, а затем – в Астрахань и Бухару. В Бухаре получил право именоваться муллой. Свободно владел арабским, персидским, русским и турецким языками. Хорошо образованного Кашфеласрара пригласили в Кульджу. Сначала, еще до постройки нового медресе, он вел занятия в одной из комнат своего дома, а его жена обучала девочек<sup>336</sup>.

В своих мемуарах жители Кульджи с глубоким уважением и любовью отзываются об имаме. Например, Н. Усманова-Юсимова пишет следующее: «Кашфеласрар хазрат не только воспитывал детей, но и принимал активное участие в воспитании взрослых. В результате его деятельности среди татар Кульджи не было неблагополучных семей. Кроме того, хазрат записывал в отдельный журнал сведения о всех новорожденных. Когда начался процесс оттока татар из Синьцзяна в Советский Союз, дамелла передал этот журнал в Москву через советское консульство в городе Кульджа. Все, кто потерял паспорт или метрику, могли восстановить их через Москву. В общем, хазрат мог разрешить любую общественную проблему. Например, в период его работы имамом в Кульдже у рабочих не было выходных. Даже на заводе у известного капиталиста Мусабаева не было выходного дня. Кашфеласрар хазрат обратился по этому вопросу к высокопоставленным горожанам, доказывал свою правоту с помощью сур и аятов из Корана, в результате добился того, что был установлен один выходной день в неделю»<sup>337</sup>. Кашфеласрар хазрат (Ногай Дамулла) прославился как справедливый и мудрый имам не только среди татар, но и всего населения Кульджи<sup>338</sup>. Благодаря неустанному труду по распространению образования и укреплению дружественных отношений между народами он заслужил огромное

<sup>336</sup>Усманова-Юсимова Н. Остазларга ихтирам. Алматы, 2006. Б. 14.

<sup>337</sup>Усманова-Юсимова Н. Остазларга ихтирам. Алматы, 2006. Б. 14-15.

<sup>338</sup>Там же. Б. 14.

уважение населения<sup>339</sup>. В татарском журнале «**شىنجاڭ تاتار مەھمنىيەتى**» («Культура татар Синьцзяна»), издаваемом татарами Кульджи, читаем следующие строки: «Кашфеласрар дамулла распространял религиозные знания в диаспоре. Он был справедливым и отзывчивым человеком, поэтому каждая нация, живущая в Кульдже – уйгуры, казахи, узбеки и другие народы, называли нашего муллу Ногайским дамуллой»<sup>340</sup>.

В новом медресе, построенном в 1900 г., Кашфеласрар хазрат преподавал, придерживаясь кадимистского направления, совмещая его с джадидистскими<sup>341</sup> методами. В его медресе преподавались такие предметы, как родной язык, литература, математика и т.д.

В 90-летнем возрасте Кашфеласрар хазрат был подвергнут глумлению со стороны мaoистов и заключен в китайскую тюрьму. Старик, который прожил всю жизнь с молитвой, который призывал людей к благочестию и здоровому образу жизни, заложил и вырастил огромный фруктовый сад, был арестован<sup>342</sup>. Умер хазрат в 99 лет 29 марта 1957 г. Как отмечает Анас Усманов: «Преклоняясь перед памятью хазрата, не везли, а несли на руках его табут (носилки) семь километров до кладбища. Местные жители отрывали лоскутки от ткани, покрывавшей табут, считая Кашфеласрара святым человеком»<sup>343</sup>.

Определяя численность татарского населения по сведениям, которые представлены в книге М. Чанышева «Кытайда татар мәгарифе тарихы», можно предположить, что в 1892 г. в Кульдже татар насчитывалось более 1900 человек, дома их находились в центре города (возле Ташлавка) рядом с большой татарской мечетью<sup>344</sup>.

<sup>339</sup> Усманов А. О татарах в Кульдже // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 102.

<sup>340</sup> خەپىز ساتтар سالىھ. شىنجاڭدا ئۆتكەن بىر بىلۈم تاتار شەخسلەر. كەشقۇل بەسراز دامۇللام // شىنجاڭ تاتار مەھمنىيەتى. 2014, 75-74 – س 0006 # [Хафиз Саттар Салых. Татарские деятели. Кашфеласрар мулла// Культура татар Синьцзяня. 2014, № 0006. С. 74.]

<sup>341</sup> Усманова-Юсимова Н. Татарларның милли гореф-гадәт йолалары. Алматы, 2007. Б. 6.

<sup>342</sup> Усманова-Юсимова Н. Татарларның милли гореф-гадәт йолалары. Алматы, 2007. Б. 6.

<sup>343</sup> Усманов А. О татарах в Кульдже // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 102.

<sup>344</sup> Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 60.

В 1905–1907 гг. в города Синьцзяна стекаются новые эмигранты из России. Прибывшие на постоянное место жительства купцы, ремесленники, рабочие, а также представители интеллигенции принесли с собой поток новой информации в виде газет, журналов, книг. Вместе с лавиной знаний в регион проникают идеи свободы. Одно из направлений национального движения – джадидизм также достигает Синьцзяна. Джадидизм стал важным этапом в развитии общественной мысли татар, в становлении национального самосознания и идеологии<sup>345</sup>.

В 1900–1910 гг. число татар в Синьцзяне значительно увеличилось, теперь их насчитывалось более 4800 человек<sup>346</sup>. В Кульдже татарский район Ташлавка не мог вместить в себя всех татарских эмигрантов, необходимо было расширить район проживания татар. Для этого в начале 1920 г.<sup>347</sup> татары, а именно татарские купцы, предприниматели и общественные деятели Закиржан, Фатих, Сидик Аллаяровы<sup>348</sup> вместе с Фазылжаном Юничевым<sup>349</sup>, выкупили свободную землю, находящуюся в Западной части города, для строительства домов татарской слободы. Для проектирования жилья были приглашены русские инженеры, строительство велось на средства переселенцев. Новый район в скором времени среди местных жителей стал носить имя Ногай (Ногай-город, затем – Новый город).

Особенностью слободы было то, что она была очень спокойной, распланированной, делилась на кварталы, дома были построены ровно по «линейке». На каждой улице были высажены деревья. Фундамент домов строили из широких кирпичей, а красиво оформленные деревянные ворота, вносили свою лепту в украшение Ногай-города. В каждом дворе было чисто, в хозяйстве были кухни, бани, амбары, хлева, а также сады<sup>350</sup>.

<sup>345</sup> Мухамадеева Л. А. Купцы Сайдашевы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. С. 29.

<sup>346</sup> شىنجاڭ ھەقىدە 90 سەمـالـ. - بۇرۇمچى: شىنجاڭ خەلق نەھىيەتى. 1993 . س.18.

[90 вопросов про Синьцзянь. Урумчи. Народное изд-во Синьцзяна, 1993. С. 18.]

<sup>347</sup> تاتارلارنىڭ قىسقىچە تارىخى. 1988، س.58.

[Краткая история татар. 1988. С. 58.]

<sup>348</sup> Они же Алдагаровы, Аллаяр.

<sup>349</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 93.

<sup>350</sup> تاتارلارنىڭ قىسقىچە تارىخى. 1988، س.54.

Уроженка города Кульджа Л. Садри писала, что Ногай-город, который был построен по плану, располагался на высокой местности. По обеим сторонам широких улиц росли деревья, воздух был чистым, а город красивым, поэтому многие татары проживали именно там<sup>351</sup>.

Для обучения татарских детей, а также для совершения намаза татарскими мужчинами в Ногай-городе были построены школа и мечеть<sup>352</sup>. Мечеть располагалась рядом с небольшой речушкой<sup>353</sup>, к мечети был приделан двухэтажный пристрой, на первом этаже которого находились магазины, а на втором этаже была школа.

Со временем новый татарский квартал стал культурным центром татар Кульджи. Здесь, кроме школы и мечети, располагались магазины, издательства, библиотека, театр, различные кружки, заводы.

В 1915 г. Фазылжан Юнич совместно с дунганскими и уйгурскими меценатами выкупил земельный участок под татарское кладбище. Важно отметить, что 50% стоимости этого участка он оплатил из своих средств<sup>354</sup>.

Медресе в Ташлавке и медресе Кафеласрар хазрата не могли вместить большое число учеников, надо было строить новую просторную школу. Строительство новой школы началось только в 1913 г., с приездом татарского просветителя Габдуллы Буби<sup>355</sup>.

Идеи просвещения, которые проникли вместе с новым потоком эмигрантов, расцветают в начале 1910 г. Именно тогда возникла идея переустройства работы татарской школы на новых началах и обучения по новому методу. Вместе с этим в Синьцзяне распространилась еще одна важная идея джадидизма – обучение девочек наравне с мальчиками. Осознавая вклад женщины-матери в будущее

[Краткая история татар. 1988. С. 54.]

<sup>351</sup> Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. Б. 12.

تاتارلارنىڭ قىسىقچە تارىخى. 1988، س. 54.

[Краткая история татар. 1988. С. 54.]

<sup>353</sup> Садри С. Татар башы ниләр күрми...: Очерклар. Казан: Татар. кит. нэшр., 2006. Б. 15.

<sup>354</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 94.

<sup>355</sup> Нигматуллин-Бобинский Габдулла Габделгалиевович – татарский богослов, педагог, просветитель. Внес большой вклад в формирование татарской религиозно-реформаторской мысли начала XX века.

татарского народа, джадидисты проявили большую заинтересованность в открытии специальных учебных заведений для девочек<sup>356</sup>. «Несмотря на различные рода препятствия, во всех уголках имперской России ..., где проживали татары, стали функционировать джадидистские школы и для юношей, и для девушек. Эти школы сыграли важную роль в ознакомлении татар с достижениями мировой цивилизации и с современной культурой, в проникновении в их повседневную жизнь бытового уклада, характерного для передовых наций»<sup>357</sup>, отмечал Я.Г. Абдуллин. Кроме того, в джадидистских школах уделяли много внимания внедрению основ научной педагогики и установлению строгого санитарно-гигиенического режима. В отличие от кадимистских учебных заведений в джадидистских школах укреплялась идея отказа от физического воздействия на учащихся<sup>358</sup>. Стараниями татар, проживавших в разных городах Синьцзяна, стала функционировать школа для девочек, которую курировали Габдулла Буби и его жена.

Просветителя Г. Буби обвинили в панисламизме, ему запретили продолжать педагогическую деятельность в пределах Российской империи, поэтому Габдулла Буби вместе со своей женой Хуснифатимой в 1910 г. переехал в Кульджу, где продолжил образовательную работу. Они открыли в Кульдже первую татарскую женскую школу.

В 1913–1914 гг. на месте старого медресе строится новая двухэтажная школа, на первом этаже которой находились 60 магазинов<sup>359</sup>, а на втором – учебные классы. Строительство школы было осуществлено за счет средств татарских меценатов и при помощи уйгурской семьи Ювашевых, дунганского богача Нурахуна и др. М. Усманов отметил, что «обучение детей в новом, высоком здании с деревянным полом, со светлыми и просторными классами с

<sup>356</sup> Абдуллин Я. Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. – Казань: Иман, 1998. С. 13.

<sup>357</sup> Там же. С. 14.

<sup>358</sup> Абдуллин Я. Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. – Казань: Иман, 1998. С. 13.

<sup>359</sup> Усманова-Юсимова Н. Ана теләге. Алматы, 2005. Б. 64.

большими окнами вызывало у жителей города особое чувство гордости»<sup>360</sup>. Другие историки отзываются о новой школе следующим образом: «Школа давала начальное и среднее образование, в ней преподавались различные предметы по новому методу, она была единственной знаменитой школой во всем Синьцзяне. Здесь обучали не только татарских детей, но и детей братских народов – уйголов, узбеков, казахов, кыргызов. Кроме них в школе учились и дети дунган, маньчжуро-китайцев»<sup>361</sup>. В школе были не только просторные учебные классы, но и большой зал со сценой. Интересен тот факт, что и в Казани говорили об этой школе, о ней печатались статьи в журналах и газетах. К примеру, в журнале «Сөембикә» за 1914 г. было написано: «[...] Жители Кульджи встали на путь серьезной просветительской деятельности, обучая первым делом девочек. В связи с этим и началась постройка восьмиклассной школы. А жители Кульджи, в свою очередь, решили поддержать учениц из бедных семей, отдавая им собранные со свадеб деньги. Самые первые молодожены Мухаммедсалих афенде и Кашифа ханум передали в школу 46 рублей 14 копеек, Юсуф Лайиш афенде и Фатыйма Янсова ханум – 50 рублей 10 копеек. То есть, если в Кульдже пройдет 10 свадеб, то общая сумма собранных денег будет равна 100 рублям, что принесет огромную помощь ученицам из малоимущих семей».

В конце статьи от имени редакции идут следующие строки:

«[...] Страйтесь товарищи! Деятельность татар Кульджи достойна восхищения. Возможно, посмотрев на вас, и у нас, во внутренней России, откроются школы для девочек»<sup>362</sup>.

Сдача в аренду первого этажа здания была осуществлена во благо школы, т.е. все деньги, полученные от аренды, поступали в фонд школы. Школа распределяла эти средства на свои нужды, к примеру, на ремонтные работы, покупку школьных принадлежностей, учебников, школьной формы, выплату заработной платы учителям, денежную помощь детям из малоимущих семей. В

<sup>360</sup> Усманов М. Шәркый Төркстан һәм Голҗа татарлары // Мирас. 1992. № 1. Б. 79.

<sup>361</sup> تاتارلارنىڭ قىشقە تارىخى. 1988، س. 27.

[Краткая история татат. 1988. С. 27.]

<sup>362</sup> Голҗада хатыннар өчен тырышу// Сөембикә. 1914. №15. Б. 12-13.

конечном счете такая ситуация привела к тому, что школа ни в чем не нуждалась, здание её было в идеальном состоянии, учебников было достаточно, и они постоянно обновлялись, ученики ходили в новой, красивой форме, все жители смотрели на них с восхищением.

Первое время ученицы школы «Нур» (так называлась школа Г. Буби) вызывали у жителей города удивление и интерес. Как пишет М. Усманов, «народ удивляла особенно одежда девочек: красивая школьная форма с белым воротником и белым фартуком была дикостью для уйгурок, которые всегда надевали паранджу»<sup>363</sup>, но через некоторое время это стало уже привычным явлением и не вызывало никакого удивления у местного населения. Единственными, кто возмущался, плел интриги и подвергал школу различного рода проверкам, были аксакалы кадимистких взглядов.

Проведение мероприятий и праздников для жительниц Кульджи подчеркивала новометодность школы «Нур», например, праздник Мавлид (День рождения Пророка Мухаммеда (с.г.в.)), 8 марта, 1 мая, экзамен первых выпускниц и т.д. Во время празднования Мавлида ученицы не прикрывали лица, они также выступали за равноправие и свободу татарских женщин.

Интересно заметить, что после проведения таких мероприятий в татарской периодической печати появлялись небольшие заметки. В основном они печатались в татарском журнале «Сөембикә», издававшемся специально для женщин. Вот что говорилось о празднике Мавлид в этом журнале<sup>364</sup>: «В Кульдже для женщин был проведен праздник Мавлид. На этом празднике, кроме татарок, находилось множество уйгурских, узбекских и дунганских женщин. Мероприятие началось с приветственного слова Хуснифатимы Буби. Позже Салимой, Рахимой, Газизой и другими ученицами была прочтена мадхия – ода Гали Аслама. Затем слово взяла Хадича Хасан, которая зачитала доклад “О правах и свободе женщин, которую им даровал ислам” [...]»<sup>365</sup>.

<sup>363</sup>Усманов М. Шәркый Төркстан һәм Голҗа татарлары// Мирас. 1992. № 1. Б. 80.

<sup>364</sup> Перевод Г.Х.

<sup>365</sup> Голҗада мәүлүд// Сөембикә. 1914. №10. Б. 19.

В своем докладе Хадича Хасан неоднократно подчеркивала, что ислам дал женщине большие возможности для счастливой жизни, но мужчины ограничили женщин, растоптав их права и возможности. «Именно по этой причине у мусульман нет духовно воспитанных детей. Ведь воспитание ребенка зависит от матери! [...]»

Слава Аллаху, сегодня у мусульманок открылись глаза. Теперь мы знаем свои права, дарованные по шариату. [...]»<sup>366</sup>.

Относительно праздника Мавлид в статье идут следующие строки: «[...] После всех выступлений 20 учениц одновременно зачитали «Салават». [...] Проведенный праздник очень понравился всем присутствующим женщинам. Жена Хасана Хаджи Мусабаева Маймуна ханум раздала подарки ученицам, которые прочли «Салават» [...]»<sup>367</sup>.

Именно в таком формате проходили и остальные праздники, многие женщины выступали с докладами о борьбе против невежества, о правах и свободе женщин.

Наряду со школой «Нур» открылась и школьная библиотека, в которой насчитывалось более тысячи различных книг и журналов, привезенных из России. Библиотека располагалась на втором этаже дома Гайнетдина эфенде. На все библиотечные книги школы «Нур» ставилась специальная печать в черном и голубом цветах, по краям которой было написано: «Средняя школа для всех мусульман города Кульджа», а в центре – «Библиотека Нур»<sup>368</sup>.

Кроме школьной библиотеки в Кульдже действовали частные библиотечные залы Кашфеласрара хазрата, Фазылжана Юнича, Закиржана Алдагарова, Газраила Габитова, Гайнетдин бая, которые предлагали читателям журналы («Шура», «Сөембикә», «Аң», «Акъюл»), газеты, художественную, научную, религиозную

<sup>366</sup> Голҗада мәүлүд бәйрәмендә хатыннар мәжлесендә, Хәдичә Хәсән тарафыннан сөйләнгән нотык// Сөембикә. 1914. №10. Б. 17.

<sup>367</sup> Голҗада мәүлүд// Сөембикә. 1914. №10. Б. 19.

<sup>368</sup>Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 63; Усманов М. Шәркый Төркстан һәм Голҗа татарлары// Мирас. 1992. № 1. Б. 80.

литературу, произведения русских классиков, книги и журналы, которые были привезены из России и Турции.

Возвращаясь к истории школы «Нур», нужно обратить внимание на предметы, которые в ней преподавались. Например, в начальных классах были такие предметы, как алифба, счет, сочинение, литература, уроки религии, этикет, природоведение, физкультура, музыка, труд.

В средних классах девочки изучали татарский язык и литературу, алгебру, геометрию, химию, ботанику, зоологию, сохранение здоровья, историю, географию, астрономию, этику, арабский язык, были уроки физкультуры, стихосложения и уроки религии<sup>369</sup>.

Назиля Усманова-Юсимова отметила, что «девочек обучали вышивке, кулинарии, а также вязанию и шитью. Человек очень требовательный и любящий во всем порядок, Габдулла Буби с большим усердием работал в школе, требовал этого и от других. Если он заболевал, то проводил уроки дома. Первая группа выпускниц 1917 г. за 4 года прошла программу средней школы и была готова к преподавательской работе в школе»<sup>370</sup>. В результате школа «Нур» стала учебным заведением, которое занималось подготовкой учителей.

Интересен тот факт, что 10–15% учениц школы «Нур» составляли представительницы других национальностей. «В одном классе учились 3–4 уйгурки, узбечки, казашки, киргизки. Кроме близких нам тюркских народов, которые быстро осваивали татарский язык, в школе обучались и дунгане, их родным языком был китайский язык. Обучение в татарской школе для дунган было не таким сложным, поскольку основная масса дунган знала уйгурский и овладение татарским языком было для них совсем нетрудным делом»<sup>371</sup>.

Габдулла Буби воспитал многих будущих школьных учителей. Например, Мамдуха Мохтарова, заслуженная учительница СССР, награжденная орденом Ленина, говорила, что именно Г. Буби зародил в ней мысль посвятить свою жизнь

<sup>369</sup>Чанышев М. Кытайды татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 63.

<sup>370</sup>Усманова-Юсимова Н. Остазларга ихтирам. Алматы, 2006. Б. 18.

<sup>371</sup> Госманов М. Шәркый Төркстан һәм Голҗа татарлары// Мирас. 1992. № 1. Б. 86.

учительскому труду<sup>372</sup>. Одна из самых первых выпускниц школы Г. Буби Зайнап Габитова преподавала в татарской школе с 1920–1926 гг., затем посвятила свою жизнь преподаванию в уйгурских, узбекских, казахских школах. Она проработала до 1963 г. и вышла на пенсию со стажем в 43 года<sup>373</sup>.

Прожив в Кульдже всего несколько лет, Г. Буби совершил настоящую революцию в сфере образования. Верный своему делу, Буби полностью посвятил себя просвещению народа и неустанно боролся с неграмотностью местного населения.

Г. Буби в 1920-м г., благодаря усердию и помощи предпринимателя Галиахмата Садри, построил в Кульдже начальную школу с пятью классными комнатами, которая в дальнейшем стала называть «малой школой»<sup>374</sup>. Школа «Нур» перехала в новое здание. Вскоре в новой части города была построена полноценная большая 12-классная школа при участии всех зажиточных татар Кульджи, она могла вместить 500 учеников. В 1938 г. в этом здании были объединены все татарские школы. Нужно сказать, что татарская школа Кульджи считалась самой лучшей среди мусульманских школ, поскольку в ней преподавали высококвалифицированные специалисты.

Заметим, что до 1935–1936 гг. школа содержалась за счет пожертвований населения. Члены школьного хозяйственного комитета проводили беседы с родителями каждого будущего школьника и в зависимости от их материального положения определяли размер оплаты. В некоторых случаях школе помогали состоятельные граждане. Часть средств поступала от проведения лотерей и благотворительных вечеров. Все поступавшие от этих мероприятий деньги расходовались на содержание школы, на оплату труда учителей.

«Учителя школы создавали и вели кружки, учили детей игре в шашки и шахматы, проводили различные соревнования с награждением победителей.

<sup>372</sup>Хасанова Н. Наши учителя// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 88.

<sup>373</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью с Габитовым И.: [рукопись]. 2017 г.

<sup>374</sup> Хасанова Н. Наши учителя// Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 88.

Привлекали детей к разным видам спорта, из среды татарской молодежи вышло много известных спортсменов.

Художественная самодеятельность выявила много талантливых учеников. Так, Рахим Сафаргали и Хамит Тухфи писали стихи. Закир Насыров, Латиф Юваш проявили себя как режиссеры. Талантливыми музыкантами были Камал Шамсутдинова, Малик Биктимер, Хадича и Рашид Аухади и др. Зия Хасан придумал очень оригинальный музыкальный инструмент: ставил перед собой 7 глиняных горшков и на них подбирал мелодию»<sup>375</sup>.

Постройка мечетей и школ-медресе осуществлялась не только за счет татар, многие постройки возводились при участии всех жителей Кульджи. Доказательством служат следующие строки: «В 1938 г., во время строительства уйгурской школы, выяснилось, что много стройматериалов – бревна, доски, двери и окна, которые предназначались для пяти классов, исчезло. В связи с этим по городу поползли слухи, что школа не будет открыта к новому учебному году. Узнав об этом, Фарит Габитов пожертвовал школе 49 бревен длиной 6 метров, 100 досок длиной 5 метров и толщиной 4 см, 5 дверей и 10 оконных рам, которые закупил для строительства собственного дома»<sup>376</sup>. В 1939 г. было завершено строительство новой школы со светлыми классами и широкими коридорами. В это строительство много средств вложил Фатих Алдагаров. Подчеркнем, что в пожертвовании средств и необходимых работах активно участвовали татары, уйгуры и узбеки<sup>377</sup>.

Примерно в 1923 г. в Кульджу из Казани приехал учитель Идрис Апанаев и начал работать в татарской школе. Он открыл разные курсы и обучал детей, вместе с ним учительствовала и его супруга Малика ханум. В 1930-е гг. семья Апанаевых переехала в Кашгар с целью обучения местного населения. Муж и жена, а также их братья Вали, Хасан, сестра Хадича открыли здесь школы,

<sup>375</sup> Усманов А. Татары Кульджи // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.102.

<sup>376</sup> تاتارلارنىڭ قىقىچە تارىخى. 1988. س 39.

[Краткая история татар. 1988. С 39.]

<sup>377</sup>Хасанова Н. Наши учителя // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 88.

различные курсы, школы ремесел. Репресии 1937 г. в Китае подкосили эту семью (Идрис Апанаев погиб в тюрьме). Малика Апанаева возвратилась в Кульджу и продолжила работать учительницей<sup>378</sup>.

Кроме просветительской деятельности, которую осуществляли татары в этом регионе, наши соотечественники внесли огромный вклад в развитие спорта. В конце 1920-х гг., благодаря усердию Караматуллы Акчуринова, Хабиба Юнича, Малика Биктимерова, Махмута и Масгута Алдагаровых, начинается распространение спортивных игр, таких как футбол, волейбол и т.д. «Они организовали молодежные команды по футболу, волейболу, стали привлекать к спорту людей среднего возраста. Особенно активными в этом деле были Малик Биктимеров, Гариф Сиражи, Махмут и Масгут Алдагаровы»<sup>379</sup>.

Благодаря активной пропаганде спорта были организованы команды по футболу, волейболу, баскетболу, теннису, легкой атлетике. Сначала эти спортивные команды состояли только из татар. Затем возникли русские и уйгурские команды, которые состязались между собой. Состязания способствовали укреплению дружбы между народами. Айтуган Юничев отметил: «Спортивные площадки стали местами отдыха, сюда приходили не только молодежь, но и пожилые люди. Спортивные состязания были непременным элементом татарского праздника Сабантуй»<sup>380</sup>.

С 1934 г. в Кульдже стали проводиться ежегодные спортивные состязания, а раз в три года – олимпиады. На этих состязаниях обычно лучшие результаты показывали спортсмены из Илийского округа. «В 1939 г. была проведена олимпиада в городе Урумчи, в ней приняли участие спортсмены из 6 округов. Команды Илийского округа, состоявшие в основном из татарской молодежи, заняли первые места по футболу, волейболу, теннису, легкой и тяжелой

<sup>378</sup>Хасанова Н. Наши учителя // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 89.

<sup>379</sup> Юничев А. Татары в спорте //Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.111.

<sup>380</sup> Юничев А. Татары в спорте //Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 112.

атлетике»<sup>381</sup>. Среди наших соотечественников были и рекордсмены, например, Айтуган Юничев, который три года подряд удерживал рекорд Китая в беге на 100 метров.

«Лучшие представители татарского народа, такие как Фатхуллин Низами; Фатих, Закиржан, Сиддик Алдагаровы; Сафаргалиевы; Ювашев Шакир; Исмагиловы; Хожасаид Садык; Гиляжетдин, Абдрахман Тажетдиновы; Галиахмет и Салих Садриевы; Салиховы; Тукмуллин Гадильша; Миркасыйм хаджи Мершанов; Шамсутдинов; Салимовы; Хабибулла; Муслимовы; Габитовы; Хасановы; Юничевы; Рамовы; Даутовы; Бурнашевы внесли большой вклад в развитие школ, медресе, мечетей. Эти люди оказывали большую помощь семьям переселенцев. Вместе с ними вновь прибывающим помогали и местные богатые уйгуры – Мусабаевы, Хусайн хаджи, Богаутдин. О них до сих пор с благодарностью вспоминают потомки татар, которые переехали в Кульджу в начале века. Благодаря этой помощи и своему трудолюбию, старательности, умелым рукам, переселенцы быстро встали на ноги и стали полноправными гражданами города»<sup>382</sup>.

**Благотворительный фонд «Вакуф».** В 1910–1920-е гг. в Кульдже было организован фонд «Вакуф»<sup>383</sup>, который существовал при мечети, построенной на личные средства первого аксакала города Джамала хаджи Каюпова, а также Ювашевых и Бурнашевых.

«Имущество «Вакуф» составляли крупные пожертвования состоятельных татар и 10%-ые отчисления от прибыли татарского населения. «Вакуф» имел в Кульдже около 50 лавок, прибыль от них также шла на пополнение общего имущества. Этот общий капитал ставил татарское общество в особое положение.

<sup>381</sup> Юничев А. Татары в спорте //Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 112.

<sup>382</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 94.

<sup>383</sup> Вакуф – имущество, завещанное или переданное каким-либо лицом мусульманскому духовному учреждению с правом пользоваться доходами от этого имущества, но без права продажи.

Татары жили маленьkim «государством в государстве»<sup>384</sup>, – пишет Махмуд Садри.

Изначально деятельностью «Вакуфа» полностью управляли аксакалы, с увеличением имущества, а также для обширной общественной деятельности выбирались председатели и бухгалтеры. Например, Галиахмет Садри, Хаджиахмет Юлдабай, Матин Госман, Ахмет Салим, Сайдук выполняли роль председателя; Садыйк Маликов, Шафкат Сафаргали были бухгалтерами. В фонд избирались и советники, которые занимались контролем. Проверяющими были Сафа Рамов, Локман Усманов, Ситдык Аллаяр, Садыйк Муслим и др.<sup>385</sup>

Что касается крупных пожертвований или завещаний, то следует привести здесь завещание Фазылжана Юничева.

«Заседание комиссии общественности (вакилов) по завещанию от 3 марта 1934 г. г. Кульджа.

*На очередном заседании, посвященном обсуждению завещания господина Юничева Фазылжана, написанного им своей рукой, по собственной воле, а также с согласия и разрешения вдовы покойного, Сахибжамал Юничевой, с учетом волеизъявления покойного о том, что все его имущество должно быть поделено на 3 (три) части, что одна третья часть должна пойти на нужды образования и просвещения татарского народа и оказание помощи бедным и неимущим под патронажем (наблюдением) комиссии, чтобы не было расстранижирования средств по-пустому, чтобы своевременно уплачивались фитр-садака (различные подаяния). 3 марта 1934 года комиссия приняла следующее постановление: третью часть имущества объединения «Алтай» после его распада с согласия Сахибжамал Юничевой разделить между детьми. Из пяти домов с дворами и пристройками, один из которых продан Низами Фатхуллину, один оставить, остальные должны отойти татарскому Вакуфу. Из трех заемок одну купил Фатих Аллаяров (займка на Кук-дале), остальные – тоже в Вакуф. Магазин со*

<sup>384</sup> Садри М. История одной семьи // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 46.

<sup>385</sup> Усманова-Юсимова Н. Ана теләге. Алматы, 2005. С.66.

*всем содержимым в нем передать детям. Овцы в количестве 527 голов передать Вакуфу. 50% средств, оставшихся после покупки участка земли под кладбище, должны остаться в распоряжении Вакуфа.*

*Данное постановление подлинно подписали:*

- 1. Председатель заседания Аллаяри Закиржсан*
- 2. Фатхуллин Низами*
- 3. Газетдинов Гимазетдин*
- 4. Садри Галиахмат»<sup>386</sup>.*

По прошествии нескольких лет в казне фонда «Вакуф» имелось достаточное количество земель, строений, скота, денежных средств и драгоценностей. «Данный фонд расходовал средства на остронуждающихся, на покрытие затрат, связанных с деятельностью татарской общины. Например, оплачивал расходы, касающиеся текущего и капитального ремонта зданий двух татарских школ и двух татарских мечетей. За счет фонда оплачивался труд работников школ и мечетей. Фонд также выделял денежные премии учителям по случаю праздников. Ежегодно учащихся-сирот и школьников из малоимущих семей фонд обеспечивал зимней одеждой, школьной формой, обувью, учебниками, тетрадями и другими школьными принадлежностями. Фонд оказывал материальную помощь нуждающимся, на зиму приобретал дрова и уголь для таких семей»<sup>387</sup>. Кроме того, фонд организовывал различные курсы, кружки и секции, такие как курсы швей, кружки вышивки, музыки, танцев, литературные и драматические кружки, спортивные секции. Отметим, что работа руководителей кружков и секций, различные культурно-просветительские мероприятия оплачивались из средств фонда.

«Фонд имел свое правление, членами которого были люди надежные, порядочные, честные и внимательные. Все они работали безвозмездно, во благо своего народа»<sup>388</sup>. Халида Табиева отмечала, что члены правления отвечали и за

<sup>386</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 101.

<sup>387</sup> Табиева Х. Наш благотворительный фонд // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 71.

<sup>388</sup> Там же. С. 71.

обоснованное расходование средств, и за приумножение имущества фонда. Раз в три года проводили ревизию финансовой деятельности правления, проверяли все доходы и расходы. Правление отчитывалось перед населением о своей деятельности. Работа фонда считалась традиционным видом деятельности, делом угодным Аллаху. Члены правления выполняли свои обязанности честно и ответственно<sup>389</sup>.

### **Периодическая печать Кульджи**

Говоря о жизни татарских эмигрантов, следует проанализировать и татарские периодические издания. Собственные газеты и журналы на татарском языке татарская диаспора Синьцзяна не издавала. Татарские газеты и журналы, такие как «Тарджеман», «Нур», «Казан мөхбире», «Таң», «Вакыт», «Шура», «Сөембикә» и др. выписывались школьными библиотеками и татарской интеллигенцией Синьцзяна.

В начале XX в. уйгуры начинают издавать газету «Элә вилаяте гәзите», главным редактором которой становится уйгур Абдулкаюм эфенди.

В 1919 г., благодаря татарскому аксакалу Фазылжану Юничу и уйгурскому деятелю Хусаину бею, стала издаваться газета «Хөр сүз гәзите».

В 1930 г. увидела свет газета «Элә дәръясы гәзите». В редакции газеты вместе с уйгурами работали и представители татарской интеллигенции – Юсупжан Гафури, Магрип Саиди, Хабиб Юнич. Формат газеты, да и её название неоднократно менялись. В 1934 г. газета именуется «Элә Шенҗаң гәзите», две страницы этой газеты были на китайском языке, две – на уйгурском, на уйгурских страницах некоторые новостные колонки писались и на татарском языке. В газете публиковались не только свежие новости из жизни татарской диаспоры, но и статьи и стихи, написанные татарами. Темы затрагивались самые разные, но самыми популярными были вопросы положения женщин и ущемления их прав.

Главным редактором этой уйгурской газеты был татарин Хабиб Юнич. Отметим, что Хабиб Юнич был довольно популярной личностью в Кульдже.

---

<sup>389</sup> Табиева Х. Наш благотворительный фонд // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С. 72.

Даже сегодня о нем представители татарской диаспоры пишут как о молодом и талантливом журналисте 1930-х гг.

Журналист, уроженец города Кульджа, сначала обучался в татарской школе Кульджи. В начале 1920 г. Фазылжан Юнич и Закиржан Алдагаров отправили его и еще четырех юношей на учебу в Стамбул. Затем Хабиб Юнич продолжил обучение в Германии, Москве и Ташкенте. Закончив обучение, Хабиб возвратился в Кульджу, где в 1933 г. начал выпуск областной газеты «Элә дәръясы гәзите». Стал главным редактором газеты и одновременно работал учителем в татарской школе. Отметим, что кроме знания множества языков, таких как русский, китайский, турецкий, уйгурский языки, журналист был отличным музыкантом и художником.

С момента прихода гомильтанцев Хабиб Юнич являлся членом подпольной партии «Азат». В 1944 г. он участвовал в революционной деятельности, а после установления власти так называемого Восточного Туркестана стал членом правительства и министром просвещения. 19 февраля 1945 г. умер в тюрьме в возрасте 38 лет<sup>390</sup>.

Айтуган Юничев вспоминает: «На траурном митинге председатель правительства Восточного Туркестана Алихан-торе с глубокой горечью говорил о том, что из жизни ушел высокообразованный, знающий несколько иностранных языков, деятельный представитель своего народа. Одной из главных улиц города Кульджа было присвоено имя Хабиба Юничева. Вместо Хабиба Юнича членом правительства был назначен Миршанов Ваккас хаджи, министром просвещения – Сайфитдин Азизи. Вдове Хабиба Юнича Анваре Фатих хаджи кызы вручен золотой орден 1-й степени «Азатлык»»<sup>391</sup>.

<sup>390</sup> خپىز ساتтар سالىھ. شىنجاڭدا ئۆتكەن بىر بىلۈم تاتار شەخسلەر. خابىپ بىلۈپچى // شىنجاڭ تاتار مەدەنلىقىتى. 2014. #0006. 77 س-[Хафиз Саттар Салых. Татарские деятели. Хабиб Юнич// Культура татар Синьцзяня. 2014, № 0006. – С. 77.]

Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 95.

<sup>391</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 96.

Таким образом, периодическая печать татар Кульджи развивалась на страницах уйгурских газет, в которых определенный творческий след оставили татарские журналисты.

**Театр.** Кроме просветительской работы татарская диаспора Кульджи создавала свои национально-культурные объединения. Такие объединения в основном возникали на общественных началах и на личные средства представителей диаспоры. Активность татарского населения подпитывалась стремлением развивать национальное образование, культуру, сохранять язык и традиции<sup>392</sup>.

Благодаря таким стремлениям работали различные кружки, художественные коллективы, организовывались тематические вечера и вечера отдыха, способствовавшие сплочению татар, проживавших на Северо-Западе Китая, приобщению их к татарской культуре и истории, сохранению самобытности татарского народа<sup>393</sup>.

Кружки по интересам открывались во многом благодаря стараниям татарской молодежи. Так, стремление к сохранению национальной культуры, языка, фольклора и литературы привело к образованию театрального кружка.

В Кульдже при советском консульстве супруги Захритдин и Нурия Диникиевы организовали свою театральную труппу. Первым спектаклем, поставленным этой труппой, была пьеса Карима Тинчурина «Сүнгэн йолдызлар». Махинур Сиражи, артистка татарской труппы, вспоминала: «Захритдин абый был очень строгим режиссером. Когда люди сомневались в успехе дела, он говорил: «Или сделаю из вас настоящих артистов, или совсем уйдете со сцены». И добивался своего, хотя имел дело с любителями, никогда не поднимавшимися на сцену»<sup>394</sup>.

<sup>392</sup> Шагбанова Ю.Б. Татары на Северо-Западе РФ: история формирования диаспоры и деятельность ее национально-культурных объединений: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1996. С. 96.

<sup>393</sup> Шагбанова Ю.Б. Татары на Северо-Западе РФ: история формирования диаспоры и деятельность ее национально-культурных объединений: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1996. С. 106.

<sup>394</sup> Сиражи М. Моя жизнь // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.67.

Татарской труппой ставились и другие спектакли, например, «Танир-Зөһрә», «Беренче театр» и др. Татарские пьесы полюбились не только татарам, но и представителям других народов Кульджи. Театралы с нетерпением ждали новых спектаклей, уважали и ценили творчество татарских писателей и поэтов.

М. Сиражи подчеркивала, что «среди татар всегда находились люди, способные сыграть ту или иную роль для выступлений, многие давали на время спектакля свои вещи – не только татарки, но и уйгурки, узбечки вытаскивали из сундуков одежду и украшения. Клубов еще не было, постановки проходили на сцене русской начальной школы. Наши постановки еще более стали привлекать людей, когда был открыт городской клуб, появилось электрическое освещение. Мы проводили также литературные вечера, вечера отдыха»<sup>395</sup>.

В ходе театральных постановок были и очень курьезные, смешные случаи. «Так, в пьесе «Башмагым» Шавкат Курбангалиев играл роль пьяного, лежащего на скамейке. Постановка идет, а артист заснул настоящим образом. Мы с суплером Шавкатом Сафаргалиевым взяли длинную палку и стали толкать ею Шавката, еле-еле разбудили. А при постановке «Шурале» Фазил (Шурале) кричал так громко, что публика и в самом деле испугалась»<sup>396</sup>.

Кроме классических пьес на сцене татарского театра ставились и оперетты, написанные простыми жителями Кульджи. Так в 1934–1935 гг. Гайша Мухаммадиева перевела уйгурский рассказ «Гиреп Санам» в стихотворную форму и написала музыкальное произведение. Затем была написана оперетта «Ятимә» («Сирота»). Эту оперу часто ставили ученики татарской школы.

Кроме театрального кружка существовал и струнный оркестр. Его руководителем был Малик Биктимеров, а после него – Зия Хасан.

Таким образом, приехавшие в новое государство татары развернули торговую деятельность, открыли различные предприятия, занимались земледелием, садоводством, развивали животноводство, строили мечети, школы, бани и т.д. Активно развивалась культурно-просветительская деятельность:

<sup>395</sup> Сиражи М. Моя жизнь // Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.68.

<sup>396</sup> Исхаков Г. Наша семья //Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.83.

открытие больших школ, медресе, организация различных кружков, спортивных команд и т. д.

**Чугучак.** Город Чугучак (в России именовался Тарбагатай) был основан в XVI в. кашгарскими и атушскими купцами-уйгурами. Прежде город стоял на реке Урджаре, но впоследствии был перенесен в урочище Чигу. Чугучак – один из первых торговых городов Западного Китая, который превосходил в этом отношении Кульджу.

Купцы, торговавшие в этом городе, писали, что Чугучак был разделен «на две части: в середине города вроде кремля, крепость с домами китайских чиновников, а кругом форштат, заселенный калмыками. Что касается приезжих, то все они живут у городского въезда в чистом поле, в палатах или кибитках, в месте, собственно для них предназначенном и обнесенном забором. Так как это помещение стоит не в черте самого города, то буква закона «о невпущении в город» исполняется строго»<sup>397</sup>.

В XIX в. Чугучак становится значимым центром российско-китайской торговли. В связи с этим Чугучак принимает большой поток купцов, которые в силу разных обстоятельств остаются здесь жить.

Хорошие климатические условия этой местности способствовали расцвету хозяйственной деятельности; чернозем был щедр на урожай. В связи с этим, кроме купцов в Чугучак приезжали и крестьяне, которые обосновывались за пределами города.

Первые татарские семьи начинают переселяться в Чугучак после 1851 г. Причина их переселения в этот город была обусловлена близким расположением к российской границе. Со временем в городе возникает необходимость постройки татарской мечети и медресе.

В 1874 г. в Чугучак был приглашён Курбангали Халиди. Получив образование в медресе Семипалатинска и продолжив образование в Бухаре, он

---

<sup>397</sup>Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин) // Географические известия. 1850. Июль, август, сентябрь. С. 389.

приехал в Чугучак на должность имама в местную татарскую мечеть. Кроме деятельности имама и преподавательской работы, Курбангали Халиди выезжал в отдалённые регионы Синьцзяна для сбора материала с целью изучения местного населения.

М. Ерзин в своем исследовании «Из глубин Евразии» пишет следующее: «Курбан Халиди был человеком знающим; кроме родного языка он прекрасно владел арабским и персидским языками, а также общим для всех тюрок так называемым чагатайским языком. Благодаря этому он имел возможность собирать и исследовать житейские правила, обычай и историю казахского, уйгурского и татарского народов. Его работа не ограничивалась пределами Тарбагатайского округа, его исследованиями были охвачены очаги древней культуры всего Синьцзяна. Самым известным в его деятельности стало его путешествие в Турфан»<sup>398</sup>.

Далее М. Ерзин отмечает, что «экспедиция Курбангали Халиди в Турфан была одним из первых путешествий туда, она пришлась на 1886–1887 гг. Ездил Курбангали Халиди в составе группы из нескольких человек, среди них был и образованный кашгарец Исмагил, прекрасный знаток Восточного Туркестана. Не правительство, не империя приняли на себя расходы по этой скромной экспедиции, а меценат – Чанышев Рамазан-хаджи»<sup>399</sup>.

По результатам исследований в сфере общественно-экономических отношений и культуры периода господства ислама в Турфане, а также изучения письменных источников, ханских и султанских грамот, юридических документов была написана книга «Тарихи жәдидәи жәдидә» («Записки по новой истории»), изданная в 1889 г. в типографии Казанского университета. Кроме этой книги ученый оставил еще один ценнейший труд – «Тәварихы хәмсән Шарый» («Пятерица истории Востока»), посвященный восточным тюркам, а также истории и географии Восточного Туркестана.

<sup>398</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С.279,283.

<sup>399</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 116.

Курбангали Халиди умер 14 марта 1913 г. в городе Чугучак. Прожил в Синьцзяне 39 лет.

Вскоре после смерти Курбангали хазрата Халиди, в 1919 г.,<sup>400</sup> в Чугучак приехал другой не менее важный господин – историк, специалист по редким языкам, знаток арабского, персидского и турецкого языков – Мухаммадмурат Рамзи. Он прибыл в Чугучак из России через Петропавловск и Семипалатинск.

Мурат Рамзи родился 10 октября 1854 г. в деревне Альметьево Мензелинского уезда (ныне село Альметьево Сармановского района Республики Татарстан)<sup>401</sup>. Талантливый ученый, получивший образование в Саудовской Аравии, знаяший наизусть полный текст Корана, в начале своей деятельности преподавал в медресе в Мекке. Занимаясь переводами религиозно-философских трактатов, ученый уделял особое внимание изучению истории татарского народа.

Приехав в Чугучак, Мурат Рамзи решил «совершить путешествие в Турфган по следам Курбангали Халиди. [...] Народ Турфана горячо принял Мурада Рамзи как очень крупного ученого, благородного сына братского народа, оказал большие почести и способствовал успешной его работе. Когда ученый, закончив работу, собрался покинуть эти края, турфанцы проводили его до самого Урумчи»<sup>402</sup>.

Заметим, что Мурат Рамзи оказал большое влияние на просвещение уйгурского народа. Благодаря его дружбе с прогрессивным турфанцем Махсутом Мухити в Турфган были приглашены татарские просветители Хайдар Сайрани и Хисам Бавин. Оба этих молодых человека преподавали в новометодных школах и обучали уйгурских детей.

В 1933 г. Мурат Рамзи намеревался посетить Алтай. Он хотел встретиться в Бурчуме с Сагдуллой-хаджи Бикчантаевым, «ознакомиться с жизнью людей этого

<sup>400</sup>Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 283.

<sup>401</sup>Гараева Н. Кем ул Морад Рэмзи? // Казан утлары. 1990. № 2. Б. 171-175; Усманова Д.М. Мурад Рамзи (1853–1934): Биография исламского ученого в свете новых свидетельств // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 2. С. 93–114; Мурад Рамзи выдающийся татарский богослов. Режим доступа: [[http://dumrt.ru/tu/news/news\\_23374.html](http://dumrt.ru/tu/news/news_23374.html)]. (дата обращения: 12.02.2022); Зайцев И. В. Мурад Рамзи и Арминий Вамбери // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2001, 3/4 (24/25). С. 71-75.

<sup>402</sup>Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 285, 287.

края. Однако из-за внутренних войн и связанных с ними трудностей намерение не осуществилось, и он вернулся на полпути в Чугучак»<sup>403</sup>.

Ученый скончался в городе Чугучак 2 апреля 1934 г. в возрасте 80 лет.

С начала XX в. в города Синьцзяна, благодаря очередной волне эмиграции татар из России, приходят новые идеи просвещения, которые стали активно проявляться с 1910 г.

Так, в 1905 г. в Чугучаке рядом с Красной мечетью, благодаря стараниям Гумера Абдуллина, открывается трехклассная школа<sup>404</sup>.

С 1910 г. в школе начинают преподавать по джадидистскому методу. Поскольку учеников в школе к этому моменту насчитывалось более 100 человек, школе были необходимы новые кадры. С этой целью Гумер Абдуллин и его сын Габдрахман оплатили обучение еще нескольких учителей в Казани. После учебы учителя должны были вернуться в Чугучак и работать в школе «Гумария», так в последующем называли эту джадидистскую школу. С 1911 г. в школе начинают обучать и девочек. В результате школа становится единственным учебным заведением в Синьцзяне, где девочки учились вместе с мальчиками. В школу принимались дети не только татар, но и уйгур, узбеков и казахов.

В 1920 г., благодаря финансовой помощи Хасана Чанышева, строится школа «Туран инқулеге» («Низменность Турана»). Эта школа была полностью новометодной. Дети, которые окончили начальную школу «Гумария», могли продолжить обучение в этой школе. И здесь вместе с детьми татар обучались уйгуры, казахи, узбеки и др.

Обучение велось на татарском, русском, китайском и арабском языках. Преподавались такие предметы, как татарский язык и литература, русский, китайский, арабский языки, математика, физика, природоведение, история, география, бухгалтерия и религия.

Состав учителей был очень пестрым, из татарских просветителей преподавали: Минтимер Джамали, Солтан Ханафи, Зариф имам, из русских –

<sup>403</sup>Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 285, 287.

<sup>404</sup>Усманов М. Шәркый Төркстан һәм Голҗа татарлары// Мирас. 1992, № 1. Б. 79.

Петр Иванович и Михаил Степанович. Преподавали и религиозные деятели – Мурат Рамзи, Сагитгали хазрат, Гульсум и Газиза абыстай<sup>405</sup>.

Татарская диаспора Чугучака по численности и по роли в политической, культурной и общественной жизни региона были на втором месте после татарской диаспоры Кульджи.

Роль татар в политической, общественной, хозяйственной и культурной жизни Тарбагатайского округа и всей провинции заслуживает особого внимания, считает М. Ерзин<sup>406</sup>. Например, в 1920–1930-е гг. в Тарабагатайском и Урумчинском округах проживал Гимадиев Габделхак-хазрет Джалаиддин улы. Он оказал большую помощь развитию образования в Тарбагатайском и Урумчинском округах<sup>407</sup>. Известная учительская чета Чугучака – Мухибулла и Гуляндам Хабибуллины – посвятила свою жизнь обучению уйгурского населения.

После нового потока эмигрантов в период 1905–1917 гг. идеи джадидизма доходят и до Тарабагатайского округа, в котором начинают открываться школы нового типа. В этих школах обучали по новым программам, которые были составлены и изданы в Казани и Уфе. Получение новых газет и журналов давало татарскому населению возможность быть в курсе всех событий, происходивших на исторической родине. Именно период борьбы джадидизма с кадимизмом повлиял на формирование мировоззрения будущих учителей Хабибуллиных.

Мухибулла Хабибуллин, получив образование в России, по просьбе Максуда Мухиди приехал в Чугучак, где познакомился с будущей супругой Гуляндам Бикчантаевой.

Благодаря просвещенному супругу, Гуляндам повышала уровень знаний и стремилась распространять их среди коренных жителей. Идея просвещения всего местного населения, которое находилось на грани безграмотности, возникла у супругов не случайно, так как Гуляндам, проживавшая в Чугучаке и получившая образование в этом городе, наблюдала уровень неграмотности среди уйголов. Ее

<sup>405</sup> Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 76.

<sup>406</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 278.

<sup>407</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 123.

инициативу по просвещению поддержал муж, который в 1911 г. помог ей открыть в своем доме школу для девочек, в которую приняли 8 учениц. Школа проработала до 1919 г.

В 1919 г. по приглашению уйгурского просветителя Максуда Мухиди, семья переехала в соседний с Чугучаком город Турфган-Астана, чтобы преподавать в уйгурской школе. В этой школе Мухибулла обучал более 50 уйгурских мальчиков, поделив их на три класса. Обучение шло в джадидистском направлении по программе Хайдара Сайрани, татарского просветителя, проживавшего в Синьцзяне<sup>408</sup>. В одной из комнат Гуляндам давала уроки девочкам. Она вела такие предметы, как азбука, родной язык, литература, счет, природоведение, география, этика, музыка и религия. Кроме того, Гуляндам учила девочек шить и вышивать, вести домашнее хозяйство. Закончившие эту школу уйгуры и уйгурки уезжали в отдаленные уголки Синьцзяна, чтобы продолжать просветительскую деятельность среди своего народа.

В 1921 г. Мухибулла умер, Гуляндам абыстай осталась одна с двумя детьми. В 1923 г. Гуляндам пригласили учительствовать в город Базар в уезде Гучун. Там она открыла женскую школу и обучала узбечек и казашек<sup>409</sup>. В 1924 г. Гуляндам возвратилась в родной Чугучак и открыла две школы для девочек. Эти школы население называло «Гуляндамия» и «Максудия»<sup>410</sup>. По некоторым данным, одна из этих школ – «Гуляндамия», была открыта в 1930 г.<sup>411</sup>.

В 1927 г. Гуляндам организовала еще одну школу для девочек – в доме Хасана Байрашева, в котором обучалось 80–90 учениц<sup>412</sup>.

В 1931 г. Гуляндам обучала в Гучуне мальчиков, а в 1934 г. в Турфане начала обучать девочек<sup>413</sup>.

<sup>408</sup> Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 87.

<sup>409</sup> Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 89.

<sup>410</sup> Каһари Т. Гөләндәм– мәгърифәтче ана // Сөембикә. 1991. № 9. Б. 10.

<sup>411</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 33.

<sup>412</sup> Там же. С. 33.

<sup>413</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 123.

Необходимо подчеркнуть, что Гуляндам ханум до начала 1931 г. обучала детей, не получая оплаты. Вся ее деятельность была безвозмездной, жила она на пожертвования родителей учениц.

В 1936 г. она переехала в Урумчи, где, используя свой дом под школу, давала татарским, казахским, уйгурским, узбекским мальчикам и девочкам образование в объеме начальной школы<sup>414</sup>.

Турсун Каххиров писал, что в 1936 г. в «Календаре», издаваемом в Чугучаке, вышла статья о работе Гуляндам ханум. В статье было написано: «в этом месяце (сентябре) исполнилось 25 лет с тех пор, как Гуляндам ханум приступила к педагогической деятельности. За эти годы ее уроки посетили 1845 учеников. Если каждый год в школе обучалось по 25 человек, то за это время знания получили 625 человек. За такую похвальную и благородную деятельность, которую Гуляндам ханум выполняла со всей душой, она достойна похвалы и звания общественного деятеля»<sup>415</sup>.

Всю свою жизнь Гуляндам ханум посвятила обучению девушек грамоте. За 44 года педагогической деятельности Гуляндам ханум дала знания более чем 6200<sup>416</sup> ученицам. Среди них и учителя, и ученые, и врачи, и министры и др.<sup>417</sup> За ее безграничную заботу о людях она была удостоена орденов «Борьба за самостоятельность» и «За Верность». Умерла просветительница в возрасте 87 лет в 1974 году, оставив заметный след в истории Синьцзяна.

Учебных заведений, открытых татарами, в Чугучаке было достаточно много. Например, школа «Туран», медресе при Кок-мечети, построенное Хасан хаджи Беришевым, школа Гульсум абыстай, начальная школа для девочек в доме Гуляндам абыстай, школа «Гумария».

По мнению Ф. Каримовой, расцвет города Чугучак пришелся на 1934-1935 гг. В этот период появились торговые объединения, было создано городское управление народного образования, которое стало координировать работу всех

<sup>414</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 123.

<sup>415</sup> Kahhari Т. Гөләндәм- мәгърифәтчә ана// Сөембикә. 1991. № 9. Б. 10.

<sup>416</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 32.

<sup>417</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 32.

частных школ, обучение стало вестись по новым программам<sup>418</sup>. Началось активное строительство новых школ, открылись учительские курсы. На учительских курсах преподавали известные татарские интеллигенты Чугучака, к их числу относились Хисам Бавин, Ибрагим Бекбулатов, Гариф Бурнашев, Хамит Вакили, Султан Ханафи, Мертемир Джамали.

В период с 1938 по 1939 гг. стали возвращаться из-за рубежа молодые перспективные интеллигенты, получившие высшее образование. Сагдулла Абдрашитов, Масхут Халитов, Сайфитдин Азизи были пионерами обучения в школах по новым учебным программам. Благодаря активной просветительской деятельности татарской интеллигенции к концу 1930-х гг. появился ряд новых школ.

Приведем список школ<sup>419</sup>, которые находились в городе Чугучак:

1. «Гуляндамия» (для девочек), директор – Гуляндам Хабибуллина;
2. «Хасания» (для девочек), директор – Гульсум абыстай;
3. «Намуна» (для мальчиков), директор – Анвар Закири;
4. «Максудия» (смешанного типа), директор – Фатима Джамали;
5. «Гумария» (смешанного типа), директор – Мертимер Джамали;
6. «Махмут Кашгари» (для девочек), директоры – Сафура Махмудова, Махия Исхакова;
7. «Туран» (для юношей), директоры – Хисам Бавин, Султан Ханафи;
8. Мужская гимназия, инспектор – Масхут Халитов;
9. Женская гимназия, завуч по воспитательной работе – Мунира Абдуллатыпова.

Кроме перечисленных учебных заведений, было несколько русских и китайских школ.

На ниве просвещения народа с большой отдачей трудились инспектора городского управления образования Масхут Халитов, Фатих Каримов, Махмутжан Ильхамжанов, Белал Юсупов.

<sup>418</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 10.

<sup>419</sup> Чанышев М. Кытайды татар мәгарифе тарихы. Казан: Жыен, 2007. Б. 89.

«Наглядные пособия, учебники и оборудование для лабораторных работ поступали из СССР. Уроки в гимназиях проводились с применением наглядных учебных пособий, были оборудованы лабораторные классы по химии, физике, анатомии и географии. В гимназиях девушек дополнительно обучали шитью, вышивке, основам бухгалтерского учета, игре на музыкальных инструментах, преподавались уроки танцев»<sup>420</sup>.

В эти годы для учащихся школ Чугучака организовывались различные мероприятия. Например, день физкультурника проходил 18 сентября, длился 3-4 дня. Команды школ принимали участие во всех соревнованиях по разным видам спорта, которые проходили на Народной площади перед мужской гимназией. Кроме того, проводились предметные олимпиады, конкурсы ораторского мастерства и т.д.<sup>421</sup>

«К середине 1930-х гг. примерно 70% жителей Чугучака исповедовали ислам, общественность уделяла особое внимание соблюдению канонов ислама, укреплению его традиций, проведению мусульманских религиозных праздников на высоком уровне. Духовная жизнь города находилась под управлением Совета старейшин, в его состав входили высокообразованные представители интеллигенции, которые получили высшее духовное образование в Мекке, Казани, Уфе, Турции. В Совет старейшин входили Хасан хаджи Беришев, Гумаргали хаджи, Курбангали и Мухаммадгали Халитовы, Саидгали хаджи Хазрат Шайхи, Мурад эфенди и др.»<sup>422</sup>.

В воспоминаниях уроженцев города Чугучак также отмечается, что главой старейшин в свое время был избран Хасан хаджи Беришев. На свои средства старейшины строили мечети, медресе, под их руководством велось обучение исламу<sup>423</sup>. Совет старейшин города держал всё под своим контролем, начиная от уразы в месяц Рамазан до выбора женихов для молодых девушек.

<sup>420</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 12.

<sup>421</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 12.

<sup>422</sup> Там же. С. 9.

<sup>423</sup> Там же. С. 9.

Хасан хаджи Беришев был одним из самых авторитетных жителей города Чугучак. Родившийся под Казанью в деревне Аже в 1860 г., он переехал в Чугучак в 1880 г. Здесь он начал торговую деятельность, женился и полностью укоренился в городе. После избрания главой старейшин Хасан хаджи на свои сбережения построил Кок-мечеть, при ней открыл медресе для мальчиков, затем – школу для девочек, а все финансовые расходы по содержанию мечети, медресе, школы взял на себя. В 1933–1937 гг. он руководил духовной и культурной жизнью города на общественных началах<sup>424</sup>.

В 1945–1947 гг. в Чугучакской мечети место главного имама занял Шаихов Саидгали-хазрат Саидмухаммад улы. Родился он в селе Ямбаево под Тюменью в 1876 г., был достаточно образованным человеком. 19 лет обучался в арабских странах, владел арабским, турецким, фарси, получил высшее духовное и светское образование. В 1921 г., овдовев, хазрат вместе со своими детьми переехал в Чугучак. В 1925 г. он женился на Газизе Башировой. Открыл при своем доме медресе, где посменно обучались мальчики и девочки, а вечерами – малограмотные взрослые. Известно, что в 1937–1944 гг. при неизвестных обстоятельствах был лишен свободы. Кроме исполнения должности главного имама Саидгали хазрат был назначен председателем духовного управления мусульман города Чугучак. В 1947 г. имам переехал в Кульджу, где работал председателем мусульманского духовного управления, при этом продолжал педагогическую деятельность<sup>425</sup>.

С развитием торгово-экономических отношений между Синьцзяном и Советским Союзом возникла острая необходимость налаживания автомобильно-транспортных коммуникаций. В связи с этим в 1935 г. в Чугучаке были открыты шоферские курсы<sup>426</sup>. По свидетельству М. Ерзина, на курсы шоферов принимались в основном молодые уйгуры, казахи, татары, монголы, дунгане, только с разрешения Бурхана Шахиди. Еще в 1925 г. в Урумчи перед специально

<sup>424</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 12.

<sup>425</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 31.

<sup>426</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 124.

созданной комиссией была поставлена задача создать автомобильную компанию; членами этой комиссии были избраны бывший белогвардейский офицер Гмыркин и Бурхан Шахиди, который и был ответственным за организацию курсов шоферов и слесарей<sup>427</sup>.

**Периодическая печать Чугучака.** Анализируя духовную и просветительскую жизнь татарских эмигрантов, следует упомянуть и татарские периодические издания. Как уже было отмечено выше, собственные газеты и журналы татарская диаспора Синьцзяна не издавала, многие татарские периодические издания доставлялись из Казани. В местных газетах на тюркских языках были отдельные новостные колонки на татарском языке, видимо, поэтому издание новых татарских газет не имело смысла. Татарские журналисты в основном работали в уйгурских редакциях. Так, в Чугучаке уйгурами издавалась газета «Безнең тавыш». В этой газете, как и в других уйгурских периодических изданиях, существовала отдельная колонка для татар<sup>428</sup>.

Отметим, что в редакционной коллегии газеты работало много татар. Например, главным редактором газеты был Ибрагим Бекбулатов (уроженец Крыма), корректором – Зияутдин Гашури. Много сил на становление газеты отдали Хисам Бавин, Гариф Бурнашев (наряду с организаторской работой он делал переводы материалов с русского языка; например, при его участии издавались отдельные главы произведений Жюля Верна), Султан Ханафи, Мухамеджан Юсупов. Каллиграфами и печатниками были Валиахмат Муллашев, Хусайн Баймуратов, Фуат Абдрашитов. Начиная с первого номера в газете печатались новости, материалы о жизни города, обзоры международных событий. Позднее стали публиковаться небольшие рассказы, сказки, переводы и др. Встав на ноги, редакция газеты расширила издательское производство и стала выпускать в свет учебники, учебные пособия. Например, были изданы «Математика для начальных классов» Ибрагима Бекбулатова, «Ана теле» Хисама

<sup>427</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 124.

<sup>428</sup> Хисамиева Г. Н. Духовно-просветительская деятельность татар Синьцзяна в XIX – начале XX веков// Вестник Майкопского государственного технологического университета. Вып. 1/2018. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2018. С. 26-27.

Бавина, цифровые ноты и самоучители игры на гитаре и мандолине Фуата Мунасипова<sup>429</sup>.

Посильную помощь в издании газеты «Безнең тавыш» оказывали меценаты. Например, татарский меценат Мирюсуп Мирильхам улы Мирзантбаев, который в то время был зачинщиком благотворительности в Чугучаке, доставлял из Советского Союза необходимые печатные машины, типографическую краску, бумагу и т.д.

Вскоре, в результате политических событий, происходивших в регионе, газета «Безнең тавыш» была переименована в «Тарбагатай хабарларе», и был расширен штат сотрудников. В 1945 г. газета стала именоваться «Халык авазы». Среди журналистов Чугучака особую известность получила Мунира Абдуллатыпова, которая более 10 лет работала литературным сотрудником в Чугучакской газете «Халык авазы». В последствии свою журналистскую деятельность Мунира ханум продолжила в столице Синьцзяна – городе Урумчи, в газетах «Синьцзян» и «Синьцзянские женщины». Ф. Каримова отмечает, что в течение полувека Мунира Абдуллатыпова своим педагогическим трудом и журналистской деятельностью «воспитала не одно поколение молодых людей в духе добра, человечности, честности»<sup>430</sup>.

Таким образом, уйгурские газеты «Безнең тавыш», «Тарбагатай хабарларе», «Халык авазы» сыграли определенную роль в жизни татарской диаспоры. Эти газеты были не только ценным источником просвещения местного населения, но и нравственными и духовными ориентирами для татарской молодежи.

**Театр и струнный оркестр.** Наряду с просветительской деятельностью в Чугучаке развивалась и культурная жизнь. Так, в 30-е гг. XX в. открываются татарский театр и струнный оркестр при Татарском обществе. Работа этих кружков началась с организации «литературных вечеров», затем кружковцы начинают ставить музыкальные спектакли. Известный баянист Нур Габит,

<sup>429</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 13.

<sup>430</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 45.

постоянно присутствовавший на этих вечерах, знакомил жителей Чугучака с музыкальным наследием татарского народа.

Актерами Татарского театрального объединения городов Кульджа, Чугучак и Урумчи ставились такие спектакли, как «Башмагым», «Асыльяр», «Галиябану», «Сүнгэн йолдызлар»<sup>431</sup> и др. В самом Чугучаке татарскими актерами ставились пьесы «Кызлар менә шулай кызык итәләр», «Галиябану», «Банкрот», «Үз сүзле кыз».



Рисунок 3 – Молодые артисты. г. Чугучак. 1929 г.<sup>432</sup>

В 1931–1933 гг. татарская молодежь вышла с постановками на сцену Консульства СССР в г. Чугучак. В 1933–1934 гг. руководил этим театральным кружком Ахматжан Сайфуллин. Одновременно он был режиссером-постановщиком всех спектаклей и гримером. Ахматжан Сайфуллин был известной личностью в городе, его спектакли имели большой успех. Он занимался не только театральной деятельностью, ему принадлежал единственный

<sup>431</sup> تاتارلارنىڭ قىشقە تارىخى. [Краткая история татар. 1988. С. 41.]

<sup>432</sup> Личный архив Мухамедрахимова Р. Ж. (г. Санкт-Петербург). Фотография артистов. г. Чугучак. 1929 г.

в городе кондитерский цех<sup>433</sup>. Руководил театром председатель Татарского общества Зариф Бекбасов, помогал ему Ахматжан Абдрашитов.

Выпускник Казанской консерватории Фуат (его еще называли Меню) Мунасипов создал струнный оркестр. Процесс формирования оркестра шел медленно, по мере обучения татарской молодежи музыкальной грамоте и игре на музыкальных инструментах<sup>434</sup>. Кроме участия в концертах, оркестр всячески содействовал театру. Идейный вдохновитель национального оркестра – Фуат Мунасипов активно участвовал в театральных постановках, исполнял главные роли и был режиссером-постановщиком. Состав струнного оркестра из года в год расширялся. На скрипке кроме Фуата Мунасипова играли Ришат Якупбаев, на рояле – Файзрахман Абдуллин, Хасана Халитова, на мандолине – Хусаин Даулеткельдиев, Рифкат Мурзин, Рахматулла Абдрашитов, Фатих Чанышев, Анвар Тугусов, Владимир Федоров, Нянь Фу Сан, Газиз Бекбулатов, на гитаре – Шарифа Даулеткельдиева, Фаузия Каримова, Муршида Жамали, Фариха Сайфуллина, Шакура Беришева, Мабрура Бекбасова и др. Татарский струнный оркестр исполнял татарские мелодии «Каз канаты», «Ак күш маршы», «Сүнгэн дәрт», «Киш мана», «Баламишкин», «Малина», «Алсу» и др. перед началом спектаклей и в антрактах.

Многие спектакли, а также выступления струнного оркестра, проходили на сцене клуба консульства СССР. Во время всех мероприятий в фойе клуба организовывалась лотерея, работал импровизированный буфет.

В 1937–1938 гг., благодаря жителям Чугучака, было построено здание Народного клуба, где в дальнейшем и устраивались все спектакли и концерты. На новой сцене были осуществлены такие постановки, как «Башмагым», «Асылъяр», «Зәңгәр шәл», «Сүнгэн йолдызлар», «Тәһир и Зәһрә». Кроме татарских постановок на сцене Народного клуба ставили свои спектакли русские, казахские, а также узбекские коллективы. Ко всем спектаклям изготавливались декорации. Никар Вафина вспоминает, что реквизиты к спектаклям приносили обычные

<sup>433</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 49.

<sup>434</sup> Там же. С. 50.

люди, поэтому всё было настоящее. «Когда я переехала в Кульджу, то решила сходить в татарский театр. Их спектакль мне не понравился, так как там не было настоящих реквизитов, всё было какое-то стандартное, не оставляющее никакого впечатления»<sup>435</sup>.

Народный клуб располагался в большом парке, где люди до или после спектакля могли прогуляться, посидеть в чайхане.

Первыми актерами театра были Зуфар Мунасипов, Шакура Мунасипова, Габдулбар Нигматулин, Хафиз Бекбасов, Мухамади Хабиров, Фатих Акчурин, Фатима Бекбулатова, Хасана Халирова, Салама ханум, Муршида Жамали, Фарида и Фуайда Галиевы. Их сменило новое поколение актеров – Рафик Мунасипов, Жаудат Мухамедрахимов, Махмут Мунасипов, Мабрура Бекбасова, Мертемир Жамали, Фатих Каримов, Гарифа Чанышева и др.

По мнению Фаузии Каримовой, одной из наиболее удачных постановок театра стал спектакль «Тахир и Зухра», представленный в 1944 г. Спектакли шли несколько дней, чтобы посмотреть их, съезжались театралы со всех концов Синьцзяна.

Сцена спектакля, где палач отрубает голову Тахиру, была настолько правдоподобной, что в Татарское общество стали поступать жалобы на то, что на сцене театра каждый день одному человеку отрубают голову<sup>436</sup>.

Благодаря участию в таких кружках, среди татарской диаспоры Синьцзяна получили широкую известность многие музыканты и актеры. Например, актриса татарского театра Чугучака Фарида Галиева продолжила свою деятельность в городе Урумчи в 1936 г. С ее участием были поставлены такие татарские спектакли, как «Асыльтар», «Галиябану», «Сүнгэн йолдызлар», «Башмагым». На уйгурской сцене она играла главные роли в спектаклях «Фархат–Ширин», «Янар күл», «Рабия Сагыдин» и др. Ее приглашали и в казахский театр, где она

<sup>435</sup>Личный архив Мухамедрахмова Р.Ж. (г. Санкт-Петербург). Интервью с Вафиной Н.М.: [видеоматериал]. 2021 г.

<sup>436</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 14.

исполнила главные роли в двух спектаклях. Фариду Галиеву в народе называли «Соловей Синьцзяна»<sup>437</sup>.

Таким образом, татары Кульджи и Чугучака ни на шаг не отставали от коренных народов Синьцзяна. Они активно занимались развитием культурно-просветительской деятельности своего народа. Уйгурские газеты «Безнен тавыш», «Тарбагатай хабарларе», «Халык авазы» играли большую роль в жизни диаспоры.

Культура составляла неотъемлемую часть жизни татар. Во многом благодаря организации театра и струнного оркестра жизнь представителей татарской диаспоры была довольно яркой.

**Урумчи.** К концу XIX в. Урумчи считался крупным торговым и административным центром и в то же время мощной китайской крепостью.

Урумчи был основан китайцами при покорении Джунгарии. После этого в город было переселено несколько тысяч крестьян и «преступников из внутренних губерний»<sup>438</sup>. «Урумчи (по-китайски Ди-хуа-чжоу<sup>439</sup>) расположен у северного предгорья Тянь-Шаня, на правом берегу реки Архоту (или Лань-Сань), на расстоянии около полуверсты от нее, жители города пользуются водой из выведенных из этой речки арыков, город почти со всех сторон окружен горами. Город состоит из обширной китайской крепости, построенной в виде неправильного шестиугольника, около четырех верст в окружности, и туземного города, примыкающего к южному фасаду» – писал известный путешественник Михаил Васильевич Певцов в 1889 г.<sup>440</sup>

Город имел одну широкую улицу, которая была одним большим базаром. Проживали в городе в основном дунгане. По данным М.В. Певцова, в городе было много лавок, гостиниц, караван-сараев и около 200 извозчиков<sup>441</sup>.

<sup>437</sup> تاتارلارنىڭ قىسىقچە تارىخى. 1988، س. 43.

[Краткая история татар. 1988. С. 43.]

<sup>438</sup> Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. II. Алма-Ата, 1985. С. 273.

<sup>439</sup> Ди-Хуа (迪化) старое китайское название города.

<sup>440</sup> Певцов М. В. Путешествие по восточному Туркестану, Кунь-луню, Северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1892-м годах. СПб., 1895. С.357.

<sup>441</sup> Там же. С.357.

Как писали путешественники, братья Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло: «Главное значение Урумчи состоит в том, что он расположен на месте пересечения многих путей. Благодаря этому, он представляет собой видный административный пост. Находясь в нем, власти могут с одинаковым удобством управлять и югом, и севером; несколько меньшую роль играет Урумчи в политическом отношении. Наконец, достаточно взглянуть на карту Западного Китая, чтобы оценить торговое значение города. Занимая центральное положение среди городов китайского Притяньшанья, урумчинский рынок сделался главным складочным пунктом для товаров из Китая, России и Западной Европы»<sup>442</sup>.

Как отмечает Г.Е. Грум-Гржимайло, в 1889-1890 гг. в городе Урумчи насчитывалось не более 50 русско-подданных торговцев, а в 1897 г. их число превысило 200<sup>443</sup>. Торговля шла в основном «фабричными товарами и изделиями из металла, сахаром, свечами и разной мелочью. В Урумчи ежегодно осенью и ранней зимой пригонялись на продажу большие гурты киргизских овец из Семипалатинской области.

На вырученные деньги торговцы закупали и вывозили хлопок и изюм из Турфана»<sup>444</sup>.

В Урумчи татары переселились намного позже, в 1881 г.

Здесь преимущественно проживали купцы, крестьяне и немногочисленные ремесленники.

Уже к 1897 г., благодаря финансовой помощи татарских купцов, строится первая мечеть «Ногай мечеть». Увеличение численности татарского населения в Урумчи влечет за собой необходимость расширения мечети. И уже в начале XX в. площадь мечети составляла три тысячи квадратных метра, она вмешала в себя больше тысячи верующих. Первым имамом этой мечети был Сагит Гани хазрат. В 1930-гг. духовной жизнью в мечети руководит Габделхак хазрат, который в конце

<sup>442</sup> Лялина М.А. Путешествие братьев Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло в западный Китай. Спб., 1901. С.57.

<sup>443</sup> Грум-Гржимайло Г. Е. Русская торговля в Китае вообще и в Джунгарии в частности. М., 1910. С. 7.

<sup>444</sup> Певцов М. В. Путешествие по восточному Туркестану, Кунь-луню, Северной окраины Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1892-м годах. СПб., 1895. С.359.

XIX в. учился в городе Медине и был знатоком арабского языка. Затем до 1972 г. место имама занимает Шакир хазрат<sup>445</sup>.

По некоторым данным в Урумчи насчитывалось 27 мечетей<sup>446</sup> из них 22 дунганских, остальные 5 турфанских и кашгарских «сартов»<sup>447</sup>. Татарская мечеть была одна. И она считалась самой современной, как и медресе при мечети<sup>448</sup>, открытое в 1912 г. В медресе из Казани пригласили учителя по имени Зиннатулла, который преподавал по джадидистской методике.

В 1915 г. открылась школа для девочек, в которой начала свою преподавательскую деятельность жена Зиннатуллы – Марьям Зигитбаева. Она, помимо религиозных предметов, обучала девочек вышиванию, ведению домашнего хозяйства и т.д.<sup>449</sup> По сведениям уйгурских исследователей можно заключить, что в первые годы в школе обучалось 48 татарок, в 1920 г. школа стала принимать уйгурок, узбечек, казашек<sup>450</sup>. Со временем рядом со школой открылась небольшая библиотека. В основном, как и все татарские школы других городов Синьцзяна, эти новометодные школы работали за счет пожертвований жителей Синьцзяна.

В школе организовывались краткосрочные курсы по подготовке учителей. Благодаря этим курсам в Урумчи открывались начальные школы национальных меньшинств Китая. На курсы из далеких аулов приезжали и казахи, которые, закончив обучение, возвращались к себе и открывали школы.

В завершении данного параграфа отметим, что крупные татарские сообщества были сформированы в центральных торговых городах Синьцзяна. В новом этнокультурном пространстве они создали свой – татарский – мир, в котором смогли сохранить идентичность и культуру. Их культурно-просветительская деятельность успешно развивалась: строились мечети,

<sup>445</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. С. 185.

<sup>446</sup> Кытайда Өремче шәһәре//Вакыт. 1915. 15 март. Б. 3.

<sup>447</sup> Наименование части оседлого населения Средней Азии.

<sup>448</sup> Кытайда Өремче шәһәре//Вакыт. 1915. 15 март. Б. 3.

<sup>449</sup> Кытайда Өремче шәһәре//Вакыт. 1915. 15 март. Б. 3.

<sup>450</sup> تاتارلارنىڭ قىسىچەتارىخى. 1988.- س. 26.

открывались медресе, библиотечные залы и различные кружки для татарской молодежи и т.д. Благодаря такой деятельности татарская диаспора Северо-Западного Китая сохранила свои корни, свою культуру, свой язык, свою историю.

### **2.3. Татары Синьцзяна в общественно-политической жизни Китая в 1940–1950-е гг.**

Уже в конце 20-х годов XX в. положение татарского народа в Синьцзяне изменилось в худшую сторону. В связи с этим историю локальных групп татар Синьцзяна необходимо рассматривать на фоне событий, происходивших в Китае. В 1927 г. в стране начинается Гражданская война, на фоне этих событий происходит ущемление прав мусульман. Им запрещалось отправляться в хадж, для них повышались налоги и т.д., все это вызывало волнение среди мусульманских народов Китая. Ситуация в Синьцзяне также обострялась тем, что в 1928 г. в провинцию назначается новый губернатор Цзинь Шужэнь, который сократил торговлю с СССР, что привело к существенному сужению рынка сбыта товаров скотоводства местного населения. Это в свою очередь привело к подорожанию промышленных товаров. В конечном итоге все это привело к большому восстанию, к кровавой войне, в которую были втянуты и татары. Восстание, начавшееся в 1931 г., к 1933 г. охватило все регионы Синьцзяна.

Перед анализом череды восстаний мусульман приведем небольшую сводку о национально-освободительных войнах коренных народов нынешнего Синьцзяна. Завоевание Цинами в 1760 г. Кашгарии и Джунгарии привело к ряду восстаний 1765, 1816, 1825–1828, 1830, 1847, 1856–1857 гг.<sup>451</sup> М. Ерзин подчеркивает, что «угнетенный народ никогда не прекращал борьбу за независимость»<sup>452</sup>. Высокая цель – независимость региона – отзывалась в каждом жителе Синьцзяна<sup>453</sup>.

<sup>451</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 170.

<sup>452</sup> Там же. С. 170.

<sup>453</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.6.

В середине 1860-х гг. Синьцзян вновь накрыла волна восстаний. Их итогом стало возникновение в 1864 г. на северо-западе Синьцзяна Илийского Султаната, существование которого длилось недолго – до 1871 г. В этом году русские войска захватили территорию Илийского султаната и, согласно Петербургскому договору, Илийский округ был возвращен под управление Цинов<sup>454</sup>. Но на этом восстания местных жителей не прекратились.

В 1867 г. на юге Синьцзяна возникло новое государство – Йеттишар (Семь городов), включавшее в себя города Кашгар, Яркент, Хотан, Турфан, Аксу, Кучар и Уч-Турфан. Государство возглавил Мухаммад Якупбек. Оно просуществовало 10 лет, «в 1877 г. было оккупировано маньчжуро-китайскими войсками под командованием Цзо Цзунтан»<sup>455</sup>.

В 30-е гг. XX в. началась череда восстаний уйголов в округах Кашгар, Хотан, Яркент, Кучар, Аксу, Турфан, Кумул (Хами)<sup>456</sup>. Во главе движения встали представители знати Ходжа Нияз и Юлбарс-хан. В этом же году дают о себе знать и дунганде из провинций Шэньши и Ганьсу во главе с Ма Чжуныном<sup>457</sup>, которые воевали против китайских правителей. Монголы Юлдуза и Карапара во главе с молодым князем Махаваном (центральные районы Синьцзяна) начали борьбу за самостоятельность, на Алтае поднялось казахское население во главе с Шариф ханом<sup>458</sup>. В результате развернулось мощное вооруженное выступление.

С начала череды восстаний со стороны иностранных держав (Великобритания, Япония и др.) стали осуществляться попытки использовать движение в своих целях. Например, Япония стремилась распространить свое влияние на Синьцзян, где были сильны сепаратистские настроения. Для этого японцы решили организовать съезд мусульман китайского Туркестана и Дальнего Востока<sup>459</sup>. Великобритания также стремилась сделать регион исламским для

<sup>454</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 170.

<sup>455</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 170.

<sup>456</sup> Там же. С. 171.

<sup>457</sup> Восстание в Синьцзяне // Возрождение Азии. 1933. № 111. С.3.

<sup>458</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.6.

<sup>459</sup> Буяров Д.В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 годах // Грамота. 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 26.

создания стратегической зоны угрозы СССР<sup>460</sup>. В целом, у каждой страны была своя определенная цель, но всех их объединяла борьба против СССР<sup>461</sup>. Поэтому зарубежные силы оказывали материальную, военно-техническую, инструкторскую помощь.

Советский Союз со своей стороны поддерживал правительство Синьцзяна, так как внутриполитическая нестабильность Северо-Западного Китая была невыгодна. Она могла привести к усилению позиций англичан или японцев, а также вся эта ситуация могла повлиять на среднеазиатские республики<sup>462</sup>. Понимая, что возможности китайской армии Синьцзяна не приведут к победе над повстанцами, губернаторы региона Ян Цзэнсинь, Цзинь Шужэнь, а затем и его преемник Шэн Шицай, и сами нередко обращались за помощью к СССР. Начальник резведуправления СССР Я.К.Берзин отмечал: «китайские части численностью до 25 тысяч человек представляют собой необученную и недисциплинированную массу. Большей ее части до последнего времени не приходилось стрелять из оружия даже в порядке практической стрельбы. Офицерский состав в огромном большинстве не имеет военного образования или имеет его в объеме синьцзянской военной школы. Другие части синьцзянской армии (киргизские, монгольские и др.) состоят из хорошей кавалерии и стрелков, имеют хороших лошадей, но ненадежны. Эти части в случае развертывания движения должны рассматриваться скорее, как резерв повстанцев, чем как опора китайцев. ... При данном соотношении сил китайцы могут рассчитывать только на свои деморализованные войска, на белых и нашу помощь»<sup>463</sup>.

В течение 1932 г. между повстанцами и правительскими отрядами продолжались столкновения. Главным требованием восставших было создание

<sup>460</sup> Восстание в Синьцзяне // Возрождение Азии. 1933. № 111. С.3.

<sup>461</sup> Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 453; Буяров Д.В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 годах // Грамота. 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 26.

<sup>462</sup> Буяров Д.В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 годах // Грамота. 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 26.

<sup>463</sup> Цит. по: Бармин В.А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1933–1934 гг. Ма Чжунына) // Известия АлтГУ. 2012. №4. –2 (76). С. 30.

мусульманской народной республики. 15 мая 1931 г. лидер уйголов и глава уйгурского революционного комитета и повстанческой армии Ходжа Нияз Хаджи от имени мусульманского населения региона отправил монгольскому революционному комитету, «проводившему в этот период борьбу против китайского режима, секретное письмо с просьбой об оказании военной помощи»<sup>464</sup>. Ходжа Нияз Хаджи писал: «Мы мусульманские народы, уже несколько сот лет платили налоги китайцам и работали на них как собаки и ишаки. Особенно выросло китайское угнетение за последние 10-20 лет. У нас не только отбирали земли и имущество, но всюду назначали своих чиновников, грабивших у нас продукты, дрова и т.п., и этим нас жестоко мучили. Все это мы терпели и не принимали никаких мер. Они не остановились на этих грабежах и стали обижать наши семейства. Мы, мусульманские народы, не могли больше терпеть и решили, что чем умереть таким образом от их рук, лучше бороться против них и уничтожить их, если бог поможет. Мы сами хотим быть себе хозяевами»<sup>465</sup>. Тем самым в своем письме Ходжа Нияз Хаджи открыто сформулировал причины восстания мусульман. Они были следующие:

1. пренебрежительное отношение китайского правительства к местному мусульманскому населению;
2. разорение населения;
3. действия Цзинь Шужэня по упразднению сословий мусульманских князей.

Если говорить более детально, то дела обстояли так: Цзинь Шужэнь брал взятки, увеличивал налог. Уничтожил по дороге из Ланчоу до Синьцзяна все колодцы и закрыл все караван-сараи, прекратив торговую деятельность провинции. Далее для укрепления своей власти и подавления бунтов губернатор Синьцзяна нанял две тысячи русских белых солдат, которых обещал произвести в

---

<sup>464</sup> Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М., 2015. С. 17.

<sup>465</sup> Цит. по: Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931 – 1949). М., 2015. С. 17.

китайские офицеры<sup>466</sup>. Газета «Возрождение Азии» писала: «С помощью русских солдат, он арестовывал все семьи мусульманских князей, а тех, кто защищал их, приказал убить. Кошмар в Синьцзяне возрастил»<sup>467</sup>.

Таким образом, объединившись общей ненавистью к правящему режиму, мусульманские народы региона вступили в борьбу с несправедливостью и беззаконием.

Правительство Китая не могло контролировать ситуацию в Синьцзяне. Ситуация усугублялась ещё и тем, что в самом руководстве провинции обострилась борьба за власть. В апреле 1933 г. командующий китайскими войсками Синьцзяна генерал Шэн Шицай путем военного переворота захватил власть.

Шэн Шицай, настоящее имя Цзинь Юн, выходец из поместичьей семьи, довольно активно поднимался по карьерной лестнице. В 1919 г. учился на военных курсах в Гуандуне. После окончания курсов был принят в 8-ю армейскую бригаду, которая располагалась на северо-востоке Китая. В 1923 г. переехал в Японию, где обучался в университете сухопутных войск, затем по возвращении в Китай, Шэн Шицай поступил в армию Гоминьдана офицером. В 1928–1929 гг. был начальником отдела полевого штаба в Нанкине. «Шэн Шицай был по натуре человеком честолюбивым, и такие должности как начальник полевого штаба его не устраивали, поэтому после знакомства с генеральным секретарем провинции Синьцзян Лу Сяоцзу в 1923 г., он решает отправиться на северо-запад Китая (1930 г.)»<sup>468</sup>.

В июле 1931 г. Шэн Шицай назначается главнокомандующим провинциальных войск на востоке страны.

В результате победоносных операций в Турфане и Шаньшане главнокомандующего именуют «победоносным генералом». Как пишет Ю.П. Гуань: «его отряд был самым сильным в провинциальной армии, его

<sup>466</sup> Восстание в Синьцзяне // Возрождение Азии. 1933. № 111. С.3.

<sup>467</sup> Там же. С. 3.

<sup>468</sup> 新疆五十年——包尔汉回忆录. 1984 年. 183 [Пятьдесят лет в Синьцзяне – Воспоминания Баорхана. 1984. С. 183.]

поддерживали отряды бывших белогвардейцев, так называемые «натурализованные», или русские, отряды, возглавляемые Антоновым и Паппенгутом»<sup>469</sup>.

Став губернатором Синьцзяна Шэн Шицай, проявил себя ярым противником деспотии и произвола, демократом, сторонником прогресса и равноправия народов СУАР. Но в регионе шло мощное восстание, которое ставило под угрозу сохранение китайского господства, что и заставило его мобилизовать все имеющиеся силы и обратиться за военной помощью к СССР. И эта помощь была им получена в виде оружия и боевой техники. Кроме того, Советское правительство перебросило в распоряжение властей Синьцзяна из Дальнего Востока 5 тысяч интернированных китайских солдат (отступившие на территорию СССР под натиском японцев китайские части). Чуть позже Советский Союз отправил два полка Красной армии численностью 7 тысяч человек, которые составили Алтайскую добровольческую армию. Но для полного подавления восстания этих сил не хватило<sup>470</sup>.

М. Юсимов отмечает, что «положение Шэн Шицая настолько осложнилось, что подразделения из бывших белогвардейцев совместно с китайскими войсками с трудом удерживали столицу Синьцзяна Урумчи, о контроле над остальной территорией не приходилось уже и говорить»<sup>471</sup>.

Все же Шэн Шицай сумел внести раскол в ряды восставших. В результате переговоров с уйгурским лидером Ходжа Ниязом Хаджи в июне 1933 г. между ними было достигнуто так называемое «Жемисарское соглашение», по которому было необходимо прекратить боевые действия Ходжа Нияза Хаджи против правительственные войск и совместную борьбу против дунганских сил Ма Чжунина. В обмен на это соглашение Шэн Шицай обещал создание автономии на юге Синьцзяна с предоставлением должности управляющего этой автономии

<sup>469</sup> Гуань Ю.П. Штрихи к политическому портрету Шэн Шицая//Востоковедные исследования на Алтае. 2004.Вып.4. С.118.

<sup>470</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С. 6.

<sup>471</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.6.

Ходжа Ниязу Хаджи, а также было обещано «один миллион сар денег, 10 тысяч винтовок, 10 тысяч боевых коней»<sup>472</sup>.

12 ноября 1933 г. официально было объявлено о создании в городе Кашгар Временного правительства Синьцзяна. Позднее оно стало называться Правительство Исламской Республики Синьцзян. Президентом был провозглашен Ходжа Нияз, премьер-министром – Сабит Дамулла. В состав правительства входило 9 министерств. Представителем правительства был Сабит Абдулбаки (из Кашгара), министром внутренних дел – Юнус Сайдбек (из Кумула), министром иностранных дел – Касымжан (из Хотана), министром обороны – Уразбек (из Кашгара), министром просвещения – Абдулкарим Махдум (из Кашгара), министром сельского хозяйства и торговли – Обул Хасан (из Кашгара), министром финансов – Али Ахунбай (из Кашгара), министром по делам вакуфа – Шамшетдин (из Кашгара), министром здравоохранения – Габдулла Хани (Западный Туркестан), заведующим секретариатом Государственного совета республики – Хали Аглям-Ахун (из Кучара). Флаг нового государства был голубого цвета, в его центре были изображены полумесяц и пятиконечная звезда<sup>473</sup>.

Нужно отметить, что многие малочисленные народы Кашгара и других приграничных городов Синьцзяна поддержали и признали новую власть. Были и вооруженные конфликты между городами. Как писал Хабибрахман аль-Булгари, ко многим конфликтам подстрекали русские<sup>474</sup>, которым была выгодна нестабильная ситуация на границе Восточного Туркестана<sup>475</sup>. В происходящих конфликтах татары также не оставались в стороне. Как отмечает М. Ерзин: «В Кашгаре проживало немало эмигрантов, в том числе татары. Эмигранты принимали участие в вооруженных конфликтах между Кашгаром и Кашгаром-

<sup>472</sup> Цит. по: Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.6.

<sup>473</sup> Хабибрахман аль-Булгари. Шарқый Төркстан министрлар кабинеты// Яңа милли юл. 1934. № 2 (73). Б. 31-32.

<sup>474</sup> То есть Советский Союз.

<sup>475</sup> Хабибрахман аль-Булгари. Шарқый Төркстан// Яңа милли юл. 1934. № 2 (73). Б. 15.

Новый город, где были сконцентрированы военные силы китайских властей»<sup>476</sup>. Например, войсками в то время в Кашгаре командовал некий Тауфик. По мнению М. Ерзина, нет никаких сомнений в том, что Тауфик был татарином, поскольку в Кашгаре его называли не иначе как эфенди (господин) <sup>477</sup>.

В ноябре 1933 г. китайское правительство во главе с генерал-губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем, пытаясь остановить восстание, попросило у Советского Союза помощи. СССР отправляет ранее упомянутую Алтайскую добровольческую армию.

В 1934 г. Советский Союз отправляет группу советских специалистов, возглавляемых А. Маликовым. В составе группы были И.Куц, П.С. Рыбалко, В.Т. Обухов, Шаймуратов<sup>478</sup>.

А. Маликов едет в качестве главного военного советника при главнокомандующем войсками провинции Синьцзянь Шэн Шицае. Инструктора П.С. Рыбалко и И. Куц работали на фронте, Обухов обслуживал тыл фронта, Шаймуратов – занимался учебным полком. Перед группой были поставлены цели: помочь быстро завершить войну с группой Ма Чжунына; реорганизация повстанческой армии; помочь в организации армии провинции, которая могла бы поддержать спокойствие региона<sup>479</sup>.

---

<sup>476</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 174.

<sup>477</sup> Там же. С. 174.

<sup>478</sup> Куц И. С путевкой товарища Берзина. М. 1971. Кн.1. С. 173.

<sup>479</sup> Гришин Я., Мэнди С. Маликов Ади Каримович: изломы судьбы // «Гасырлар Авазы –Эхо веков», №1/2, 2011. С. 67.



Рисунок 4 – А.К. Маликов с генерал-губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем. Урумчи, 1935 г.<sup>480</sup>

В тяжелых военно-политических условиях советские инструктора успешно решали поставленные перед ними задачи.

Переброшенная в Синьцзян Алтайская добровольческая армия была сформирована из различных родов войск Красной армии. Командованию этой армии должны были подчиняться и бывшие белогвардейцы. Операция по разгрому повстанцев длилась до апреля 1934 г.

Л. Садри, вспоминая эти события, пишет: «Русские солдаты ограбили сначала китайцев, а потом дунган и вернулись обратно к себе. Китайцы же ходили по домам и убивали дунган. Уничтожали целые семьи богатых уйгур. Семью одного дунганина – Юсуфа хаджи, который не желал присоединяться к восставшим, сожгли заживо в доме. В доме было одиннадцать человек, и все они погибли; сам Юсуф и его сын остались в живых, поскольку в это время совершали хадж»<sup>481</sup>. По данным Буярова Д.В., в этот период были

<sup>480</sup> ГА РТ. Ф. П8307. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

<sup>481</sup> Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. Б. 30

зарегистрированы случаи, когда повстанцев хоронили заживо<sup>482</sup>. Конечно и со стороны восставших уйгур и дунган были проявления жестокости, но ответные меры подавления были непропорционально велики, что еще больше усиливало сопротивление.

В начале 1934 г. вооруженное восстание уйголов в шести городах Синьцзяна пошло на спад. И к февралю 1934 г. Исламская республика Синьцзян прекратила существование. Премьер-министр Временного правительства Исламской Республики Синьцзян Сабит Дамолла и один из членов руководства – Хамдам Хаджи были схвачены китайцами в мае 1934 г. в городе Аксу, зверски замучены и убиты в тюрьме. Генералу Ма Чжунину с группой преданных ему соратников удалось скрыться на территории СССР, дальнейшая его судьба неизвестна<sup>483</sup>.

По этому поводу С. Уйгури выдвигает предположение, что в уничтожении республики большую роль играл сам Ходжа Нияз, который с 1934 г. сотрудничал с Советским Союзом. Шэн Шицяо такое положение дел было только на руку, благодаря всем этим событиям ему удалось разбить дунганскую армию. А Ходжу Ниязу по договоренности включили в состав провинциального правительства, впоследствии, в 1938 г., казнили как «врага народа»<sup>484</sup>.

Отметим, что на некоторых территориях Синьцзяна все еще шли партизанские войны. Войска китайского генерал-губернатора Шэн Шицая часто безуспешно пытались побороть восставших. Во многом благодаря помощи советских войск многие территории были заняты китайцами.

В ходе военных захватов городов Синьцзяна погибло много наших соотечественников, в их числе известный татарский журналист Хабибрахман аль-Булгари (чьи статьи в журнале «Яңа милли юл» мы использовали в данном исследовании). Хабибрахман Габдрахманов был родом из Казани. Участвовал в Первой мировой войне. Как отмечает М. Ерзин, приехав в Кульджу, журналист

<sup>482</sup> Буяров Д.В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 годах // Грамота. 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 26.

<sup>483</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 175.

<sup>484</sup> Сабит Уйгурский «Уйгурнамә». Алмута. Б. 389–391.

обучал татарскую молодежь военному делу. В 1933–1934 гг. Хабибрахман активно участвовал в национально-освободительской борьбе народов Синьцзяна. Летом 1934 г. войска Шэн Шицая пошли в наступление на город Аксу. На тот момент город являлся опорным пунктом временного правительства Синьцзяна. Во время этой операции Хабибрахман был схвачен, а затем казнен<sup>485</sup>.

В начале 1937 г. в Синьцзяне вновь становится неспокойно. Шэн Шицай, который все еще пытался окончательно сломить сопротивление повстанцев Синьцзяна, снова обратился за помощью к правительству Советского Союза. В результате такого вмешательства все очаги сопротивления были окончательно разгромлены<sup>486</sup>.

По словам М. Юсимова, «в сентябре 1938 г. Шэн Шицай направляется с визитом в Москву. В ходе встречи он изъявляет желание вступить в коммунистическую партию. По решению Политбюро Шэн Шицай принят в ВКП(б) и 29 сентября ему был вручен партийный билет за №1859118. Получение заветной книжки было подкреплено новыми поставками вооружения и военных материалов в обмен на право управления СССР рядом промышленных предприятий и преимущества в торговле»<sup>487</sup>.

Затем под лозунгом борьбы с империализмом Шэн Шицай начал репрессии на территории Синьцзяна. Арестовывали не только всех причастных к восстанию, но и обычных граждан, не имеющих отношения к восстанию. В 1937 г. были арестованы, замучены и убиты переселенцы из России – купцы, мугаллимы, белые офицеры, религиозные деятели, ученые. Очевидца этих событий Л. Садри пишет: «Из татар были арестованы дядя Закирзян Аллаяр, Хамит Садри, Ситдик Аллаяр, Габдрахман Шахиахмет и др. Только Ситдик Аллаяр вернулся, остальных

<sup>485</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 176.

<sup>486</sup> Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931 – 1949). М., 2015. С. 61-74.; Hayit Baymirza. Türkistan Rusya ile Çin Arasında. İstambul, 1975. S. 324.

<sup>487</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.8.

мы больше не видели. Говорили, что от 68 до 140 тыс. находились в тюрьмах, и лишь малая часть заключенных вернулись к своим семьям»<sup>488</sup>.

Раида Закировна Абдышева рассказывает: «до 1938 г. жили спокойно, счастливо, в достатке. В 1938 г. моего отца посадили в тюрьму как «врага народа», с этого момента началась наша черная полоса.

После этого зимой пришли китайцы и выселили нас из дома, сказав, что семья предателя не имеет права жить в центре города Урумчи. Нас, мою маму и трех детей (самой младшей было 6 лет), увезли на окраину города Кульджа в крепость. Заселили в небольшой комнате, на каждого человека предоставили одну доску (жилплощадь) и заперли в крепости. Как будешь жить, что будешь есть – это их не касалось, единственное, три раза в день кипятили воду, разливали кипяток. Есть было нечего.

Двери крепости открывались на два часа, чтобы заключенные могли сходить на базар, который находился возле крепости.

Родственникам не разрешалось передавать деньги, но брат моей матери тайно передавал деньги через шоферов, которые прогуливаясь по базару, незаметно кидали деньги маме в сумку. На эти деньги мама покупала хлеб, картошку, иногда даже мясо. Такой день нам казался праздником.

Через год несколько татарских семей, в том числе и нашу, выпустили под ответственность Татарского общества города Кульджа.

...с 1938 г. своего отца я больше никогда не видела...»<sup>489</sup>

Гаммар Исхаков вспоминает: «...Мы, дети, проснулись от громкого шума и плача. Наша бабушка Гайша вцепилась в своего сына, нашего отца, со словами: «Не отдам своего сына, в чем его вина?». Полицейский ответил, что её сын – японский шпион. Отца увезли. ...Полицейские копались во дворе, потом протыкали стены во всех комнатах, штыками, пытались найти у нас японское золото. [...] В течение 30 дней полицейские держали нашу семью под домашним

<sup>488</sup> Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел-Пресс, 2003. Б.32.

<sup>489</sup> Личный архив Мухамедрахимова Р.Ж. (г. Санкт-Петербург). Воспоминания Абдышевой Р.З.: [видеоматериал].

арестом, пока все основательно не подчистили в наших кладовых, они вывезли из дома все ценное. [...]

Семьи «врагов народа» выслали из города. В сорокаградусную морозную зиму 1939–1940 гг. около 600 семей отправили на грузовиках в город Суйдун-Куре. Здесь всех нас, привезенных, разместили в длинном (до 200 метров длиной) сарае, обустроенным нарами. Каждой семье, в зависимости от численности, выделяли определенную длину на этих нарах. Нам долго не разрешали покидать сарай, потом всё же стали по пропускам выпускать на воздух.

Со временем ситуация изменилась. Под ответственность Татарского общества города Кульджа нашу семью на полуторке увез из лагеря Шакиржан аксакал. ...»<sup>490</sup>.

По сведениям М. Ерзина, «в эти годы были замучены и убиты: братья Хусайн и Хасан Чанышевы, Хасан Янгалычев, Габделхак хазрат Гимадиев, Хайдар Сайрани, Рустам Сайрани (студент, сын Хайдара в возрасте всего лишь 17 лет), Ахмадфарид Габбас, Закир Абдышев, Идрис Апанаев, господин Камал и многие другие известные и простые люди. Например, Хусайн и Хасан Чанышевы владели в Урумчи большой торговой фирмой, которая имела важное значение для развития экономики Синьцзяна. Практически всё имущество этих «государственных преступников» было конфисковано. Чтобы получить тело Хасана Чанышева, его жена отдала последнее что у нее было – дом. После этого тело купца было передано родственникам, а тело Хусайна Чанышева так и не было найдено<sup>491</sup>.

Всем обвиняемым задавались абсурдные вопросы: «Когда продался японцам?», «Почему шпионишь в пользу Англии?», «В какой антиправительственной организации состоишь?» и т. п. Никакие оправдания и объяснения несчастных в расчёт не принимались, всех их военные подвергали изощренным пыткам, а затем убивали или отправляли на долгие годы в тюрьмы.

<sup>490</sup> Исхаков Г. Наша семья//Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.76-77.

<sup>491</sup> Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г. Казань). Интервью Чанышевой А.А.: [аудиоматериал]. 2023 г.

Признания у арестованных добывали под пытками: загоняли иголки под ногти, подвешивали вниз головой, в течение нескольких дней не давали воды, подключали к телу электрический ток, закапывали живьем в землю и т.п. Самым гуманным наказанием считался расстрел»<sup>492</sup>.

С началом Великой Отечественной войны население Синьцзяна, да и сам генерал-губернатор, было на стороне СССР. Жители региона собирали деньги, одежду, еду для отправки на фронт советским солдатам. Узнавая о поражениях Советского Союза, Шэн Шицай резко меняет свою политику в сторону гоминьдана<sup>493</sup>.

Осенью 1942 г. генерал-губернатор Шэн Шицай направил официальную ноту правительству Советского Союза, в которой потребовал, чтобы все советские специалисты, а также воинские части Красной Армии были выведены с территории Синьцзяна. Вскоре после этого был издан указ о запрете любых контактов с советскими гражданами. Нарушение указа влекло за собой немедленный арест. Начался новый этап массовых репрессий. «Сам Шэн Шицай объяснял свои действия тем, что осознал ту опасность, которая представляла для Синьцзяна русская экспансия»<sup>494</sup>. К 1943 г. настал полный разрыв сотрудничества СССР и Синьцзяна. В результате экономика Синьцзяна начала испытывать большие трудности<sup>495</sup>.

Ухудшение отношений отразилось и на татарской диаспоре, отныне доставка книг, учебников, газет и журналов была приостановлена. Это обстоятельство прервало все отношения татар с Родиной. Страдали не только татары, но и все жители Синьцзяна. Во-первых, в ходе всех этих событий прекратилась выплата заработной платы всем, кто прибыл из СССР. Увеличились налоги, которые в конечном счете возросли в 7–8 раз и вскоре стали непосильными для населения. В регионе прекратилась торговля, жители

<sup>492</sup> Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. С. 180.

<sup>493</sup> Гоминьдан – правящая политическая партия Китая под руководством Чан Кайши.

<sup>494</sup> Гуань Ю.П. Штрихи к политическому портрету Шэн Шицая//Востоковедные исследования на Алтае. 2004. Вып.4. С.127.

<sup>495</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.8.

предпочитали вести натуральный обмен. Во-вторых, все люди, чьи дома находились рядом с консульством СССР, были объявлены предателями и подверглись аресту и конфискации всего имущества. В результате были брошены в тюрьмы абсолютно невинные люди, а семьи арестованных отправляли в ссылки. Тюрьмы Синьцзяна заполнились до предела, в результате стали практиковаться массовые казни. «К 1944 г. было казнено 80 тысяч человек и арестовано 120 тысяч»<sup>496</sup>.

Вот так В.И. Петров описывает в своих воспоминаниях сотрудников тюрем: «Рассказывали, что урумчинские тюремщики внесли немало рацпредложений, усовершенствовали пытки, сократили расходы на патроны, веревки, виселицы, яды и прочее, предложив экономные способы умерщвления людей.

Одетые в черную форму, в одинаковых матерчатых тапочках на толстой матерчатой подошве, без головных уборов, с облысевшими черепами, с восковыми лицами, в очках, низкорослые – все как один с физическими недостатками: хромые, кривобокие, косые; особенно много было среди них горбатых. Они медленно передвигались разомкнутыми, растянувшимися рядами, каждый сам по себе, не разговаривали друг с другом, не смотрели по сторонам. Казалось, что по улице ползет полчище черных пауков, готовых уничтожить все на своем пути»<sup>497</sup>.

В-третьих, были изменены учебные программы в школах, изъяты советские книги и программы, введено изучение китайского языка. В-четвертых, начали изгонять советских специалистов, останавливать предприятия. В-пятых, товарооборот с Советским Союзом полностью остановился, стал ощущаться недостаток многих товаров. Притеснения день ото дня становились все сильнее. Видя такую несправедливость, русские стали агитировать население к восстанию. «Русские, решив взять дело в свои руки, расклеивали на улицах агитационные

<sup>496</sup> Хакимбаев А. Национально-освободительское движение в Синьцзяне в 1931-1949. Ч. 1. Институт востоковедения АН СССР, специальный бюллетень №5 (156). М., 1974. №5. С.110.

<sup>497</sup> Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С.436–437.

листовки. Каждый человек, прочитавший листовку, был брошен в тюрьму, их мучили допросами. Люди больше не могли это терпеть»<sup>498</sup>.

Агитацией занимались не только русские, а все – неравнодушные к судьбе своей новой Родины. Махмут Садри вспоминает: «меня впервые арестовали 8 ноября 1944 г. Гоминьдановцы схватили меня, когда я расклеивал листовки, призывающие к восстанию. Ректор вуза поручился за меня, и меня освободили из тюрьмы, уже больного сыпным тифом. После выздоровления я вновь подключился к подготовке восстания вместе с Анваром Лукманом: мы привлекали на нашу сторону солдат-уйголов»<sup>499</sup>.

В период с 1942 по 1943 гг. в Кульдже и Чугучаке началось уничтожение книг, газет, журналов, старинных рукописей, написанных на татарском и турецком языках<sup>500</sup>.

В ноябре 1944 г. началась революция «Восточный Туркестан», или «революция трех округов». Первые восстания вспыхнули в округе Или, затем они охватили близлежащие округа. Результатом восстания стало создание в городе Кульджа Временного правительства Республики Восточный Туркестан 12 ноября 1944 г. В правительство республики, кроме уйголов, вошли монголы, казахи, татары и русские из числа белых офицеров. В отличие от революции 1931–1934 гг., которая имела религиозную окраску, революция 1944 г. носила национально-освободительный характер. «Отстаивая право исповедовать ислам и традиционные привилегии исламского населения, руководители восстания включили в программу положения о дружбе с правительствами всех демократических стран мира, включая СССР, а также об осуждении любого национализма. Иными словами, в идейной платформе восставших содержались элементы общедемократического характера»<sup>501</sup>.

<sup>498</sup> Садри Л. Гомер юлы. Казан: Идел–Пресс, 2003. Б. 33.

<sup>499</sup> Садри М. История одной семьи//Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.50.

<sup>500</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: Мир, 2012. Б. 117.

<sup>501</sup> Международные отношения в центральной Азии: События и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 166

Во главе всенародного восстания в Синьцзяне стояли: узбек Алихан Торе Шакирходжаев<sup>502</sup>, уйгур Хаким-бай Ходжа, казах Абульхайри Торе, татары Абдулкерим Аббасов, Фатих Муслимов, Рахимжан Сабирхажиев, Мухаммеджан Махсум, Касымжан Камбери, Омаржан Пирмухаммад, Рахимжан Сабирхажи, Нурдунбек Рахимов (Илахун), Салижанбай Бабажанов, Жани Юлдашев, Абдуруп Махсум, Мухиддин Ахмадий, Зунун Таипов.



Рисунок 5 – Руководители правительства ВТР. 1945г. Кульджа. Сидят слева: Москалев Павел Павлович, Рахимжан Сабирхажи, Башбай Чолакулы Бафин, Хаким-бай Ходжа, Алихан Торе Шакирходжаев, Абдумутали Халпат, Мухамаджан Махсум, Жамши Мамиев. Стоят слева: 3-й Ахмеджан Касими, 4-й Сулейман Розиев, 5-й Абдуруп Махсум, 6-й Анвар Мусабаев<sup>503</sup>.

В ходе революционных событий 17 ноября 1944 г. было организовано издательство газеты «Азат Шаркий Туркестан» («Свободный Восточный Туркестан») на уйгурском языке. Директором издательства и главным редактором был назначен член правительства ВТР, министр просвещения Хабиб Юнич, кроме него в редакции газеты работал молодой татарский поэт и журналист Хамит Тухфи.

<sup>502</sup> Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931 – 1949). М., 2015. С. 159.

<sup>503</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.50.

Биография Хамита Тухфи также достойна особого внимания. Поэт, журналист Хамит Закиевич Тухфатуллин родился 15 ноября 1922 г. в Семипалатинске в семье купца. В 1933 г. семья обосновывается в Синьцзяне в городе Кульджа. Еще в школе Хамит Тухфи увлекается написанием стихов. В начале революции 1944 г. Хамит Тухфи работает журналистом в редакциях революционных газет Синьцзяна, там же издаются его многочисленные стихи. В 1955 г. Хамит Тухфи переезжает в Ташкент.

В этот период Синьцзяне открывается банк и начинается выпуск собственных денег. Крестьянским хозяйствам стали выдавать кредиты для успешного проведения посевной кампании. По договоренности с советскими властями постепенно восстанавливалась торговля<sup>504</sup>.

28 июня 1946 г. газета «Азат Шаркий Туркестан» была переименована в «Инкилабий Шаркий Туркестан», в которой вскоре начал работать и Мунир Ерзин<sup>505</sup>.

В революции 1944 г., как отмечалось выше, участвовали и наши соотечественники. Татары принимали активное участие в народно-освободительном движении, принесли огромные жертвы ради справедливости и свободы Синьцзяна. Среди них были учителя, ученые, простые люди и др.

Фатих Муслимов, Рафик Байчурин выступали против гоминьдановцев в возглавляемом ими партизанском отряде, получили орден Народного Героя.

Фатих Муслимов переехал в Синьцзян до октябрьской революции вместе с матерью и братьями. Получив образование в четырехлетней школе в городе Кульджа, устроился на работу к купцам. С началом революции 1944 г. Фатих Муслимов в районе Нылкы собирает соратников и организует партизанский отряд.

Рафик Байчурин родился в семье рабочих в Кульдже. В 1944–1945 гг. был командиром партизанского отряда районов Нылкы, Женхо, Шиху.

<sup>504</sup> Исхаков М. Воспоминания//Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.20.

<sup>505</sup> Ерзин М. Гасырлар сере. Алматы: МИР, 2012. Б. 127.

Включились в партизанскую борьбу директор татарской школы Гариф Сиражи, Малик Биктемир, Махмут Аллаяр, Юашев Зариф, Айтутан Юничев, Салих Габитов, Анвар Сайфуллин, Мулламухаммет Фатхуллин, Заки Аухади, Рахим и Рафкат Салихов и многие другие.

В армию шли многие, особенно молодежь, которые жаждали принять участие в освобождении своего края. В результате из добровольцев были сформированы и татарские отряды.

Одним из командиров татарского отряда Тарабагатайского округа был Галимжан Даминов, а его помощником – Талгат Гиматдинов. В составе взвода были Хакимжан Даминов (братья Галимжана), Рашид Хусаинов, Хади Рахимов, Рауф Бекбасов, Фазыл Халитов, Абдурауф Халитов, Габбас Кадыров, Абдулла Валиев, Нури Хакимов, Асет Мусин, Ахтам-жестянщик, Рафик Рахимов, Мисаит Абсалямов, Хасанжан Масыров, Хафиз Аубакиров, Гарифулла Чанышев, Якуб по прозвищу «рус-Якуб», Габдулгазиз Янгуразов и др.

Русским отрядом командовал Бикеев Назим. В составе взвода были Шайхов Сагит, Иникеев Хамит, Чанышев Фатих, Мунасыпов Рафик, Мухамметрахимов Фуат, Юлаев Хамит и многие другие. Рауф Бекбасов вспоминает: «было много и русских, имена некоторых остались у меня в памяти Астафенко, Сорокин Сергей, Зайцевы Иван и Михаил, сын попа Аким, Табачинский Анатолий. Командиры взводов: Тузиков, Десятников, глава штаба Лимиров, фельдшер Харченко»<sup>506</sup>.

В числе медицинского персонала были главный хирург Абдрашитов Аблахат Агзамович, медицинские сестры: Сулейманова Майнур, Беришева (Каримова) Фаузия, Рахимова Сарвар, Гусманова Хадича, Виноградова Манифа, Кременцова Анна, Усачева Антонида, немка Пана, казашка Амина, Мажитулы Рифкат. Глава санчасти – Лигузов<sup>507</sup>.

В этой войне свои жизни отдали сотни наших соотечественников, в тюрьмах гоминьдановцев были замучены молодые парни и девушки. Наряду с

<sup>506</sup> Бекбасов Р. Вакыйгалар хатирәсе. Алматы, 2004. С. 58.

<sup>507</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 80-81; Бекбасов Р. Вакыйгалар хатирәсе. Алматы, 2004. – С. 58.

мужчинами в революционных событиях участвовали и женщины. Они участвовали в боях, становились медицинскими сестрами. Все жители Синьцзяна сражались за свободу и равноправие. Боровшиеся с гоминьдановцами жители Синьцзяна проявили военный талант. Воевавшие на стороне Восточного Туркестана Анас Гусманов, Сагит Шайхиев, Хусайн Юсупов, Ясукай Курбаналиев, Шафика Садри, Рауф Салим, Малик Гимади, Талгат Гимади получили звание майора, Рифкат Сайдиев, Хамит Гали, Фуат Хамит, Джаудат Садри, Айтуган Юнич дослужились до звания подполковника, Габделракыйп Сайбулатов и Ришат Хайбуллины стали полковниками, а Рафик Байчурин получил звание старшего полковника. Против режима Чан Кайши активно боролись и девушки: из Кульджи – Гульфия Шамсетдинова, Шаукия Хафизова, Резида Шафиева, Шамсия Курбангалиева и др.<sup>508</sup>, из Чугучака – Фаузия Каримова, Закия Чанышева и др.

Многие девушки Синьцзяна работали в редакции газеты повстанцев, занимались переводами материалов. Затем часть из них была переведена в военный штаб на переводческую работу. Они были награждены боевыми медалями.

Остальное женское население занималось вопросами обеспечения бойцов теплой одеждой и продовольственными товарами. В этой работе активно участвовали учителя, члены женской организации. Гульфия Исхакова вспоминает: «Все женщины шили белье и одежду для наших солдат, шили днем и ночью при свете коптилок и свеч. Помню, как моя бабушка и Салиха апа в трескучий мороз на грузовике повезли одежду и подарки солдатам на фронт»<sup>509</sup>. Ж. Бурханова пишет: «Люди без сожаления отдавали все для победы. Подумайте только, бабушка-татарка Халима Салимова принесла головку топленого масла и со слезами на глазах просила принять это в помощь фронту: "У меня ничего нет, пусть это будет моим вкладом, пусть наши солдаты поедят масла"»<sup>510</sup>.

<sup>508</sup> Эйди Т. Ах, туган каумем газиз. ( “Эсәрләр”нен дүртенче китабы). Казан: Аваз, 1999. Б. 26.

<sup>509</sup> Исхакова Г. Я помню //Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы: АВС, 1999. С.144.

<sup>510</sup> Бурханова Ж. Воспоминания и размышления//Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы, 1999. С.32.

Особую известность среди военных руководителей получил Маргуб Исхаков, уроженец г. Кульджа, в 1943–1944 гг. участник подпольной организации по подготовке вооруженного восстания против гоминьдановцев в городе Кульджа. В 1944–1949 гг. он – начальник штаба полка, представитель командующего Национально-освободительной армией Восточно-Туркестанской Республики Китая. Участвовал в боях против гоминьдановской армии, в освобождении Илийского, Тарбогатайского и Алтайского округов Синьцзяна<sup>511</sup>. Генерал-майор Китайской народной армии (1955 г.) Маргуб Исхаков после окончания военной академии в Пекине был назначен заместителем командующего Синьцзянского военного округа.

По воспоминаниям Р. Бекбасова, участника всех этих событий, партизанские отряды в 1945 г. были объединены, и на их базе была образована Восточно-Туркестанская национальная армия. Командирами дивизиона были назначены и татары, например – Айтуган Юнич. Был и татарский эскадрон, его начальником был назначен Жаудат Садритдинов, комиссаром – Анас Усманов. «Эскадрон татарских кавалеристов, участвовавший в жарких боях, завоевал авторитет, по четкости и своевременности выполнения заданий командования им не было равных в полку. Со временем татарский эскадрон стал грозной силой и примером для всего полка»<sup>512</sup>.

В результате боевых действий 2 января 1946 г. было подписано соглашение с Гоминьданом, которое состояло из 11 пунктов и имело дополнительные документы. Соглашение предусматривало гарантии свободного развития национальных культур и искусств, свободы слова, печати и вероисповедания. В нем подчеркивалось, что обучение в общеобразовательных школах будет вестись на родных языках местных народов, а в высших школах – на китайском и уйгурском языках по желанию. Оформление официальных документов должно было вестись на китайском и уйгурском языках.

---

<sup>511</sup> Татары Казахстана: краткая иллюстрированная энциклопедия. Казань, 2017. С. 168.

<sup>512</sup> Каримова Ф. О днях минувших. Алматы, 2000. С. 68.

«Соглашением была определена структура управления. За короткий срок предстояло изменить состав правительства области, ввести в него представителей повстанцев. Правительство через три месяца должно было провести свободные выборы в районные органы власти, которым, в свою очередь, поручалось выделить по одному кандидату для включения их в состав областного правительства. Из 25 членов областного правительства 10 определялись центральной властью (в том числе председатель правительства, начальник секретариата, министр внутренних дел, министр экономики, министр общественных работ и т.д.). Наши представители оговорили право трех округов (Алтай, Или, Тарабагатай) на шесть постов заместителей: председателя правительства, начальника секретариата, министров внутренних дел, экономики, здравоохранения и общественных работ. В соглашении также говорилось о сокращении и переформировании частей нашей армии, об обучении офицеров в китайских военных школах, о взаимном освобождении военнопленных и т.д.»<sup>513</sup>.

В результате заключенного соглашения 1 июля 1946 г. было официально объявлено о создании провинциального правительства Синьцзян.

Представителем коалиционного правительства был назначен китайский генерал Чжан Чжичжун, из числа мусульман Бурхан Шахиди и Ахметжан Касими. Министрами стали Керим Аббас, Оспан батыр, Сайфетдин Азиз и др.

11 ноября 1946 г. Ахмеджан Касими вместе с другими делегатами участвовал в национальном съезде Гоминьдана. После двух месяцев работы съезда делегаты вернулись в Урумчи, где на общественном собрании в Уйгурском культурном центре А. Касими рассказал о работе съезда и об особенностях мирного договора с Гоминьданом. В результате уйгурская молодежь выразила протест против договора. К концу зимы 1947 г. вновь начались столкновения между китайцами и уйгурами. Коренное население требовало выполнения всех обязательств, прописанных в договоре. К лету 1947 г. Турфан, Аксу, Хотан охватило восстание.

---

<sup>513</sup> Исхаков М. Воспоминания//Мы из Китая. Сборник воспоминаний. Алматы, 1999. С.27.

Причины восстания охарактеризовать достаточно сложно. Во-первых, в Китае шла гражданская война между коммунистами и гоминьдановцами. «СССР выждал, не поддерживая официально коммунистов, но оказывал им помощь. Контроль над Синьцзяном мог стать важным активом и для Чан Кайши, и для Мао Цзэдуна. Исход борьбы между ними был не ясен, поэтому спешить с передачей Синьцзяна под контроль какой-то другой партии было рискованно. Выгоднее было сохранять в провинции неопределенность. В итоге территория трех округов оставалась неподконтрольной китайским властям до осени 1949 г.

Во-вторых, коренное население испытывало разочарование по поводу содержания соглашения между руководством Восточно-Туркестанской Республики и правительством Синьцзяна. Это раздражение было направлено одновременно против Чан Кайши, лидеров повстанческого движения и Советского Союза, уклонявшегося от поддержки восстания. Часть вождей восставших во главе с Оспан-батыром, отвергнув соглашение с правительством Синьцзяна, снова попыталась уйти в Монголию. Но на этот раз ему преградили путь монгольские войска, которых снова поддержала советская авиация»<sup>514</sup>.

В мае 1947 г., пытаясь снять накал в регионе, китайское правительство снимает с поста председателя провинциального правительства Чжан Чжичуна и ставит уйгура пантюриста Масхуда Сабри Байкозу. Советскому Союзу такое положение дел не понравилось. Поэтому под советским началом начались восстания уже против нового председателя с требованием вернуть Чжан Чжичуна. Это вылилось в политическое противостояние между уйгурскими лидерами-пантюристами и просоветскими восставшими. «В итоге, в августе 1947 г. после длительных дебатов в провинциальном правительстве делегаты от «трех округов» в полном составе покинули Урумчи. С ними также в Кульджу выехали делегаты от Кашгара, Аксу, Хотана, Каракахара, Турфана. Провинциальное правительство оказалось в парализованном положении. Ситуация в регионе осложнилась настолько, что центральное руководство Китая начало отправлять в Урумчи

<sup>514</sup> Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. С.167-168.

оружие и боеприпасы на самолетах, так как имелись все основания ожидать нового восстания. В Кульдже А. Касими провел реорганизацию в руководстве «трех округов». Совместно с командованием Национальной армии были проведены работы по укреплению и некоторому увеличению численности армии. В августе 1948 г. было проведено учредительное собрание новой политической партии «Ассоциация защиты мира и демократии в Синьцзяне» (Иттипак). Тем самым подчеркивалась неотъемлемость провинции от Китая. Председателем Иттипака и секретарем Центрального Комитета стал А. Касими, его заместителем – командующий Национальной армией Исхакбек Мунинов. Также был создан комитет Иттипака Национальной армии, руководителем которого был избран Абдурехим Хасанов. К концу октября в армии насчитывалось 16 полковых, 20 батальонных комитетов Иттипака, а количество членов партии достигло 1300 человек. Число же членов Иттипака по всему Синьцзяну к концу 1948 г. достигло ста тысяч человек. Нужно отметить, что руководители Иттипака одной из главных своих задач ставили искоренение среди населения провинции идей панисламизма, пантюркизма, местного национализма»<sup>515</sup>.

В декабре 1948 г. Масхуд Сабри был снят с поста председателя, и на его место назначен Бурхан Шахиди. Это назначение устраивало руководство как Советского Союза, так и Китая, а также и руководителей «трех округов».

Бурхан Шахиди родился 3 октября 1894 г. в Тетюшском уезде (ныне Буйнский район Республики Татарстан), в деревне Аксу. Начальное образование получил в родной деревне, позже в соседней деревне Кукшем. В период с 1907–1909 гг. Б. Шахиди учился в новометодном медресе «Мухаммадия»<sup>516</sup>. Выучив русский язык, он увлекся чтением произведений русских классиков. В 1912 г. Бурхан Шахиди приезжает в Чугучак, далее в Урумчи, где работает в одном из филиалов фирмы «Тянь-Шань». В период работы в Синьцзяне он быстро осваивает уйгурский, китайский языки. Получает китайское гражданство. В 1933–

<sup>515</sup> Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды. Алматы, 2016. С.28.

<sup>516</sup> Борхан Шәниди – дәүләт һәм сәясәт эшлеклесе, дипломат, галим, язучы. [төз.: Р.Исламов, Р.Мингалиев, Г.Рәхим]. Казан: Жыен, 2020. Б.28.

1937 гг. Б. Шахиди служит на разных государственных должностях. В период правления Шэн Шицая был объявлен «японским шпионом» и арестован (1937–1944 гг.).<sup>517</sup> Благодаря новой власти в 1944 г., выходит на свободу и назначается губернатором города Урумчи. Уже в тот период Бурхан Шахиди нес идею о неделимом Китае, его лозунг звучал так: «Синьцзян уже две тысячи лет неотделимая область Китая»<sup>518</sup>. С 1949 г. Б. Шахиди начинает процесс уничтожения самостоятельности Синьцзяна.

В августе 1949 г. Мао Цзедуном были приглашены 5 делегатов от «трех округов» на Всекитайскую конференцию в Пекине. Конференция должна была пройти в сентябре, но делегаты так и не доехали до мероприятия. По официальным данным все 5 делегатов, а также их адъютанты погибли в авиакатастрофе. В составе делегации были: Ахмеджан Касими – председатель правительства, Абдукерим Аббасов – заместитель председателя, Исхакбек Мунинов – главнокомандующий Народной армии, Далелхан Сугурбаев – заместитель главнокомандующего, Лю Чжи – ответственный секретарь Общества советско-китайской дружбы, Абдурашит Имин – секретарь, Гани Каримов – адъютант И. Мунинова, Усманжан Насыр – адъютант А. Касими.

25 сентября 1949 г. командующий гоминьдановской армией Синьцзяна Тав Зию объявил о своем подчинении Компартии Китая. О своем переходе также объявило провинциальное правительство Синьцзяна во главе с Бурханом Шахиди. 9 января 1950 г. Национальная армия Синьцзяна вошла в состав китайской армии 5 корпусом. Главный штаб армии находился в городе Кульджа. С началом присоединения в штабе начинаются изменения, командир корпуса Могутнов был снят с должности, на его место был поставлен генерал Маргуб Исхаков, а комиссаром корпуса был назначен китаец Жанжен Ви<sup>519</sup>.

1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика со столицей в Пекине, а 2 октября Советский Союз разорвал дипломатические

<sup>517</sup> Там же. С. 57.

<sup>518</sup> Госманов М. Г. Ябылмаган китап, яки чөчелгэн орлыклар. Казан: Татар. кит. нэшр., 1996. Б.179.

<sup>519</sup> Бекбасов Р. Вакыйгалар хатирәсе. Алматы, 2004. С. 95.

отношения с Чан Кайши и установил их с КНР, возглавляемой председателем коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном.

1 октября 1955 г. был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Таким образом, татарская диаспора Синьцзяна оказалась в гуще событий, происходящих в регионе. Представители татарской диаспоры, как и другие национальные меньшинства, участвовали в восстаниях и принесли огромные жертвы ради справедливости и мирной жизни в Синьцзяне.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оказавшись волею судеб в Северо-Западном Китае, татарская эмиграция, наряду с другими этническими группами населения, составила особую прослойку жителей Синьцзяна. Благодаря стремлению сохранить свою религию, язык, традиции и культуру, татары не растворились среди местного населения, а наоборот, сохранили свою самобытность. Кроме этого, они обладали сильной организационной структурой, способностью к самосохранению и самоорганизации. Всё это позволило нам поэтапно рассмотреть, а также восстановить историю татарской диаспоры Северо-Западного Китая, в соответствии с примененными в исследовании научными методами и подходами.

Проведенное нами исследование показало актуальность данной работы, так как история татарской диаспоры Синьцзяна фактически не была разработана ранее. Причины переезда татар, освоение ими новых территорий, процесс формирования общин в Синьцзяне и сохранение этнокультурной идентичности татарского народа, депатриация татар в СССР – все эти вопросы до сегодняшнего дня не поднимались на серьезном научном уровне и не являлись предметом комплексного исследования.

В результате исследования выявлено, что основными причинами эмиграции татар из России в Северо-Западный Китай являлись социально-экономические факторы. С конца XVIII в. татарское купечество начинает осваивать обширные регионы Средней и Центральной Азии, налаживая и укрепляя при этом торгово-экономические связи Российской империи с ними. До XVIII столетия татары появлялись в Северо-Западном Китае только в качестве посредников, торговцев, а в начале XIX в. началось хозяйственное освоение территории и расселение татар в этом регионе. Этому в значительной степени способствовало благожелательное отношение к ним местного населения, прежде всего уйгуров и казахов. Следствием увеличения численности татар стало образование в начале XX в. общин в крупных городах Северо-Западного Китая – в Кульдже, Урумчи и

Чугучаке. Татары, проживавшие в Синьцзяне, оказали большое влияние на развитие местных тюркских народов, прежде всего в области образования.

Приведенная в данной диссертации периодизация истории возникновения татарской диаспоры в Северо-Западном Китае позволила более подробно, а самое главное поэтапно, рассмотреть процесс эмиграции татар в этот регион. В ходе исследования были выделены 2 основных периода (начало XIX в. – 1917 г. и 1917 – 1930 гг.), которые в свою очередь разделены на волны эмиграции. Благодаря приведенной периодизации мы пришли к выводу, что основной поток татар-переселенцев из купеческого сословия начался в 30-х гг. XIX в. До этого границы Западного Китая переходили молодые мужчины, спасавшиеся бегством от рекрутской повинности. Именно молодые люди, бежавшие от рекрутчины, заложили основу для формирования татарской диаспоры в этом регионе, а прибывшие по торговым делам татарские купцы сформировали постоянную татарскую общину. Помимо них в Северо-Западный Китай переезжали просветители, учителя, духовные лица и т.д. Причины переселения в другую страну были разными. Одних переселенцев направляло на чужбину чувство страха, вторых – жажда прибыли, третьих – поиск свободы, четвертых – спасение от голодной смерти и т.д. В результате переселения в другую страну татары утратили свою повседневную среду, а вместе с ней и многие нормы общественных отношений<sup>520</sup>.

Особое место в исследовании занимает тема репатриации татар из СУАР КНР в СССР. Нами было выявлено, что вопрос репатриации бывших подданных Российской империи исходил от китайского правительства, эта идея была актуальна и для СССР, ведь в 1950-е гг. предполагалась крупная кампания по освоению целинных земель, для которой были необходимы человеческие ресурсы. Процесс репатриации проходил в два этапа (1954–1962 гг. и 1962–1963 гг.), большинство репатриантов были расселены в колхозах и совхозах Казахской ССР. В сравнении с русским и казахским потоком репатриантов, татарский поток

---

<sup>520</sup> Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Крафт+, 2001. С. 8.

был значительно меньше и не превышал 5,7% за все периоды депатриации бывших подданных Российской империи.

Изучение роли татарского купечества в укреплении экономики Синьцзяна показало, что в начале своего пути татарское купечество открывало магазины, кафе и рестораны, мастерские и т.д. Татарские купцы были одними из самых богатых и уважаемых людей в городах своего проживания. Они внесли существенный вклад в развитие хозяйственного уклада местного населения, что в значительной степени способствовало развитию и укреплению российско-китайских торговых отношений. Татары оказали большое влияние и на развитие торговли в Синьцзяне, поэтому завоевали уважение многих народов, живущих на территории Китая. Крупные предприниматели Чанышевы, Алдагаровы, Садретдиновы владели такими торговыми фирмами, как «Тянь Шань», «Алтай шеркат», «Рамазан Чанышев и племянники», активно вели торговлю во внутреннем Китае, а также с Россией, Германией, со странами Средней Азии. На зарубежные рынки экспортировались такие товары, как меха, шерсть, сухофрукты, скот и т.д. В Синьцзян же ими импортировались сахар, конфеты, одежда, обувь, спички, керосин, посуда и некоторые другие товары.

Хотя в Синьцзяне в основном проживали единоверцы татар, братские и по языку народы, тем не менее, татарская диаспора не растворилась среди местного населения, не утратила свою этническую специфику. Близость языка и веры помогала татарам в психологической и социокультурной адаптации на чужбине.

Мы выяснили, что главной целью татарской диаспоры было сохранение родного языка, для этого в каждом городе, где проживали татары, одна за другой открывались школы-медресе, библиотеки. Огромный след в истории татарской диаспоры в Северо-Западном Китае оставил татарский ученый и просветитель Г. Буби, принесший в Синьцзян идеи современного просвещения, джадидизма, глоток «свежего воздуха» для татарской общины. Благодаря просветительской деятельности Г. Буби и его жены Хуснифатимы в Кульдже открывается первая татарская женская школа. Открытие женской школы было настоящим прорывом, революцией в сфере народного образования для этого региона. В итоге татарские

школы стали очагами просвещения не только для самих эмигрировавших татар, но и для казахов, уйгур и других местных родственных народов.

Исследование позволило выявить, что театральные труппы, оркестры, творческие кружки и другие очаги культуры были организованы татарами с целью сохранения национальной идентичности, обычаев, традиций и воспитания верности к своему народу. Большая любовь к театру, тяга к прекрасному сплотила татарскую молодежь Синьцзяна. В 30-е годы XX в. в городах Кульджа, Чугучак, Урумчи стихийно организовывались театральные труппы, на сцене ставились такие спектакли, как «Сүнгэн йолдызлар», «Тайир-Зәһрә», «Беренче театр», «Башмагым» и т.д., которые завоевали любовь не только самих татар, но местного населения.

Исследуя общественно-политическую жизнь татар Синьцзяна, мы проследили историческую линию двух восстаний (1931–1934 г. и 1944 г.), в которые была вовлечена и татарская община. Причины или мотивации участия в восстании 1933 г. и революционно-освободительном движении 1944 гг. были частично схожи. В первую очередь, выражение недовольства правительством, защита своих близких, поддержка братских народов и т. д. В ходе восстания татары участвовали в формировании специальных комиссий, правительственные организаций, партизанских отрядов и т. д. Вовлеченность татар сыграло важную роль в укреплении межэтнических связей и совместной борьбы за права и свободу Синьцзяна.

В ходе исследования «революции трех округов» нами был составлен приблизительный список участников революции из числа татарского населения, восстановлена хронология их участия в тех событиях.

Таким образом, исследование показало как общую картину жизни татарской диаспоры в Северо-Западном Китае, так и конкретные аспекты их жизни в этом регионе. Данная работа может стать отправной точкой для обсуждения в дальнейших исследованиях по обозначенной проблематике. В дальнейшем можно более углубленно изучить участие татар в военных действиях 1944 г. на базе выявленных новых документов. Возможно, раскроется роль татарской военной

белой эмиграции в Синьцзяне. Кроме этого, исследования могут коснуться и репатриации татар из Маньчжурии, ведь научных работ в этой области на сегодняшний день нет совсем.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### 1. ИСТОЧНИКИ

#### 1.1. Неопубликованные источники

##### 1.1.1. Архивные материалы

###### Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ)

1. Ф. 114, Оп. 1, Д. 2302 Переписка с начальником Казанской губернии, об открытии торговли в западных китайских городах. (8 марта 1852 – 15 марта 1852).
2. Ф. Р5086, Оп. 1, Д. 222 Документы (статья Адье Я. "Китай после Мао", обзор периодического издания "Всемирные известия уйгур", Акыш А. обзор "Советско-китайские отношения") о положении в Китае; английский, татарский языки латинская графика. Ксерокопии. (1 января 1970 – 1 января 1997).
3. Ф. П8307, Оп. 1, Д. 50 Фотографии Маликова А.К. в группе с Шень Шиуайем (генерал-губернатором Синьцзянской провинции) во время военных учений, г. Урумчи, Китай. (1 января 1934 – 31 декабря 1935)

##### 1.1.2. Материалы из личных архивов

4. Личный архив Абдыкеева Т.А. (Республика Казахстан, г.Алматы) Свидетельство о рождении семьи Абдыкеевых.
5. Личный архив Мухамедрахимова Р.Ж. (г.Санкт-Петербург). Воспоминания Абдышевой Р. З.: [видеоматериал].
6. Личный архив Мухамедрахимова Р.Ж. (г.Санкт-Петербург). Интервью с Вафиной Н.М.: [видеоматериал]. 2021 г.
7. Личный архив Мухамедрахимова Р. Ж. (г.Санкт-Петербург). Фотография артистов. г. Чугучак. 1929 г.

8. Личный архив Рахматуллина М. (Республика Казахстан, г.Алматы) Дневник Рахматуллина Х.: [рукопись].
9. Личный архив семьи Мухамедрахимовых (Республика Казахстан, г.Алматы). Интервью с Мухамедрахимовой И. Ж.: [видеоматериал]. 2023 г.
10. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Абдыкеевым Т.А.: [аудиоматериал]. 2023 г.
11. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Ахметшиной А.Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.
12. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Ахметшиным Н.: [аудиоматериал]. 2023 г.
13. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Баймуратовым А.Р.: [рукопись]. 2023 г.
14. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Батыровой Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.
15. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с братьями Каримовыми И.Ф. и Г.Ф.: [аудиоматериал]. 2023 г.
16. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Габитовым И.: [рукопись]. 2017 г.
17. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Каримовым Р.Ф.: [аудиоматериал]. 2023 г.
18. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Мухамедрахимовым Г.Х.: [аудиоматериал]. 2023 г.
19. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Мухамедрахимовым Р.Ж.: [аудиоматериал]. 2021 г.
20. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Рахматуллиным М.: [аудиоматериал]. 2023 г.
21. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Саттаровым Х.: [рукопись]. 2017 г.
22. Личный архив Хисамиевой Г.Н. (г.Казань). Интервью с Чанышевой А.А.: [аудиоматериал]. 2023 г.

23. Личный архив Чанышевой А.А. (Республика Казахстан, г.Алматы)  
Автобиография Чанышева А.Х.: [рукопись].

24. Личный архив Чанышевой А.А. (Республика Казахстан, г. Алматы).  
Фотография Чанышева Х.

## ***1.2.Опубликованные источники***

25. Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана / Н. Я. Бичурин. – СПб., 1829. – Т. 1. – 230 с.
26. Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай / Н.В. Богоявленский. – СПб., 1906. – 418 с.
27. Бунт в Синьцзяне // Возрождение Азии. – 1933. – №118. – С. 1.
28. Валиханов Ч. Избранные произведения. Вступ. Статья А. Х. Моргулана / Ч. Валиханов. – М., Глав. ред. вост. лит-ры, Изд-во Наука, 1986.
29. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. / Ч.Ч. Валиханов. – Алматы: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии: Т. II. 1985. – 416 с.
30. Восстание в Синьцзяне // Возрождение Азии. – 1933. – № 111. – С. 3
31. Галенович Ю. М. Россия-Китай: шесть договоров / Ю. М. Галенович. – М.: Муравей, 2003. – 405 с.
32. Гедин Свен. В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан: путешествие Свена Гедина в 1893-1897 г. / Свен Гедин; пер. А. и П. Ганзен; изд. А. Ф. Девриена. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. Т. 1. — 1899. — VIII, 485 с. + 116 рис., 2 к.
33. Грум-Гржимайло Г. Е. Русская торговля в Китае вообще и в Джунгарии в частности / Г. Е. Грум-Гржимайло. – М., 1910. – 15 с.
34. Дневная записка переводчика Путимцева, в проезде его от бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно в 1811 г. // Сибирский вестник, 1819. Ч. 7. – С. 29–58.

35. Ефремов Ф. С. Странствие Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение (!) его оттуда через Англию в Россию / Ф. С. Ефремов. – Третие вновь переделанное, исправленное и умноженное издание. - Казань: В Университетской типографии, 1811. – 159, [1] с.; 8° (23 см).
36. Землеведение: география стран Азии, находящихся в непосредств. сношениях с Россиею / пер. с присовокупл. крит. прим., и доп. В.В.Григорьева; изд. Имп. рус. геогр. о-ва. Вып.1: Восточный или Китайский Туркестан. — СПб.: Тип.В.Головина, 1869. — X, 560 с.
37. Землеведение: география стран Азии, находящихся в непосредств. сношениях с Россиею / пер. с присовокупл. крит. прим., и доп. В.В.Григорьева; изд. Имп. рус. геогр. о-ва. Вып.2: Восточный или Китайский Туркестан. — СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873. — VI, 525 с.
38. Земляницина И. Исторический очерк русской торговли с Западным Китаем, через г. Семипалатинск / И. Земляницина // Труды общества для содействия Русской промышленности и торговли. – СПб., Ч. 8. – 1875. – С. 79–150.
39. Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии / Е. Зябловский. Кн. 2 СПб., 1808, 138 с.
40. Каримова Ф. «О днях минувших»: воспоминания алмаатинцев / Ф. Каримова. – Алматы: [б.н.], 2000. – 104 с.
41. Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана: читано в заседании Историко-филологического отделения 9-го января 1890 года / Н. Ф. Катанов. — Санкт-Петербург: [Тип. имп. Академии наук], 1893. — [1], 114 с.; 23. — Прил. к 73 т.
42. Корнилов Л. Г. Кашгария или восточный Туркестан: Опыт военно-статистического описания / Л. Г. Корнилов. – Ташкент, 1903. – 448 с.
43. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем / А. Корсак // Ученые записки Казанского университета. Кн. 1. 1856. – С. 138–168.

44. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля / А.Н. Куропаткин. – СПб., 1879. – 443 с.
45. Лаптев М. Казанская губерния / М. Лаптев. – СПб., 1861. – 415 с.
46. Лялина М. А. Путешествие братьев Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло в Западный Китай / обраб. по подл. Г. Е. соч. М. А. Лялиной. Санкт-Петербург: А. Ф. Девриен, [1901]. XII, [4], 166, 86 с.: С 49 рис., 2 портр. и картой. (Русские путешественники-исследователи).
47. Маннергейм К. Г. Э. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин в 1906–1908 гг. / К. Г. Э. Маннергейм // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Спб., – 1909. – Вып. 81. – 173 с.
48. Мы из Китая: сборник воспоминаний / сост.: Г. Т. Хайруллин, Г. Т. Исхаков; под ред. Г. Т. Хайруллина. — 2-е, доп. и испр. изд. — Алматы: АВС, 1999.— 164 с., [44] с. ил.
49. Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии) / П. Небольсин. – СПб., 1856. – 375 с.
50. Пантусов Н. Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871 – 1877 гг., собранные Н. Н. Пантусовым / Н. Н. Пантусов. – Казань: Университетская типография, 1881. – 226 с.
51. Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь / М. В. Певцов. – М., Государственное издательство географической литературы, 1949. – 880 с.
52. Певцов М. В. Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 / М. В. Певцов. – СПб., 1905. – 423 с.
53. Певцов М.В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 годах: отчет бывшего начальника Тибетской экспедиции М. В. Певцова / М.В. Певцов. – С.-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1895. – XIV, 424 с.

54. Рагозин В. Казанские татары / В. Рагозин // Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник. – М., 1906. – С. 337.
55. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / В. В. Радлов. [Пер. с немецкого К. Д. Цивиной и Б. Е. Чистовой]. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 749 с.: ил., карты. (этнографическая библиотека).
56. Рассказ троицкого 2-й гильдии купца, Абдулвали Абдулвагапова Абубакирова, о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак, и о прочем (П. И. Небольсин) // Географические известия. – 1850. – Июль, август, сентябрь. – С. 371–406.
57. Риттер К. Китайский или Восточный Туркестан / К. Риттер. Изд. Имп. Русским географ. Обществом / пер. с присовокупл. крит. прим., и доп. В.В.Григорьева. 1873. – 525 с.
58. Риттер К. Землевладение. Восточный или Китайский Туркестан / К. Риттер. – СПб., 1869. – 530 с.
59. Русско-китайские договорно правовые акты 1689-1916 / под общ. ред. В. С. Мясникова. – М: Памятники исторической мысли, 2004. – 696 с.
60. Федоров Д. Опыт военно-стратегического описания Илийского края / Д. Федоров. – Ч. 2. Ташкент, 1903. – 325 с.
61. Фирсов Н. Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Очерк из истории торговой политики / Н. Н. Фирсов. – Казань, 1902. – 389 с.
62. Фукс К. Казанские татары / К. Фукс. – Казань, 1844. – 131 с.
63. Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах / М. Чулков. – М., 1781-1785. – 400 с.
- На татарском языке:**
64. Госманов М. Голҗа татарлары / М. Госманов // Азат хатын. – 1952. – № 2. – Б. 5.
65. Госманов М. Г. Ябылмаган китап, яки чәчелгән орлыклар / М. А. Госманов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 206 б.
66. Гөлҗада мәүлүд // Сөембикә. – 1914. – №10. – Б. 19.

67. Гөлҗада мәүлүд бәйрәмендә хатыннар мәжлесендә, Хәдичә Хәсән тарафыннан сөйләнгән нотық // Сөембикә. – 1914. – №10. – Б. 17.
68. Гөлҗада хатыннар өчен тырышу // Сөембикә. – 1914. – №15. – Б. 12-13.
69. Колҗа шәһәре // – Вакыт. – 1910. – 1 апрель. – Б. 4.
70. Колҗада // Вакыт. – 1910. – 21 декабрь. – Б. 3.
71. Кытайда Өрәмче шәһәре // Вакыт. – 1915. – 15 март. – Б. 3.
72. Садри Л. Гомер юлы: [истәлекләр] / Ләйлә Садри; басманың мөхәррире Ф. Хәкимова. – Казан: ("Идел-Пресс" полиграфия-нәшрият тип. басылды), 2003. – 151 б.
73. Садри С.С. Татар башы ниләр күрми...: Очерклар / Сәгыйт Садри; Кереш сүз авт. Р. Батулла. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 48 б.
74. Усманов М. Шәркый Төрксан һәм Голҗа татарлары / М.Госманов // Мирас. – 1992. – № 1. – Б. 79–86.
75. Усманова–Юсимова Н. «Остазларга ихтирам» / Н. Усманова–Юсимова. – Алматы, 2006. – 155 б.
76. Усманова–Юсимова Н. Ана теләге / Н. Усманова–Юсимова. – Алматы, 2006. – 104 б.
77. Усманова–Юсимова Н. Онытылмас шәхесләрбез – незабываемые лица / Н. Усманова–Юсимова. – Алматы, 2009. – 238 б.
78. Усманова–Юсимова Н. Шәркый Төркстан илендә яшәгән Татарларның милли йолалары / Н. Усманова–Юсимова. – Алматы, 2007. – 116 б.
79. Усманова–Юсимова Н. Татарларның милли гореф-гадәт йолалары / Н. Усманова–Юсимова. – Алматы, 2007. – 104 б.
80. Хабибрахман аль-Булгари. Шаркий Төркстан / Хабибрахман аль-Булгари // Яңа милли юл. – 1934. – № 2 (73). – Б. 15.
81. Хабибрахман аль-Булгари. Шаркий Төркстан министрлар кабинеты / Хабибрахман аль-Булгари // Яңа милли юл. – 1934. – № 2 (73). – Б. 31-32.
82. Яушев Н. Шәркый Төркестан / Н. Яушев // Шура. – 1917. – № 12. – Б. 10.

**На уйгурском языке:**

83. تاتارلارنىڭ قىسىقەتارىخى

[Краткая история татар. – Урумчи, 1988. – 110 с.]

**II. НАУЧНАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА**

**2.1. Монографии**

84. Абдуллин Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место / Я.Г. Абдуллин. – Казань: Издательство «Иман», 1998. – 41 с.
85. Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник "Казахстан – Синьцзян". Эмиграция. Репатриация. Интеграция = Kazakhs migration pendulum "Kazakhstan – Xinjiang". Emigration. Repatriation. Integration [Текст] = "Қазақстан – Шыңжан" Қазақтың көші-қон шамшырағы. Эмиграция. Қоныс аудару. Үқпалдасу = The Kazakhs migration pendulum "Kazakhstan – Xinjiang". Emigration. Repatriation. Integration: [монография] / Н. Н. Аблажей; Ин-т истории СО РАН, Всемирная ассоц. казахов, Карагандинский гос. ун-т. – 2-е изд., испр. – Новосибирск : [б. и.], 2015. – 254 с.
86. Аблязов К.А. Историческая судьба татар [текст]: в 2 т. – Т. 1: От племени к нации / К.А. Аблязов. – Саратов: научная книга, 2012. – 416 с.
87. Афанасьев А.Л. Полынь в чужих полях. – Изд. доп. и дораб. / А.Л. Афанасьев. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 285 с.
88. Банникова Е.В. Торговля и купечество в феодальной России / Е.В. Банникова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. – 231 с.
89. Бармин В.В. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 г. / В.В. Бармин. – Барнаул, 1999. – 199 с.
90. Бартольд В.В. История Туркестана / В.В. Бартольд. – Ташкент: Туркестанское гос. издательство, 1922. – 50 с.

91. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1: Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В.В. Бартольд. – М.: Изд-во вост. литературы, 1963. – 759 с.
92. Бартольд В.В. Культура мусульманства / В.В. Бартольд. – Петроград: Б.и., 1918. – 256 с.
93. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. — М.: Наука, 1983. — 412 с.
94. Валеев Р.М. Российско-китайские отношения в XVII-п. пол-не XIX в.: очерки отеч. историографии (40-80-е гг. XX) / Р.М. Валеев. – Казань: Казанский университет, 2011. – 148 с.
95. Вань Цань Национальности Китая / Вань Цань; пер. Чжао Сюцинь и др. – Пекин: Межконтинент. изд-во Китая, 2004. – 210 с.
96. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки историй. / [Б.А. Литвинский, А.П. Терентьев-Катанский, В.А. Ранов и др.]; Под ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. – 455 с.
97. Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе Древнего и Средневекового Востока / АН СССР, Ин-т востоковедения; под ред. Б.А. Литвинского. – М.: Наука, 1986. – 251с.
98. Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи / под ред. Б.А. Литвинского. – М.: Наука, 1984. – 251с.
99. Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX в. – 30-е годы. Исторический очерк. / Р.Б. Гайнетдинов. – Набережные Челны: Камский издательский дом. 1997. – 155 с.
100. Галиев В.З. Караванные тропы / В.З. Галиев. – Алматы: Атамура, 1994. – 122 с.
101. Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949): монография / Дж.П.Гасанлы; пер. с азерб. Ф.Гаджиева. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 360 с.: 43 ил.

102. Гибадуллина Э.М. Участие татар в периодической торговле Казахстана XVIII – начало XX вв. / Э.М. Гибадуллина. – Казань, 2017. – 384 с.
103. Гребенщикова И.В. Репатриация в СССР (организационные основы и нормативно-правовая база): монография / И.В. Гребенщикова; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Уральский юридический ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации". – Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2008. – 189 с.
104. Ерзин М. Из глубин Евразии / Мунир Ерзин. — Алматы: Экономика, 2015. — 560 с.
105. Ерзин М. По следам памяти: Научно-популярное издание / Мунир Ерзин. — Алматы: Экономика, 2017. — 254 с.
106. Ерзин М. Тропою предков: док. повествование / Мунир Ерзин. – Алматы: Ymit, 2005. – 158 с.
107. Закиров Р.З. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX – начале XXI вв. / Р.З. Закиров. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. – 207 с., с фотогр.
108. Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь: Вторая половина XVI – XIX вв. / Х. Зияев. – Ташкент, 1964. – 88 с.
109. История башкирских родов. Байлар. Том 22 / С.И. Хамидуллин, Б.А. Азнабаев. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2016. – 916 с.: илл.
110. История татар с древнейших времен: в 7 т. / Акад. наук Республики Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани; [гл. ред. Р. Хакимов]. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – Т. 5: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Т. 5. – 2014. – 1028, [3] с.
111. История татар с древнейших времен: в 7 т. / Акад. наук Республики Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани; [гл. ред. Р. Хакимов]. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – Т. 6: Формирование татарской нации XIX – начало XX. Т. 6. – 2013. – 1171 с.

112. Калимуллина Ф.Г. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства: монография / Ф.Г. Калимуллина. – Казань: Респ. центр мониторинга качества образования, 2014. – 239 с.
113. Каппелер Andreas. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Andreas Каппелер; пер. с нем. С. Червонная. — М.: "Прогресс-Традиция" –"Традиция", 2000. — 342 с.
114. Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края: (1865-1917) / З. Д. Кастельская; отв. ред. Н. А. Халфин. — М.: Наука, 1980. — 120 с.
115. Кляшторный С.Г. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников / С.Г. Кляшторный, А.А. Колесников, М.К. Басханов; АН КазССР, Ин-т уйгуреведения. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 181 с.
116. Кляшторный С.Г. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX века) / С.Г. Кляшторный, А.А. Колесников; АН КазССР, Ин-т уйгуреведения. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. – 221 с.
117. Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР / В.С. Кузнецов; Рос. акад. наук. Ин-т Дальнего Востока. – Москва: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2002 (Множ. участок ООО СИМС). – 296 с.
118. Кэри А. Путешествие по Китайскому Туркестану и северной границе Тибета / А. Кэри // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (СМА). – Спб., 1888. Вып. 30. – С. 84 – 116.
119. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З.И. Левин. – М.: Институт востоковедения РАН; Издательство "Крафт +", 2001. – 176 с.
120. Махмутов З.А. Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы / З.А. Махмутов. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2015. – 156 с.
121. Махмутов З.А. Татары Казахстана / З.А. Махмутов. – Астана. 2016. – 160 с.

122. Махмутов З.А. Татары Северо-Казахстанской области: история, культура, идентичность / З.А.Махмутов. – Казань: Иман, 2011. – 164 с.
123. Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье: история татарского просветительства в судьбах династии Н. Буби / А.Х. Махмутова. – Казань.: Магариф, 2003. – 453 с.
124. Международные отношения на Дальнем Востоке (1676-1917 гг.) / под ред. Е.М. Жукова. – М.: Мысль, 1973. – 323 с.
125. Мейендорф Е.К. Петешествие из Оренбурга в Бухару / Е.К. Мейендорф. – Москва, 1975. – С. 129.
126. Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817-1917): Изд. 2-е. / А.П. Мельников. – Нижний Новгород: Изд-во АО «НКЦП», 1993. – 300 с., 48 ил.
127. Михалева Г.А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века: Ремесло, торговля и пошлины / Г.А. Михалева; под ред. Г.А. Пугаченковой; АН УзССР, Ин-т истории. — Ташкент: Фан, 1991. — 112, [1] с.; 22 см.
128. Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / Г.А. Михалева. – Ташкент: Фан, 1982. – 92 с.: ил.; 21 см.
129. Мухамадеева Л.А. Купцы Сайдашевы / Лилия Мухамадеева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 79 с.
130. Ногманов А. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков / А. Ногманов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 2015 с.
131. Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. / А.И. Ногманов. – Казань: Издательство «Фэн», 2002. – 232 с.
132. Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания / В.И. Петров. – М.: Крафт +, 2003. – 525 с.
133. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России / С.А. Покровский. – М.: Междунар. кн., 1947. – 404 с.

134. Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования / А.В. Попов. – Москва: ИАИ РГГУ, 1998. – 386 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции / Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт; вып. IV).
135. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919 – 1939. пер. с англ. / предисл. О. Казниной / М. Раев. – М.: Прогресс – Академия, 1994. – 296 с.
136. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVII – XIX веке / В.Н. Разгон. Барнаул, 1998. – 93 с.
137. Ревякина Т.В. Российская эмиграция в Китае: проблемы адаптации (20-40-е гг. XX в.) / Т.В. Ревякина. М.: ИДВ, 2002. – 105 с.
138. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И. Рычков – Оренбург, 1887. – 406 с.
139. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / ред. текста, вступ. ст. и comment. А.Н.Бернштама и Н.В.Кюнера. Т.2, Ч.2: Маньчжурия, Корея и Япония; Ч.3. Средняя Азия и Восточный Туркестан. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950 .— 335 с. : ил. — 24-00.
140. Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае / В.В. Сонин. – Владивосток: Дальневост. гос. ун-т., 1987. – 84 с.
141. Султангалиева Г.С. Татарские переводчики, толмачи в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.): монография в документах / под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. – Казань: ИЯЛИ, 2023. – 300 с.
142. Таипов З.Т. В борьбе за свободу / З.Т. Таипов. – М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва “Наука”, 1974. – 120 с.
143. Татары: [Монография] / [Д.М. Исхаков, Д.Б. Рамазанова, И.Р. Газимзянов и др.]; Отв. ред.: Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. – Москва : Наука, 2001. - 582, [1] с.

144. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / АН СССР. Казан. ин-т яз., литературы и истории; [Отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов]. – Москва: Наука, 1967. – 538 с.
145. Хакимбаев А.А. Национально-освободительское движение в Синьцзяне в (1931–1949 гг.). / А. А. Хакимбаев. – М.: Наука, 1973. – 90 с.
146. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. / А.Х. Халиков. — Казань: Татарское книжное издательство, 1989. — 220 с.
147. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России: (60 – 90-е годы XIX в.) / Н.А. Халфин. — М.: Наука, 1965. — 468 с
148. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века) / Н.А. Халфин. – М.: Наука, 1974. – 405 с.
149. Хейфец А.Н. Соверская дипломатия и народы Востока, 1921-1927 / А.Н. Хейфец; [предисл. К. Иванова]; АН СССР. – Москва: Наука, 1968. – 327 с.
150. Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – в начале XX в. / Л.А. Чвырь. М.: Наука. Главная редакция вост. литературы, 1990. – 209 с.
151. Чулков М.Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах / М.Д. Чулков. Т.1, кн.2., 1782. — [4], 618 с., 2 л. табл.
152. Чулков М.Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах / М.Д. Чулков. Т. 2, кн. 1, половина 2. 1786. – с. 289–705.
153. Шкаренков Л. Агония белой эмиграции / Л.А. Шкаренков. – Москва, Мысль, 1987. – 236 с.
154. Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первая половина XIX века / В.Н. Шкунов. – Самара, 2007. – 578 с.
155. Юсимов М. ВТР (1944–1949) фотоматериалы, документы, награды / М. Юсимов. – Алматы, 2016. – 224 с.

**На татарском языке:**

156. Бекбасов Р. Вакыйгалар хатирәсе / Р. Бекбасов. – Алматы, 2004. – 250 с.
157. Борхан Шәниди – дәүләт һәм сәясәт эшлеклесе, дипломат, галим, язучы [төз.: Р. Исламов, Р. Мингалиев, Г. Рәхим]. – Казан: Жыен, 2020. – 448 б. (“Шәһесләребез” сериясе). – илл. б-н.
158. Гаффарова Ф.Ю. Татар мәһәҗирләре / Ф.Ю. Гаффарова. – Казан: фэн, 2004. – 886.
159. Ерзин М. Гасырлар сере = Тайны веков / М. Ерзин. – Алматы: «Мир» нәшрияте, 2012. – 328 б.
160. Эйди Т. Ah, туган каумем газиз! / Т. Эйди. Казан: Аваз, 1999. – 333 б.
161. Эйди Т. Кардәшләр кочагында / Т. Эйди. – Казан: Аваз, 2000. – 380 б.
162. Ил йолдызы: татар мәһәҗирләре матбуатында Тукай / төз. З. Мөхәммәтшин. – Казан. Тат. кит. нәшр., 2006. – 189 с.
163. Йөртә безне язмышлар. Фәнни-популяр очерклар / Төзүче Әхмәт Сахапов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 240 б.
164. Кытайда яшәүче татарлар: тел һәм фольклор. = Татары, проживающие в Китае: язык и фольклор / [Ә.Ш. Юсупова, Г.Ә. Нәбиуллина, Г.Р. Мөгътәсимова и др.] Казан. федер. ун-ты. — Казан: [Казан университеты нәшрияты], 2014. — 343 б.
165. Мансуров И.С. Татар мәһәҗирияте / И.С. Мансуров; Россия Федерациясе Мәгариф министрлыгы. Стәрләтамак дәүләт педагогия институты. - Стәрлитамак: Стәрлитамак деүләт педагогия институты, 2003 (Тип. Стерлитамак. гос. пед. ин-та). – 161 с.
166. Мингалиев Р. Борхан Шахиди. Тарихта калдырган эзләр / Р. Мингалиев. – Казан: Идел Пресс, 2011. – 223 с.
167. Чанышев М. Кытайда татар мәгарифе тарихы / М. Чанышев. – Казан: Жыен: Идел-пресс, 2007. – 239 б.

**На турецком языке:**

168. Hayit Baymiza. Türkstan Rusya ile Çin Arasında / Baymiza Hayit. İstanbul, 1975. – S. 324. [Баймирза Хайт. Между Россией и Китаем / Баймирза Хайт. Стамбул, 1975. – 324 с.]

**На английском языке:**

169. Dabbs J. The History of Discovery and Exploration of Chinese Turkestan / by Jack A. Dabbs. – The Hague, 1963. – 255 p. [Даббс Дж. История открытия и освоения Туркестана / Дж. А. Даббс. – Гаага, 1963. – 255 с.]

170. Deasy H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan. Being the Record of Three Year's Exploration / by captain H.H.P. Deasy. – London, 1901. – 420 p. [Дейзи Х.Х. В Тибете и Китайском Туркестане. Отчет о трехлетнем исследовании / Х. Х. Дейзи. – Лондон, 1901. – 420 с.]

**На уйгурском языке:**

شىنجاڭ ھەقدە 90 سەھال.- ئۇرۇمچى: شىنعاڭ خەلق نەھىرىپەتى. 1993.

[90 вопросов о Синьцзяне. – Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1993. 80 с.]

172. Уйғурий С. «Уйғурнамә» / Сабит Уйғурий. – Алмута, 2009. – 500 б. [Уйғурий С. Уйгурнаме / Уйғурий Сабит. – Алматы, 2009. – 500с.]

173. Уйғурий С. Ңаят киссилири: өмрүм шундак өткән / Сабит Уйғурий. – Алмута: Мир нәшрияты, 2009. – 302 б. [Уйғури С. Автобиография: так прошла моя жизнь / Сабит Уйғурий. – Алматы: Издательство Мир, 2009. – 302 с.]

**На китайском языке:**

174. 艮族知识丛书. 塔塔尔族.周建华郭永瑛著. 乌鲁木齐, 1992 年. 90页。[Чжоу Цзяньхуа, Го Юнин. Татары. – Урумчи, 1992. – 90 с.]

175. 新疆 五十年 ——包尔汉 回忆录. 1984 年. 北京. 四百一页. [50 лет в Синьцзяне – Воспоминания Бурхана Шахиди. – Пекин, 1984. – 400 с.]

176. 田卫疆, 伊第利斯·阿不都热苏勒.中國: 新疆通史. 2009年. 303页. [Тянь Вэйцзян, Идрис Абдурасул. Китай: Всеобщая история Синьцзяна. Урумчи, 2009. – 303 с.]

177. 孟宪章. 中苏经济贸易史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1991 年. 198页.  
 [Мэн Сяньчжан. История китайско-советских торгово-экономических отношений.  
 Харбин: Народное издательство Хэйлунцзян, 1991. 198 с.]

## 2.2. *Справочная литература*

178. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник / второе переработанное и дополненное издание / С.И. Брук. – М.: 1986. – 829 с.

179. История Татарии в материалах и документах = История Татарии в документах и материалах [Текст] / Ин-т истории Акад. наук и Татарский научно-исслед. ин-т марксизма-ленинизма. – Москва: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. – 503 с.

180. Ков В.Н. История КНР / В.Н. Ков. – М., 2006, Т. 1. – 718 с.

181. Куц И. С путевкой товарища Берзина / И. Куц. – М., 1971. Кн. 1. – 173 с.

182. Краткая история уйголов / [Г.М. Исхаков, Б.А. Литвинский, Т.А. Шеркова и др.; Отв. ред. Г.С. Садвакасов, Г.М. Исхаков]; АН КазССР, Ин-т уйгуреведения. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 254 с.

183. Татары и Татарстан: Справочник / [Д.М. Исхаков и др.]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 173 с.

## 2.3. *Статьи в научных журналах и иных изданиях*

184. Авдакшин А.А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования / А.А. Авдакшин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №2(357). История. – Вып.62. – С.134 – 137.

185. Басин В.Я., Несипбаева К.Р. Внешняя торговля России со странами Востока на рубеже XIX – XX вв. / В.Я. Басин, К.Р. Несипбаева // Из истории

международных отношений в Центральной Азии: Средние века и новое время. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 176–183.

186. Бармин В.А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931 – 1934 гг. Ма Чжунъина) / В.А. Бармин // Известия АлтГУ. 2012. №4. –2 (76). С. 27 – 35.

187. Бунаков Е.В. Из истории Русско-китайских отношений в первой половине XIX в. / Е.В. Бунаков // Советское востоковедение. – 1956. – №2. – С. 96 – 104.

188. Буяров Д.В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 годах / Д.В. Буяров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. – С. 25 – 27.

189. Валеев Р. М. Основные этапы развития торговли и денежно-весовых систем Поволжья и Прикамья периода Средневековья (IX – начало XV вв.) / Р.М. Валеев // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151, кн.2, ч.1. – С. 29-97.

190. Галлямова А.Г. История татар и Татарстана в дискурсе советской эпохи / А.Г. Галлямова // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань.: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 138–146.

191. Гибадуллина Э.М. Переселения татар Поволжья на территорию Казахстана и особенности их расселения в регионе во второй половине XVIII – середине XIX вв. / Э.М. Гибадуллина // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 5 Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.). – Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – С. 83–99.

192. Гибадуллина Э.М. Татарские торговцы в Семипаатинской области Казахстана во второй половине XIX – начале XX вв. / Э.М. Гибадуллина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2013. – № 4. – С. 70–72.
193. Гришин Я.Я., Мэнди С. Маликов Ади Каримович: изломы судьбы / Я.Я. Гришин, С. Мэнди // Гасырлар авазы (Эхо веков). – 2011. – №1/2. – С. 63–71.
194. Гуань Ю.П. Штрихи к политическому портрету Шэн Шицая / Ю.П. Гуань // Востоковедные исследования на Алтае. – 2004. – Вып. 4. – С.118–125.
195. Дубровская Д.В. Илийский кризис в русско-китайских отношениях / Д.В. Дубровская // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 1994, – № 5. – С. 51-63.
196. Дятлов В. Диаспора: попытка определится в понятиях / В. Дятлов // Диаспоры. – 1999. – №1. – С.8–24.
197. Зайцев И.В. Мурат Рамзи и Арминий Вамбери / И.В. Зайцев // Гасырлар авазы (Эхо веков). – 2001. – № 3/4 (24/25). – С. 71 – 75.
198. Исхаков Д.М. Татарстан и татарская диаспора: в поисках новых механизмов взаимоотношений / Д.М. Исхаков // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полигетнического общества: материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26-28. 06. 2008. / отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 69-74.
199. Камалов А.К. Миграция 1950–1970 гг. из Китая в Казахстан: факторы и основные этапы / А.К. Камалов // Отан тарихы. – 2021. – № 3 (95). – С. 144–160.
200. Крайсман Н.В. Этноконфессиональные аспекты политики Российской империи в первой четверти XVIII в. / Н.В. Крайсман // Вестник технологического университета. – 2014. № 16. – С. 283 – 287.
201. Махмутов З.А. Этнокультурные процессы в среде татарской диаспоры Казахстана / З.А. Махмутов // Вестник Чувашского университета. – 2012. №4. – С.37–39.
202. Осепян А.К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде / А.К. Осепян // Вестник ОГУ №7 (156)/ июль, 2013. – С. 68–76.

203. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование Российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. – 1996, – № 1. – С. 53-69.
204. Тимченко С.В. Антицинская борьба народов Восточного Туркестана в первой трети XIX в. и Кокандское ханство / С.В. Тимченко // Из истории международных отношений в Центральной Азии: (Средние века и новое время). – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 92-100.
205. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Диаспоры. – 2000. – №2. – С.43–62.
206. Токумбаев К.М. Татарский пласт в мусульманской культуре Восточного Казахстана / К.М. Токумбаев // Татары на востоке Казахстана. – Усть-Каменогорск. – 2008. – С. 28 –35.
207. Торговля и промышленность // Министерство финансов 1802–1902. Листовка. – 1902. – С. 126-154.
208. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования / Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова // Социологические исследования. – 1996. – №12. – С. 33–42.
209. Усманова Д.М. Мурад Рамзи (1853 – 1934): Биография исламского ученого в свете новых свидетельств / Д.М. Усманова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. № 2. – С.93 – 114.
210. Халитов Р.И. Из истории села Башкул Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области / Р.И. Халитов // Татары на востоке Казахстана. – Усть-Каменогорск, 2008. – С. 121– 135.
211. Хисамиева Г.Н. Духовно-просветительская деятельность татар Синьцзяна в XIX – начале XX веков / Г.Н. Хисамиева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Вып. 1/2018. – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2018. – С. 22– 27.
212. Шигабдинов Р.Н. К вопросу о татарах, татарских мечетях и мадраса в Туркестанском крае в XIX – нач. XX вв. (по материалам архивов Узбекистана) /

Р.Н. Шигабдинов // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 254 – 262.

**На татарском языке:**

213. Эйди Т. Кытай хөкүмәтендә татар / Т. Эйди // Соц. Татарстан. – 1988. – 2 окт. – Б. 5.
214. Эйди Т. Читләрдә йөрөп гыйбрәт ал / Т. Эйди // Мәйдан Чаллы: Әдәби нәфис, ижтимагый журнал / Чаллы шәһәре хөкүмәте; Татарстан язучылар берлеге идарәсе. – Набережные Челны, 2006. – № 7. – Б. 97-137.
215. Гараева Н. Кем ул Морад Рәмзи? / Н. Гараева // Казан утлары. – 1990. – № 2. – Б. 171–180.
216. Cahhari Т. Голәндәм – мәгърифәтче ана / Т. Cahhari // Сөембикә. – 1991. – № 9. Б. 10.
217. Кытай татарлары: мәдәният, тарих һәм хәзерге заман. Түгәрәк өстәл // Безнең мирас. – 2015. – №4. – Б. 12.
218. Миннегуллов Х. Чит илләрдә татар әдәбияты һәм матбуаты / Х. Миннегуллов // Казан утлары. – 1993. – №7. – Б. 154 –163.
219. Миннегуллов Х. Мөһәҗирлектәге татар әдәбияты / Х. Миннегуллов // Казан Утлары. – 2007. – № 12. –Б. 117 – 135.

**На английском языке:**

220. Brubaker R. The “diaspora” diaspora / R. Brubaker //Ethnic and racial studies. – N.Y., 2005. – Vol. 28, №1. – P.1-19. [Брубейкер Р. «Диаспора» диаспора / Р. Брубейкер // Этнические и рассовые исследования. Нью-Йорк, 2005. Т. 28, № 1, С. 1-19. ].
221. Sheffer G.A. New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics / G.A. Sheffer // Modern Diasporas in International Politics. L., 1986. P.1-15. [Шеффер Г.А. Новая область исследования: Современные диаспоры в международной политике / Г.А. Шеффер // Современные диаспоры в международной политике. Лондон, 1986. С. 1-15.].

**На уйгурском языке:**

خەپىز ساتىار سالىھ. شىنجاڭقا ئۆتكىمن بىر بۆلۈم تاتار شەخسلەر. كەشقۇل بەسىر دامۇللام // 222. شىنجاڭ تاتار مەدھىيىتى. 2014, # 0006. – 74 س

[Хафиз Саттар Салях. Татарские деятели. Кашфеласрар мулла / Хафиз Саттар Салях // Культура татар Синьцзяня. – 2014, – № 0006. – С. 74.]

Хәбәз Саттар Салыч. Шинҗаккәдә төткөн бир бөлгөм татар шәхсләр. Хабиб Җөйөчى // Шинҗаккәдә татар. 223. 77.].

## 2.4. Энциклопедии

224. Вафин И.М. Татары в Синьцзяне / И. М. Вафин. – Алматы, 2019. – 500 с.

225. Русское зарубежье = Russia abroad, Russia abroad [Текст] = Russia abroad: золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / [отв. ред. Н.И. Канищева]. — Москва: РОССПЭН, 1997. — 748 с., [32] л. ил.

226. Татары Казахстана: краткая иллюстративная энциклопедия / под ред. Р.В.Шайдуллина. – Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионаоведения АН РТ», 2017. – 524 с., 56 с. цв. ил., карты.

227. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – Т. 3: К – Л. – 664 с., илл., карты.

228. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М – П. – 768 с., илл., карты.

229. Татарская энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – Т. 5: Р – С – Т. – 736 с., илл., карты.

## 2.5. Словари

230. Дипломатический словарь. Том I: А–К / главная редакция А.Я.Вышинский и С.А.Лозовский. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. – 855 с.

231. Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 703 с.

## ***2.6. Диссертации и авторефераты диссертаций***

232. Атантаева Б.Ж. Казахстанско-китайские межгосударственные миграции в середине XIX – начале XXI вв. / Б.Ж. Атантаева: автореф...дис. доктора ист. наук. – Алматы, 2008. – 32 с.

233. Гайнетдинов Р.Б. Деятельность татаро-башкирских эмигрантских организаций и центров в 1900 – начале 1930 гг. / Р.Б. Гайнетдинов: автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань, 1993. – 20 с.

234. Лю Лей. Русская эмиграция в Синьцзяне / Лю Лей: дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 194 с.

235. Михалева Г.А. Торговые и дипломатические связи России с Бухарским ханством через Оренбург в конце XVIII-начале XIX в. / Г.А. Михалева: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. / Г.А. Михалева. — Ташкент, 1963. — 17 с.

236. Шагбанова Ю.Б. Татары на Северо-Западе Российской Федерации: история формирования диаспоры и деятельность ее национальной культурных объединений / Ю.Б. Шагбанова: дис ... канд. ист. наук: 07.00.02. 19.02. 1997. – 200 с.

## **III. Электронные ресурсы**

237. «Белая книга» МИД КНР «История и развитие Синьцзяна». Режим доступа:[[https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce\\_ceml\\_chn/zfbps/200305/t20030531\\_878963.html](https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/zfbps/200305/t20030531_878963.html)]. (дата обращения 26.12.2023)

238. Диаспора. Режим доступа: [<https://en.oxforddictionaries.com/definition/diaspora>]. (дата обращения: 20.05.2019).

239. Из истории переселения из КНР в Казахстан (1940–1960 гг.). Режим доступа: [<https://iaer.kz/ru/item/216-iz-istorii-pereselenia-iz-knr-v-kazakhstan-1940-1960-gg>]. (дата обращения: 20.12.2023).

240. Кондратьева Т. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. Режим доступа: [[http://www.perspektivy.info/book/diaspory\\_v Sovremennom\\_mire\\_evolucija\\_javlenija\\_i\\_ponatija\\_2010-02-27.htm](http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v Sovremennom_mire_evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm)]. (дата обращения: 20.05.2019)

241. Кульджа. Режим доступа: [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Кульджа>]. (дата обращения: 15.12.2017).

242. Летвинцев Г. Воспоминания русского репатрианта. Режим доступа: [Русские эмигранты из Китая – Российская газета (rg.ru)]. (дата обращения: 20.10.2023).

243. Мурат Рамзи – выдающийся татарский богослов. Режим доступа: [[http://dumrt.ru/ru/news/news\\_23374.html](http://dumrt.ru/ru/news/news_23374.html)]. (дата обращения: 12.02.2022).

244. Перебеева М.И., Силина Э.Н. Семипалатинск торговый. Режим доступа: [[cdni-arhiv.vko.gov.kz](http://cdni-arhiv.vko.gov.kz)]. (дата обращения: 05.12.2020).

245. Перепись населения КНР 2022 г. Режим доступа: [[https://tjj.xinjiang.gov.cn/tjj/tjgn/](http://tjj.xinjiang.gov.cn/tjj/tjgn/)]. (дата обращения: 11.02.2023).

246. Русско-китайская караванная дорога. Режим доступа: [[https://megalektsii.ru/s27895t7.html](http://megalektsii.ru/s27895t7.html)]. (дата обращения: 10.04.2018).

247. Татары. Режим доступа: [<https://tatarica.org/ru/razdely/narody/tatary/tatary>]. (дата обращения: 11.02.2023).

248. 大泉塔塔尔族乡[Татарский поселок Дацюань]. Режим доступа: [<https://baike.baidu.com/item/大泉塔塔尔族乡/1638441>]. (дата обращения: 05.06.2024).

249. 第三次全国人口普查 [Третья перепись страны]. Режим доступа: [[https://baike.baidu.com/item/第三次全国人口普查?fromModule=lemma\\_search-box](https://baike.baidu.com/item/第三次全国人口普查?fromModule=lemma_search-box)]. (дата обращения: 20.11.2023).

## СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

стр.

Таблица 1 – «Ведомость об отправляющихся российских купцах, приказчиках и работниках их, какого именно ими товара увезено и на сколько по цене значит ниже сего 1787 года» .....	31
Таблица 2 – Привоз и вывоз российских товаров.....	45
Таблица 3 – Список купцов 3-й гильдии и их торговые обороты .....	48
Таблица 4 – Статистика караванов .....	50
Рисунок 1 – Карта Восточного Туркестана в XVI – XVII вв.....	68
Таблица 5 – Периодизация эмиграции татар в Северо-Западный Китай.....	84
Таблица 6 – Состав семей советских граждан, прибывших из КНР в совхозы и колхозы Казахской ССР (по состоянию на 1 декабря 1955 г.).....	96
Таблица 7 – Статистическая таблица по областям Казахской ССР.....	97
Рисунок 2 – Хасан Чанышев. .....	105
Рисунок 3 – Молодые артисты. г. Чугучак. 1929 г. .....	143
Рисунок 4 – А.К. Маликов с генерал-губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем. Урумчи, 1935 г. .....	157
Рисунок 5 – Руководители правительства Восточно-Туркестанской Республики. 1945 г. Кульджа.....	165

## ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

### Список татар – участников революционного движения и вооруженной борьбы в Синьцзяне

**(составлено на основе данных М.Юсимова, Ф.Биришевой, Р. Бекбасова)**

Абдилясламов Шакиржан  
 Абдирахманов Тимуш  
 Абдирашитов Фуат  
 Абдулатипов Тухфат  
 Абдулбекова Фарида  
 Абдуллаев Абдилрашид  
 Абдуллин Габделрашид  
 Абдуллин Мидхат  
 Абсалямов Шакиржан  
 Абсалямова Амина  
 Агапов Минлихан  
 Акбарова Такмиля  
 Акмуллаев Рахим  
 Акмуллаева Фатима  
 Акчурин Турсун  
 Алдагаров Зия  
 Алдагаров Махмут  
 Амиров Сунгат  
 Ансаров Исмагиль  
 Аухадиев Заки  
 Ахмаров Тухтамыш  
 Ахмаров Шахимардан  
 Ахметшаев Габдельбар  
 Байчурин Рафик  
 Баратов Нурмухаммат  
 Баратов Хамит  
 Бекбасов Рауф  
 Бекбулатов Фаузи  
 Бикиев Надим  
 Бикиев Наиб  
 Бикиев Тахир  
 Биктиморов Малик  
 Биктиморов Талгат  
 Биктиморов Ясукай  
 Биришева-Каримова Фаузия  
 Бурундуков Рауф

Вафин Мухаммаджан  
 Вахитов Камал  
 Габделгариев Хамит  
 Габделсалямов Шакиржан  
 Габдуллатипов Тохфат  
 Габитов Газраил  
 Габитов Рауф  
 Габитов Рефкат  
 Габитов Талгат  
 Гадилгареев Хамит  
 Галиев Хайт  
 Гареев Рафкат  
 Гареев Султан  
 Гатиатуллин Казим  
 Гафуров Фатих  
 Гафуров Ясукай  
 Гибатуллин Рафик  
 Гимади Малик  
 Гимади Махинур  
 Гимади Рафик  
 Гимади Талгат  
 Даминов Галимжан  
 Даминов Хакимжан  
 Еникеев Хамит  
 Зайнетдинов Жамал  
 Ибрагимов Наиль  
 Ибрагимов Ибруш  
 Иминов Ясин  
 Иминова Шаукия  
 Ингамжанов Нигмат  
 Исхаков Асхат  
 Исхаков Ахмет  
 Исхаков Кадирбек  
 Исхаков Маргуб  
 Исхаков Рифкат  
 Исхаков Фатих

Кадыров Габдулла	Сагитов Тухтамыш
Каипов Джужи	Садри Газиз
Камалов Карим	Садри Гаяз
Каюпов Шаукат	Садри Жаудат
Кензин Мажит	Садри Камил
Курбангалиев Фуат	Садри Махмут
Курбангалиев Шаукат	Садри Сагит
Курбангалиев Ясукай	Садри Салих
Курбангалиева Шамсия	Садри Хамит
Курмаев Вали	Садри Шафика
Курмаев Вафик	Сайтова Марфуга
Курмаев Рафкат	Сайбулатов Абдулхак
Лаван Гумар	Сайдинбаев Рауф
Лаван Ибрай	Сайфуллин Анвар
Лаван Рауф	Салимов Рауф
Лукманов Анвар	Салихов Рафкат
Мажитов Сиддик	Сартбаев Абдулкарим
Маметдинова Гульбика	Сафаргалиев Мажит
Мангушева Марзия	Сафаргалиев Ягфар
Миниева Нармина	Сименеев Гаяз
Минлигазиев Шавали	Сиражи Гариф
Миррахимов Ильяс	Сиражи Фарук
Миршанов Ажуват	Сулейманова Махинур
Муллабаев Рафкат	Табиев Шаукат
Муллабаева Фатима	Тажитдинов Наиль
Мунасипов Рафик	Тажитдинов Рифкат
Муратов Рашид	Тажитдинов Талгат
Муртаев Вали	Тажитдинов Хабиль
Мусабаев Абдулхак	Тажитдинов Шамиль
Муслимов Садик	Тухватулин Муллахмат
Муслимов Фатих	Уразаев Мидкат
Муслимов Хамит	Усманов Абдулахат
Мухаррамов Камал	Усманов Анас
Надиров Сафуат	Усманов Матин
Надиров Султан	Усманов Фаик
Назияров Гани	Усманов Фарит
Нигматуллина Фарида	Фатихов Даулат
Нуриев Багаутдин	Фатхуллин Муллахмат
Рафиков Малик	Фатхуллин Мулламухаммат
Рафиков Тимуш	Хабибуллина Гадиля
Розиев Гумар	Хайбуллин Ришат
Сагитов Минхаж	Хайбуллин Хасан
Сагитов Мурат	Хайри Гиляжиддин
Сагитов Рустам	Хакимов Вали

Хакимов Накип  
Хамитов Бату  
Хамитов Ваккас  
Хамитов Фуат  
Хамитова Ризада  
Хасанов Васик  
Хасанов Гимран  
Хасанов Нафик  
Хафазов Гасим  
Хафазов Тахир  
Хафазова Шаукия  
Хусаинов Рифкат  
Чанышев Фатих Г.  
Чанышев Фатыйх И.  
Чанышева Закия  
Чапаев Ахтам  
Шайхи Сагит  
Шакиров Галиахмат  
Шамсутдинова Гульфия  
Шахмаева Хадича  
Шаяхматов Равиль  
Шаяхматов Султан  
Юашев Зариф  
Юлаев Хамит  
Юлатов Хамит  
Юлдабаев Рафкат  
Юничев Айтуган  
Юничев Хабиб  
Юсупов Ахмет  
Юсупов Наиль  
Юсупов Хусайн  
Якубов Шафик

**Свидетельство о рождении, подписанное Кульджинским дамуллой**

КОПИЯ

Перевод с татарского языка

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В О О Р О Ж Д Е Н И И

Дано настоящее в том, что действительно:

1. Ахлюла Губайдуллаевич Абдыкиев родился в 1896 году / тысяча восемьсот девяносто шестом / году в Верхне-Уральском районе;
2. Шамсия Аипджановна Абдыкиева родилась в 1911 году / тысяча девятьсот одинадцатом / году в Алма-Атинской области;
3. Кадима Ахлюлаевна Абдыкиева родилась в 1935 / тысяча девятьсот тридцать пятом / году в гор. Кульдже Западный Китай;
4. Тауфик Ахлюлаевич Абдыкиев родился в 1937 / тысяча девятьсот тридцать седьмом / году в гор. Кульдже Западный Китай;
5. Фарзана Ахлюлаевна Абдыкиева родилась в 1939 / тысяча девятьсот тридцать девятым / году в гор. Кульдже Западный Китай;
6. Рафик Ахлюлаевич Абдыкиев родился в 1941 / тысяча девятьсот сорок первом / году в гор. Кульдже Западный Китай;
7. Зайтуна Ахлюлаевна Абдыкиева родилась в 1943 / тысяча девятьсот сорок третьем / году в гор. Кульдже Западный Китай.

Удостоверяя действительность рождения вышеперечисленных, одновременно подтверждаю, что перечисленные дети: Казима, Тауфик, Фарзуна, Рафик и Зайтуна действительно находились при воспитании их родителей—Отца—Ахлюллы и матери—Шамсии.

Выписка выполнена из книги Имама татарской мечети.

Имам татарской мечети Кашфларар Дамулла / печать / 7 июня 1954 года.

Перевод с татарского языка на русский язык выполнил гр. Федоров Владимир Николаевич, проживающий в гор. Алма-Ате, ул. Шусева, 9

16 августа 1972 года.

17 августа 1972 года Я, Резамов нотариус I-й Алма-Атинской Государственной нотариальной конторы свидетельствую, что предстоящая подпись сделана собственноручно лично мне известным переводчиком Федоровым Владимиром Николаевичем.

Взыскано 30 коп. Госпошлины по реестру №

нотариус

Смотрите на обороте

## Фрагмент автобиографии Чанышева А.Х.

Автобиография.

А. Чанышев Ахмедзаша Хасановык,  
родился 25 декабря 1935 г. в г. Чугучаке КНР  
в семье токаря.

По национальности - татарин.  
С 1920-х - 1928-х гг. учился в г. Чугучаке  
в Духовной школе (Мечреся)  
С 1928 - 1930-х гг. занимался гаситией  
торговцев в городах Чугучак, Чуришса,  
Токтогул.

В 1950-х переехал в г. Чугучак наем -  
шапсул скотоводчеством, где и прожил  
до отъезда 1962 г.

Зависимость 1962 г. по визе № 625 659 переехал  
из КНР в СССР через погран-  
пункт Бахта.

В 1929 г. женился в г. Чугучаке на сапи-  
шевой Африде Хасановне, от этого брака  
имел детей:

1938

1936 - Чанышева Рафаиля Ахмедзаша - 1937 г. рожу.  
В насторожнее время проживал в г. Чуришса  
в КНР.

1936 - Чанышева Рашида - 1939 г. рожу.  
1936 - Чанышева Альши - 1941 г. рожу.

В 1943 г. жена Африда умерла по  
болям.

В 1953 г. вторично женился на Мухамедуре -  
хасановой Намы Хасановне из гр. к. СССР  
1920 г. рожу. От второго брака имел  
детей:

1953 - Чанышева Альшира - 1955 г. рожу.  
1958 - Чанышев Намы - 1958 г. рожу.

Моя реальная:

Отец - Чанышев Хасан Нигматуллович  
родился 1872 г. в Ашабадской об.  
Туркменский р-он село Дусай.

В Китай выехал из России 1895 г. по  
торговому делу.

Умер 1939 г. в г. Чуришса.

Мама - Чанышева Гульсум Розетка  
в 1890 г. в Ашабадской об. Туркменский  
р-он село Дусай. 1904 году вышла замуж за  
в насторожнее время проживала в г. Аксу  
Североказахстанской об.

## Примеры анкетных данных информантов

## АНКЕТА

Глубокоуважаемые гости Юбилейной встречи!

Для сбора информации об истории, быте и культуре татар, проживавших в Северо-Западном Китае и вернувшихся в СССР на территорию Казахстана, нам очень важны Ваши воспоминания о жизни Ваших семей в этот непростой период.

В связи с этим искренне просим Вас заполнить следующие пункты анкеты.

Ваше ФИО \_\_\_\_\_

Дата \_\_\_\_\_ и место Вашего рождения \_\_\_\_\_

Если Вы желаете рассказать о жизни своей семьи, то просим для связи написать Ваш номер телефона \_\_\_\_\_ и адрес электронной почты \_\_\_\_\_  
Гульназ Назымовна Хисамиева, как научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, обязательно свяжется с Вами.

Если же Вы предпочитаете сами написать о жизни Вашей семьи, то просим Вас ответить на следующие вопросы и выслать анкету Гульназ Назымовне (можно в виде фотографии) на адрес почты \_\_\_\_\_ или по Ватсап на номер \_\_\_\_\_

1. Как Ваша семья попала в Китай? В какой город, какую местность переехали?

Учили на территории Семипалатинской обл при революции переселились в г. Бурчум КНР. Семья

2. Как складывалась жизнь в новой местности (быт)?

Хуже становилось, дети купчев и ахул, занимались проститутками

3. Какое отношение было между татарами и местным населением?

Татары в г Бурчум основное население казахи. Отношение враждебное, учились в медресе.

4. Чем занималась Ваша семья до переезда в Китай и где она проживала?

Купчев, ахул, и просто рабочие. Прадеды из Казани → Семей → Бурчум → Забсай.

5. Кухня, есть ли такие блюда, которые ваша семья переняла у местного населения Синьцзяна? Лагман, плов

6. Причина переезда из Китая в СССР (когда, сколько семей)?

1954-1956 г. переехало около 7 семей, притеснялись со стороны китайцев и коммунистов

7. Была ли возможность переехать в другую страну, кроме СССР?

Афганистан, Турция

8. В каких условиях оказались после переезда?

Оченье плохих, несколько лет голодали, не вернули принадлежащее драгоценности, когда же забрали на таможне.

## АНКЕТА

Глубокоуважаемые гости Юбилейной встречи!

Для сбора информации об истории, быте и культуре татар, проживавших в Северо-Западном Китае и вернувшихся в СССР на территорию Казахстана, нам очень важны Ваши воспоминания о жизни Ваших семей в этот непростой период.

В связи с этим искренне просим Вас заполнить следующие пункты анкеты.

Ваше ФИО \_\_\_\_\_  
Дата \_\_\_\_\_ и место Вашего рождения \_\_\_\_\_

Если Вы желаете рассказать о жизни своей семьи, то просим для связи написать Ваш номер телефона \_\_\_\_\_ и адрес электронной почты \_\_\_\_\_.  
Гульназ Назымовна Хисамиева, как научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, обязательно свяжется с Вами.

Если же Вы предпочитаете сами написать о жизни Вашей семьи, то просим Вас ответить на следующие вопросы и выслать анкету Гульназ Назымовне (можно в виде фотографии) на адрес почты \_\_\_\_\_ или по Ватсап на номер \_\_\_\_\_

1. Как Ваша семья попала в Китай? В какой город, какую местность переехали?

ЧУГУЧАК. ПАПА - ТАТАРЧИ, МАМА - ЧИГУРКА. РОДИТЕЛЬ МАМЫ БЫЛ ЧИГУЧАЧАЧИ. ВСЕ ВАЛЫ СМОНГЛАЧИ. ПРЕДКИ ПАПЫ - КИРГАЧИ

2. Как складывалась жизнь в новой местности (быт)? - МАМА ВСЕГДА НАЛАДИЛА ЧТО-МНОГО УЧИЛАСЬ И РАБОТАЛА ПО ДОМУ, ИЗ ПРИЯТЕЛЬНЫХ - САМОЕ ВКУСНОЕ МОРОЖЕНЬЕ ВНИЗНУ БЫЛО В КИТАЕ.

3. Какое отношение было между татарами и местным населением?

ОНИ НИЧИ ДЛЯ СЛОРОЙ, ПОЭТОМУ ИСЧИЖЕНИЕ БЫЛО РОДСТВЕННИКИ

4. Чем занималась Ваша семья до переезда в Китай и где она проживала?

ПРЕДКИ ПАПЫ ЧИГУЧАЧИ, МАМЫ ПАПЫ С ЧУГУЧАЧИ.

5. Кухня, есть ли такие блюда, которые ваша семья переняла у местного населения

СИНЬЦЗЯНА? НЕТ ТАКОГО, СУГУБО НАЧ-НЬЕ

6. Причина переезда из Китая в СССР (когда, сколько семей)? ПОСЛЕ ВОЙНЫ СССР НУНДАЛСЯ В ПРИТОКЕ; ПОЭТОМУ ЧВОЗМОННОСТЬ ОДЕЩИДА БЕСПРЕДЕЛ

7. Была ли возможность переехать в другую страну, кроме СССР? ДРУНЬЯ СЕМЕЙ НЕ ДАЛА ТАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ - ДРУНЬЯ ОБЩИНОЙ.

8. В каких условиях оказались после переезда? НЕ САМЫХ ХУЧШИХ.

ПАПА СНАЧАЛА В ПАВЛОДАРСКУЮ ОБЛАСТЬ, ПОТОМ АЛМАТАЙ, МАМА В СЕМИПАЛАТИНСК, АТОМНЫЕ ВЗРЫВЫ, ПОТОМ АЛМАТАЙ